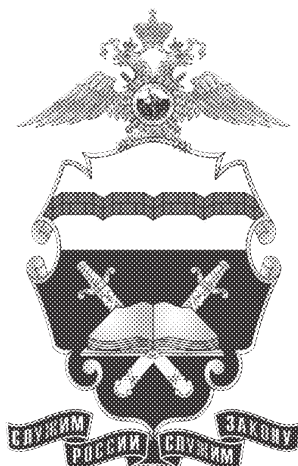

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

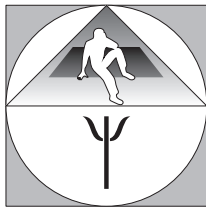

Научно-практический журнал

**Психопедагогика
в правоохранительных органах
Том 31
№ 3(106) июль – сентябрь 2026 г.**

Scientific practical journal

**Psychopedagogy in Law Enforcement
Volume 31
No 3(106) July – September 2026**

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ 2026. Том 31, № 3(106)

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

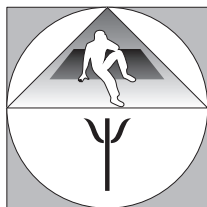
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям наук: психологические науки, педагогические науки, юридические науки

Редакционная коллегия

Г. Д. Бабушкин, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск) — *заместитель главного редактора*
М. И. Марьин, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет) — *заместитель главного редактора*
В. Л. Цветков, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя) — *заместитель главного редактора*
В. А. Адольф, д-р пед. наук, проф. (Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева)
В. Н. Александровская, д-р филос. наук, д-р психол. наук, проф. (Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького Минздрава России)
И. Ф. Андрущишин, д-р пед. наук, проф. (Казахская академия спорта и туризма, Алматы)
Л. Н. Антилогова, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Н. В. Астафьев, д-р пед. наук, проф. (Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)
А. В. Булгаков, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
В. В. Вахнина, д-р психол. наук, проф. (Университет прокуратуры РФ, Москва)
И. В. Вачков, д-р психол. наук, проф. (Московский институт психоанализа)
И. А. Ветренко, д-р полит. наук, проф. (Северо-Западный институт РАНХиГС, Санкт-Петербург)
И. А. Вишняков, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
А. В. Глазков, д-р психол. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
М. А. Ерофеева, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
С. Ю. Жданова, д-р психол. наук, проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет)
Э. В. Зауторова, д-р пед. наук, проф. (Вологодский институт права и экономики ФСИН России)
В. О. Зверев, д-р ист. наук, доц. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Э. Р. Исаков, д-р мед. наук, проф. (Башкирский государственный медицинский университет, Уфа)
Т. Н. Кильмашкина, д-р юрид. наук, проф. (Государственный университет просвещения, Москва)
М. П. Клеймёнов, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
В. И. Коваленко, д-р пед. наук, проф. (Белгородский государственный институт искусств и культуры)
В. В. Кожевников, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
В. Н. Коновалов, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск)
И. О. Котенев, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
О. М. Краснорядцева, д-р психол. наук, проф. (Томский государственный университет)
В. Б. Куликов, д-р филос. наук, проф. (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург)
И. Б. Лебедев, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
А. В. Литвинов, канд. техн. наук, доц. (Омская академия МВД России)
Е. И. Мещерякова, д-р пед. наук, проф. (Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, Воронеж)
Н. А. Минжанов, д-р пед. наук, проф. (Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан)
Е. А. Науменко, д-р психол. наук, проф. (Ургенчский государственный университет, Республика Узбекистан)
А. А. Нечепуренко, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
В. Е. Петров, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
О. Л. Подлинняев, д-р пед. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
Д. С. Рудьман, канд. юрид. наук, доц. (Омская академия МВД России)
Н. Н. Савина, д-р пед. наук, проф. (Новосибирский государственный университет)
Н. В. Сердюк, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
А. Н. Сухов, д-р психол. наук, проф. (Академия ФСИН России, Рязань)
А. Ю. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Н. В. Ходякова, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)

Н. В. Чекалева, д-р пед. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Е. В. Черный, д-р психол. наук, проф. (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь)
Д. В. Четвериков, д-р психол. наук (Клиническая психиатрическая больница им. Н. Н. Солодниковой, Омск)
А. С. Шаров, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
В. М. Ялтонский, д-р мед. наук, проф. (Московский государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова)
М. С. Яницкий, д-р психол. наук, проф. (Кемеровский государственный университет)
Редакционный совет
В. Л. Кубышко, канд. пед. наук (МВД России, Москва) — *председатель редакционного совета*
В. М. Крук, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана) — *заместитель председателя редакционного совета*
А. Г. Абдуллин, д-р психол. наук, проф. (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск)
М. В. Бавсун, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Т. Ю. Базаров, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
Б. Б. Булатов, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
С. К. Буряков, канд. полит. наук (Омская академия МВД России)
Б. А. Вяткин, д-р психол. наук, проф. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
И. В. Гайдмашко, д-р психол. наук, проф. (ФНЦ психологических и междисциплинарных исследований, Москва)
О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф. (Байкальский государственный университет, Иркутск)
В. А. Гусев, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Б. Ю. Дерешко, канд. юрид. наук, доц. (Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва)
В. Ф. Енгальцев, д-р психол. наук, проф. (Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского)
Ф. К. Зиннуров, д-р пед. наук, проф. (Казанский юридический институт МВД России)
А. Г. Караяни, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ)
А. Г. Маклаков, д-р психол. наук, проф. (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)
С. Б. Малых, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
А. Н. Пастушеня, д-р психол. наук, проф. (Академия МВД Республики Беларусь, Минск)
В. М. Поздняков, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
А. А. Реан, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
В. Ю. Рыбников, д-р психол. наук, д-р мед. наук, проф. (Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России, Санкт-Петербург)
В. Л. Ситников, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
О. А. Ульянина, д-р психол. наук, доц. (ФКЦ по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования, Москва)
Р. Х. Усманов, д-р полит. наук, проф. (Астраханский государственный университет)
С. Н. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Б. А. Федулов, д-р пед. наук, проф. (Барнаульский юридический институт МВД России)
Ю. А. Шаранов, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)

Учредитель издания: федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Омская орден Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». Главный редактор **А. Ф. Караваяев**. Редактирование, корректура **М. В. Виноградовой**. Компьютерная правка и верстка **М. Ю. Чалковой**. Перевод, корректура **Ю. И. Алферовой**. Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии): Россия, 644092, г. Омск, пр-кт Комарова, 7, ОМА МВД России. Тел.: +7-913-971-80-28, факс: +7(3812)750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru, <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>. Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись ПИ № ФС 77-74589 от 24 декабря 2018 г. Выход в свет: 30.09.2026. Тираж 50 экз. Уч.-изд. л. 15,0. Усл. печ. л. 14,4. Заказ № 247. Бесплатно. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. © Омская академия МВД России, 2026

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 31, No 3(106). 2026

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences, psychological sciences, pedagogical sciences

Editor-in-chief Aleksandr F. Karavaev — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Omsk, Russia)

The Editorial Board

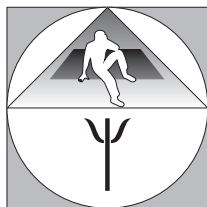
G. D. Babushkin, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor — *Assistant chief editor* (Omsk, Russia)
M. I. Mar'in, Doctor of Science (in Psychology), Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
V. L. Tsvetkov, Doctor of Science (in Psychology), Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
V. A. Adolf, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Krasnoyarsk, Russia)
V. N. Alexandrovskaya, Doctor of Science (in Philosophy), Doctor of Science (in Psychology), Professor (Donetsk, Russia)
I. F. Andrushchishin, Doctor of Science (Pedagogy), Professor (Almaty, the Republic of Kazakhstan)
L. N. Antilogova, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Omsk, Russia)
N. V. Astafiev, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Tyumen, Russia)
A. V. Bulgakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
V. V. Vahnina, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
I. V. Vachkov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
I. A. Vetrenko, Doctor of Science (in Political), Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vishnyakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Omsk, Russia)
A. V. Glazkov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Irkutsk, Russia)
M. A. Yerofeyeva, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
S. Y. Zhdanova, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Perm, Russia)
E. V. Zautorova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Vologda, Russia)
O. V. Zverev, Doctor of Science (in History), Associate-professor (St. Petersburg, Russia)
E. R. Iskhakov, Doctor of Science (in Medicine), Professor (Ufa, Russia)
T. N. Kil'mashkina, Doctor of Science (in Law), Professor (Moscow, Russia)
M. P. Kleymenov, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
V. I. Kovalenko, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Belgorod, Russia)
V. V. Kozhevnikov, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
V. N. Konovalov, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
I. O. Kotenev, Candidate of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
O. M. Krasnoryadtseva, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Tomsk, Russia)
V. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Professor (Yekaterinburg, Russia)
I. B. Lebedev, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
A. V. Litvinov, Candidate of Science (in Technical), Associate-professor (Omsk, Russia)
E. I. Mescheryakova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Voronezh, Russia)
N. A. Minzhanov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, the Republic of Kazakhstan)
E. A. Naumenko, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Urgench, the Republic of Uzbekistan)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
V. Ye. Petrov, Candidate of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
O. L. Podlinyaev, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Irkutsk, Russia)
D. S. Rudman, Candidate of Science (in Law), Associate-professor (Omsk, Russia)
N. N. Savina, Doctor of Science (in Pedagogy), Associate-professor (Novosibirsk, Russia)
N. V. Serdyuk, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
A. N. Sukhov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Ryazan, Russia)
A. Yu. Fedotov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)

N. V. Khodyakova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
N. V. Chekaleva, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
E. V. Cherniy, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Simferopol, Russia)
D. V. Chetveryakov, Doctor of Science (in Psychology) (Omsk, Russia)
A. S. Sharov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Omsk, Russia)
V. M. Yaltonsky, Doctor of Science (in Medicine), Professor (Moscow, Russia)
M. S. Yanitsky, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Kemerovo, Russia)

The Editorial Council

V. L. Kubyshko, Candidate of Science (in Pedagogical) — *chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
V. M. Kruk, Doctor of Science (in Psychology), Professor — *Assistant chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
A. G. Abdullin, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Chelyabinsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Science (in Law), Professor (St. Petersburg, Russia)
T. Yu. Bazarov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
B. B. Bulatov, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Candidate of Science (in Political) (Omsk, Russia)
B. A. Vyatkin, Doctor of Science (in Psychology), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia)
I. V. Gaydamashko, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
O. P. Gribunov, Doctor of Science (in Law), Professor (Irkutsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Science (in Law), Professor (St. Petersburg, Russia)
B. Yu. Dereshko, Candidate of Science (in Law), Associate-professor (Moscow, Russia)
V. F. Engalychev, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Kaluga, Russia)
F. K. Zinnurov, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Kazan, Russia)
A. G. Karayani, Doctor of Science (in Psychology), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
A. G. Makiakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (St. Petersburg, Russia)
S. B. Malykh, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
A. N. Pastushenya, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Minsk, the Republic of Belarus)
V. M. Pozdnyakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
A. A. Rean, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
V. Yu. Rybnikov, Doctor of Science (in Psychology), Professor, Doctor of Medical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
V. I. Sitnikov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (St. Petersburg, Russia)
O. A. Ulyanina, Doctor of Science (in Psychology), Associate-professor (Moscow, Russia)
R. Kh. Usmanov, Doctor of Political Science, Professor (Astrakhan, Russia)
S. N. Fedotov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
B. A. Fedulov, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Barnaul, Russia)
Yu. A. Sharanov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (St. Petersburg, Russia)

Founder Federal State Public Institution of Higher Education «Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation». Editor-in-chief Karavaev A. F. Editor and Proofreading Vinogradova M. V. Desktop publishing Chalkova M. Yu. Translation and Proofreading Alferova Yu. I. Publisher, editorial office, graphic arts and express printing group address (printing house): Russia, 644092, Omsk, pr-kt Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian MIA. Tel.: +7-913-971-80-28, fax: +7(3812)750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru. <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>. Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration entry PI No FS 77-74589 dated December 24, 2018. Issued: 30.09.2026. Circulation: 50. Published sheets 15,0. Conventional printed sheets: 14,4. Order No 247. Free of charge. Any use of publication's materials is possible only with reference to the journal. © Omsk Academy of the Russian MIA, 2026

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ 2026. Том 31, № 3(106)

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА, БЕЗОПАСНОСТЬ И НАДЕЖНОСТЬ

Шаранов Ю. А., Косова А. А. Феномен усмотрения
как источник угрозы психологической безопасности
дознателя органов внутренних дел 254

Федотов А. Ю., Губская С. А. Специфика
когнитивного фактора профессиональной
надежности специалиста информационных
подразделений органов внутренних дел 261

Иванова Т. В., Радова Е. В., Арзаев Н. А.
Представления пожарных с разным стажем службы
о работе в условиях атак беспилотных
летательных аппаратов 268

ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ

Орлов В. В. Насильственное лишение свободы
в целях сексуальной эксплуатации 273

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЙ

Зауторова Э. В. Чувство долга и ответственности
перед родителями у осужденных женщин 280

Борисова С. Е. Информационно-психологическое
воздействие теленовостей как инструмента
морально-психологического обеспечения
деятельности органов внутренних дел 285

Бобровнический И. Н., Литвинова М. А.
Исследование факторов и условий
адаптации следователей к службе
и закрепления их в коллективе 293

Качкина Л. С., Скрыбина П. Е.
Социально-психологические условия,
влияющие на формирование
социально-психологического климата
в коллективе сотрудников
уголовно-исполнительной системы 300

Шабалин О. М. Управление стрессом
как необходимое условие эффективности
в юридической деятельности 306

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Падос В. Д., Сосковец А. В. Разработка
и валидация опросника для комплексной оценки
психологических особенностей межнационального
контингента в условиях специальной военной
операции 313

Мельников В. И., Баданов А. А. Определение
психологического климата в коллективах 321

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Сосновикова А. М., Воронков Д. В.
Современные проблемы и тенденции развития
российского юридического образования 328

Шиндряева И. В. Конструкт
«идеальный преподаватель»
в контексте меняющегося
образовательного ландшафта
(по материалам разведывательного
исследования) 336

Нечай А. А., Ничагина А. В. Совмещенное
обучение как фактор повышения качества
образовательного процесса в вузе 342

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА СПОРТА, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ И ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Бабушкин Г. Д., Матюхов А. М. Значимость
психофизических качеств в соревновательной
деятельности квалифицированных гандболистов
различных амплуа 350

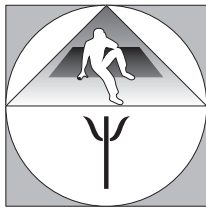
Санков П. А., Бархатова Е. Н. Психологические
составляющие успешной подготовки стрелка ... 360

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Бавсун И. Г. Проблемы и перспективы
преподавания административного права
на современном этапе 367

Информация для авторов 374

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 31, No 3(106). 2026

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

MORALLY-PSYCHOLOGICAL, PROFESSIONAL TRAINING, SECURITY AND RELIABILITY

Sharanov Yu. A., Kosova A. A. The Phenomenon of Discretion as a Source of Threat to the Psychological Safety of the Investigator of the Internal Affairs' bodies. 254

Fedotov A. Yu., Gubskaya S. A. Specifics of the Cognitive Factor of Professional Reliability of a Specialist in Information Units of Internal Affairs' bodies. 261

Ivanova T. V., Radova E. V., Arzaev N. A. Vision of Firefighters with Different Term of Service about the Work in the Conditions of Attacks of Unmanned Aerial Vehicles. 268

DEVIAN'T BEHAVIOUR

Orlov V. V. Violent Deprivation of Liberty for Sexual Exploitation. 273

PSYCHO-CORRECTION AND REGULATION OF STATES

Zautorova E. V. Female Convicts' Sense of Duty and Responsibility towards their Parents. 280

Borisova S. E. Informational and Psychological Impact of TV News as a Tool for Moral and Psychological Support of the Internal Affairs' bodies Work. 285

Bobrovnichy I. N., Litvinova M. A. Study of Factors and Conditions of Investigators' Adaptation to the Service and their Consolidation in the Team. 293

Kachkina L. S., Skryabina P. E. Social and Psychological Conditions Affecting the Formation of a Social and Psychological Climate in the Penitentiary System Officers' Collective. 300

Shabalin O. M. Stress Management as a Necessary Condition of Efficiency in Legal Activities. 306

METHODOLOGICAL ASPECTS OF PERSONALITY COGNITION

Pados V. D., Soskovets A. V. Development and Validation of the Questionnaire for a Comprehensive Assessment of the Psychological Features of the Interethnic Contingent in the Special Military Operation. 313

Mel'nikov V. I., Badanov A. A. Survey of the Psychological Climate in Teams. 321

PEDAGOGICAL SCIENCES

GENERAL PEDAGOGY, THEORY AND METHODS OF PROFESSIONAL EDUCATION, LEARNING AND UPBRINGING

Sosnovikova A. M., Voronkov D. V. Modern Problems and Trends in the Development of Russian Legal Education. 328

Shindryaeva I. V. Construct "Ideal Teacher" in the Context of a Changing Educational Landscape (based on the Pilot Study). 336

Nechay A. A., Nichagina A. V. Combined Studies as a Factor in Improving the Quality of the Educational Process at the University. 342

THEORY AND METHODS OF SPORTS, PROFESSIONAL PHYSICAL TRAINING AND HEALTH IMPROVING PHYSICAL CULTURE

Babushkin G. D., Matyukhov A. M. Importance of Psychophysical Qualities in the Competitive Activities of Qualified Handball Players of Various Roles. 350

Sankov P. A., Barkhatova E. N. Psychological Components of Successful Sport Shooter Training. ...360

JURIDICAL SCIENCES

GENERAL THEORETICAL AND BRANCH-RELATED ISSUES OF JURIDICAL SCIENCE

Bavsun I. G. Problems and Prospects of Teaching Administrative Law at the Present Stage. 367

Information for authors. 375

Морально-психологическая, профессиональная подготовка, безопасность и надежность

Morally-psychological, professional training, security and reliability

УДК 159.99 © Шаранов Ю. А., Косова А. А., 2026

Научно-теоретическая статья

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-254-260

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Феномен усмотрения как источник угрозы психологической безопасности дознателя органов внутренних дел

Юрий Александрович Шаранов, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии¹; niospba@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>

Анастасия Александровна Косова, адъюнкт кафедры юридической психологии¹;
nast9_lapo4ka@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-1141-9544>

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, 1, Россия

Реферат. Введение. Рассматривается феномен профессионального усмотрения как значимый фактор, влияющий на психологическую безопасность дознавателя органов внутренних дел. Цель — описание феномена усмотрения как источника угрозы психологической безопасности дознавателя органов внутренних дел. **Материалы, результаты и обсуждение.** Исследуется двойственная природа усмотрения, выступающего одновременно инструментом повышения эффективности правоприменения и источником потенциальных угроз для психического благополучия сотрудника. Анализируются когнитивные, эмоциональные и процессуальные риски, возникающие в процессе реализации дискреционных полномочий дознавателя. Особое внимание уделяется исследованию психологических аспектов принятия решений в условиях правовой неопределенности и профессиональной ответственности. Выделены ключевые факторы риска: информационная перегрузка, страх ошибки, давление руководства и необходимость самостоятельного конструирования правовой реальности. Психологическая безопасность дознавателя зависит от его способности к конструктивному использованию усмотрения при сохранении внутренней согласованности действий с этическими установками. Предложены направления совершенствования системы психологической поддержки сотрудников, основанные на развитии метакомпетенций, сочетающих юридическую грамотность и ответственность, когнитивную гибкость и эмоционально-волевую устойчивость. Обоснована необходимость системного подхода к профилактике профессионального выгорания, связанного с избыточной свободой усмотрения, а также акцентирована роль организационного контекста в форме корпоративной культуры и управленческих практик при использовании усмотрения. **Выводы.** Интеграция психологических знаний в профессиональную подготовку дознавателей позволит снизить риски деструктивных последствий усмотрения и сформировать устойчивые навыки принятия решений в сложных правовых ситуациях.

Ключевые слова: профессиональное усмотрение, дознаватель, психологическая безопасность, правовая неопределенность, профессиональный стресс, метакомпетенции

Для цитирования: Шаранов Ю. А., Косова А. А. Феномен усмотрения как источник угрозы психологической безопасности дознавателя органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 254–260. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-254-260>

Scientific and Theoretical Article

UDC 159.99 © Sharanov Yu. A., Kosova A. A., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-254-260

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

The Phenomenon of Discretion as a Source of Threat to the Psychological Safety of the Investigator of the Internal Affairs' bodies

Yuri A. Sharanov, Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Science (in Psychology), Professor, Professor at the chair of Legal Psychology¹; niospba@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>

Anastasia A. Kosova, post-graduate student of the chair of Legal Psychology¹;
nast9_lapo4ka@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-1141-9544>

¹ St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 1, Pilot Pilyutov st., St. Petersburg, 198206, Russia

Abstract. Introduction. Under consideration is the phenomenon of professional discretion as a significant factor which influences psychological safety of a police investigator. The purpose is to describe the phenomenon of discretion as a source of threat to the police investigator's psychological safety. **Materials, Results and Discussion.** The dual nature of discretion, serving both as a tool to improve law enforcement and as a source of potential threats to an officer's mental well-being, is examined. Cognitive, emotional and procedural risks arising in the process of exercising the discretion of the investigator are analyzed. The focus is made on the study of psychological aspects of decision-making in conditions of legal uncertainty and professional responsibility. The authors specify key risk factors: information overload, fear of error, management pressure and the need to independently construct legal reality. The psychological safety of the investigator depends on his ability to constructively use discretion while maintaining internal coordination of actions with ethical principles. Guidelines for improving the system of psychological support for the officers based on the development of meta-competencies combining legal literacy and responsibility, cognitive flexibility and emotional-volitional stability are proposed. The need for a systematic approach to the prevention of professional burnout associated with excessive discretion is substantiated, and the role of the organizational context in the form of corporate culture and management practices when using discretion is emphasized. **Conclusions.** The integration of psychological knowledge into the professional training of investigators will reduce the risks of destructive consequences of discretion and form sustainable decision-making skills in difficult legal situations.

Keywords: professional discretion, investigator, psychological safety, legal uncertainty, professional stress, meta-competencies

Citation: Sharanov Yu. A., Kosova A. A. The Phenomenon of Discretion as a Source of Threat to the Psychological Safety of the Investigator of the Internal Affairs' bodies. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 3(106). Pp. 254–260 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-254-260>

Основные положения

1. Профессиональное усмотрение дознавателя предполагает, прежде всего, основанный на внутреннем убеждении, профессиональном опыте и личностном смысле творческий акт свободного выбора правомерного варианта действия в условиях неопределенности, отражающий способность субъекта дистанцироваться от регламентированной юридической деятельности и осуществлять мобилизацию права как выражение собственной профессионально-правовой ответственности. Данный феномен выступает одновременно инструментом повышения эффективности правоприменения и источником потенциальных угроз для психического благополучия сотрудника.

2. Психологическая безопасность дознавателя обеспечивается комплексом метакомпетенций, включающих юридическую грамотность, когнитивную гибкость, эмоционально-волевую устойчивость и способность к профессиональной саморегуляции.

3. Ключевыми факторами риска психологической безопасности дознавателя выступают информационная перегрузка, страх ошибки, давление руководства и необходимость самостоятельного конструирования правовой реальности в условиях процессуальной неопределенности.

Введение

Актуальность проблемы. Актуальность исследования феномена профессионального усмотрения в контексте психологической безопасности дознавателей органов внутренних дел обусловлена возрастающей ролью дискреционных полномочий в современной правоохранительной практике. В условиях правовой неопределенности и высокой степени ответственности за принимаемые решения особую значимость приобретает изучение психологических механизмов, обеспечивающих эффективное использование усмотрения без ущерба для правоприменения и психического здоровья сотрудников.

Научная значимость исследования определяется двойственной природой усмотрения как творческого акта субъекта, инструмента повышения эффективности правоприменения и одновременно потенциального источника психологических рисков. Неопределенность нормы права снимается именно в акте усмотрения сотрудника полиции. При этом особую актуальность приобретает уровень когнитивных, эмоциональных и процессуальных механизмов реализации дискреционных полномочий сотрудника, а также разработка превентивных мер по минимизации его профессиональных рисков.

Сущность проблемы заключается в системном противоречии между необходимостью дознавателя самостоятельно принимать решения в условиях правовой неопределенности и обеспечивать собственную психологическую безопасность. Профессиональная деятельность дознавателя характеризуется постоянным столкновением с ситуациями, требующими от него проявления профессионального усмотрения, что создает комплекс психологических рисков: информационную перегрузку, страх ошибки, давление руководства и необходимость конструирования правовой реальности.

В связи с этим особую остроту приобретает формирование у дознавателей метакомпетенций, включающих юридическую грамотность, когнитивную гибкость, эмоционально-волевую устойчивость и способность к профессиональной саморегуляции. При этом недостаточная разработанность психологических механизмов обеспечения безопасности при реализации дискреционных полномочий создает угрозу развития профессионального выгорания и снижения эффективности правоприменительной деятельности.

Для устранения данной проблемы требуется разработка комплексной системы мер, направленной на формирование устойчивых навыков принятия решений в условиях правовой неопределенности при

одновременном обеспечении психологического благополучия сотрудников. Это обосновывает необходимость интеграции психологических знаний в профессиональную подготовку дознавателей и создания эффективной системы психологической поддержки.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Изучение вопросов, связанных с феноменом профессионального усмотрения в контексте психологической безопасности дознавателя, базируется на междисциплинарном подходе, интегрирующем достижения психологической теории деятельности, юридической психологии субъекта правоотношений, общей психологии активности личности, психологии конструирования социальной реальности и психологии труда. Теоретико-методологической основой выступают фундаментальные положения о природе правоприменительной деятельности, представленные в работах по юридической психологии, где усмотрение позиционируется как проявление базовых принципов права и волеизъявления субъекта.

Методологической основой выступают труды отечественных исследователей, изучающих психологическую безопасность как многоаспектное явление. Особую значимость в этом контексте имеют работы Т. В. Эксакусто и Н. А. Лызь [1], О. Н. Истратовой [2], И. А. Баевой [3], в которых психологическая безопасность рассматривается через призму личностных характеристик и внутреннего ресурса противостояния неблагоприятным воздействиям.

Значительный вклад в понимание психологической безопасности личности внесли исследования Т. И. Колесниковой [4], Г. Г. Вербиной [5], Н. Л. Шлыковой [6], И. И. Приходько [7], С. А. Багрецова и В. М. Львова [8], раскрывающие различные аспекты данного феномена как многоуровневой динамической системы.

В области изучения профессионального усмотрения фундаментальное значение имеют работы П. Г. Марфицина [9], в которых усмотрение следователя понимается как выбор варианта поведения в пределах имеющихся полномочий, согласованный с конкретными условиями дела. Природу усмотрения ученые связывают со способностью субъекта конструировать и переконструировать личностную картину правовой системы [10].

Анализ степени изученности проблемы демонстрирует определенную фрагментарность научных исследований в данной области. В юридической науке феномен профессионального усмотрения получил достаточно подробное освещение, однако его психологическая составляющая остается недостаточно разработанной. Существующие исследования преимущественно концентрируются на правовой стороне вопроса, оставляя за рамками анализа психологические механизмы реализации усмотрения.

Материалы, результаты и обсуждение

Усмотрение как источник угрозы психологической безопасности. Профессиональная деятельность дознавателя органов внутренних дел характеризуется высокой степенью ответственности и необходимостью принятия самостоятельных решений в условиях дефицита времени и процессуальной неопределенности. В свою очередь феномен профессионального усмотрения выступает отражением неопределенности как атрибута права [11, с. 56]. Именно в процессе усмотрения происходит закономерный переход от качества неопределенности к качеству определенности, присущей праву так же, как и иным социальным явлениям [12, с. 41]. Тем самым усмотрение предназначено «снимать неопределенность права», выступать инструментом повышения эффективности мобилизации права, однако на практике оно нередко выступает источником потенциальных угроз психологической безопасности сотрудника. В чем же заключается источник такой амбивалентности профессионального усмотрения? Дело в том, что по своей природе феномен профессионального усмотрения находится на стыке юридического, психологического и этического дискурсов. Одновременно с этим он является неотъемлемым элементом когнитивно-деятельностного процесса, что и обуславливает его субъективную сложность и многозначность.

В уголовно-процессуальном смысле основным источником появления профессионального усмотрения выступает юридический конфликт первого уровня, т. е. криминальный конфликт, когда гражданин вступает в конфликт с законом. Данный конфликт и должен разрешить дознаватель согласно процессуальному праву.

Дознаватель действует как субъект права, руководствуется своими профессиональными убеждениями, служебным опытом и личностными предпочтениями. В связи с тем что в большинстве своем криминальный конфликт является уникальным, то, как правило, остается открытым пространство выбора адекватного стиля расследования. Более того, имеется значительное место для проявления индивидуальности и креативности сотрудника. В рамках деятельностно-нормативной системы сотрудник обязан следовать строгим инструкциям и предписаниям, что обеспечивает служебную безопасность личности, но не всегда способствует быстрому и эффективному расследованию сложных и запутанных уголовных дел. Тем самым в юридической деятельности формируются профессионалы с различным стилем расследования: одни предпочитают сложные и уникальные дела, требующие творческого подхода, тогда как другие предпочитают не рисковать и использовать общепринятый опыт. Собственно, уже на стадии интерпретации норм права и сложившейся правовой ситуации открывается субъект, который относит себя к категории творческой

деятельности, прибегает к методу усмотрения, т. е. по-является окно риска для презентации так называемой проблемы произвола правоприменителя. В связи с этим в теории и практике правоприменительной деятельности отношение к усмотрению неоднозначно.

Необходимо отметить, что усмотрение — это не отступление от закона. Наоборот, правоприменитель сознательно расширяет рамки свободы при принятии законного решения, одновременно самостоятельно определяет пределы его применения [13, с. 67]. В юридической литературе именно усмотрение отождествляется с выбором из нескольких законных решений [14, с. 176]. Получается, что усмотрение возникает только там, где сложилась ситуация, предполагающая выбор правового решения. Тем самым феномен усмотрения манифестирует динамическую природу права, апеллирует к внутреннему убеждению субъекта, его опыту и профессиональной ответственности. Субъект же, прибегающий к усмотрению, вынужден переживать внутренний конфликт, так как при решении юридической дилеммы законодатель не смог предусмотреть особенности правоприменения для расследования каждого индивидуального дела. В результате субъект правоприменения, обращаясь к феномену усмотрения, тем самым берет на себя дополнительную ответственность. Возникает нравственно-правовая коллизия: ситуация расследования обращается к личности профессионала, требует от него эффективных действий только в рамках закона, общественное мнение однозначно осуждает равнодушное поведение сотрудника, который избегает риска избыточной мобилизации права в интересах торжества справедливости. Действительно, отказ субъекта правоприменителя от самостоятельного разрешения возникшей правовой коллизии, его пассивность, может расцениваться в качестве «псевдоусмотрения», так как заставляет интерпретировать законодательство как незыблемую правовую базу, не нуждающуюся в развитии. В основе данной нравственно-правовой коллизии находится установка сотрудника, указывающая на доминирование формального права над логикой профессионального усмотрения, в основе преодоления этой установки как раз и должна находиться гражданская позиция личности.

Таким образом, в деятельности сотрудника лежит системное противоречие, которое состоит в том, что, как правило, для него существует узкий коридор выбора: работать формально и действовать пунктуально в рамках строго кодифицированных правил или рискнуть, проявить сверхактивность и тем самым полностью мобилизовать право [13, с. 68]. В данном случае возникает возможность не просто действовать в рамках закона, но и создавать условия для его развития. Субъект, способный грамотно прибегать к усмотрению, должен уметь не только познавать, конструировать правовую ситуацию, но и создавать

собственную картину мира, т. е. обладать склонностью к творчеству.

Эмоциональные и процессуальные риски, неизбежно возникающие в процессе реализации дискреционных полномочий дознавателя, проявляются в виде определенного комплекса, детерминированного множеством факторов. Особую значимость приобретает тот факт, что реализация усмотрения происходит в условиях постоянной неопределенности, профессиональной и юридической ответственности, плотного контроля со стороны непосредственного руководителя, дефицита времени, психоэмоциональной и ментальной перегрузки сотрудника.

Дознаватель сталкивается с необходимостью самостоятельного конструирования и юридически приемлемой интерпретации правовой ситуации, что требует высокого уровня юридического мышления и аналитических способностей. Когнитивная составляющая усмотрения реализуется через сложный ментальный механизм анализа правовой ситуации, сбора и оценки доказательственной информации, обоснованного прогнозирования последствий принимаемых решений, способности к трансцендентному сознанию. Вероятность неопределенности судебного разрешения ситуации, критика со стороны руководства и страх собственной ошибки создают дополнительные предпосылки для развития профессионального стресса.

Ключевые факторы риска. Профессиональная деятельность дознавателя в условиях высокой вероятности усмотрения сопряжена с рядом существенных угроз для его психологического благополучия [15, с. 333]. Когнитивные риски проявляются в виде информационной перегрузки, снижения способности к принятию оптимальных решений в установленные процессуальным законом сроки, возможного развития когнитивной ригидности и утомления. В связи с этим профессиональная подготовка дознавателя должна включать в себя развитие навыков саморегуляции, когнитивной гибкости, адаптивного мышления в условиях информационной перегрузки, эмоционального интеллекта, что особенно важно при реализации его дискреционных полномочий.

Ключевым фактором риска для психологической стабильности дознавателя становится именно процессуальная неопределенность, с которой он регулярно сталкивается в ходе осуществления профессионального усмотрения. В правовом поле дознаватель нередко имеет дело с размытыми формулировками законодательных актов, коллизиями между различными нормами или полным отсутствием регламентации определенных аспектов правоотношений. Фактические обстоятельства дел часто представляют собой запутанную картину, где доказательства могут быть неоднозначными или труднодоказуемыми в отведенные процессуальным законом сроки.

Следует подчеркнуть, что потребность в усмотрении возникает именно в тех случаях, когда законодательство не предоставляет четких указаний или допускает различные трактовки правовых норм. В таких условиях дознаватель вынужден выходить за рамки стандартных процедур и самостоятельно формулировать собственную правовую позицию, которая должна удовлетворять сразу нескольким критериям: соответствовать букве закона, принципам социальной справедливости и общественным ожиданиям.

Подобная профессиональная деятельность требует от сотрудника комплексного набора компетенций и личностных качеств: необходимо не только обладать высоким уровнем юридического мышления и развитыми аналитическими способностями, но и демонстрировать интуитивное понимание правовых процессов. Не менее важным является наличие эмоционально-волевой устойчивости, позволяющей работать в условиях психологического и административного давления, принимать ответственные решения в условиях интеллектуальной неопределенности, способности к саморегуляции, рефлексии, наличие профессиональной мотивации и стремления к личностному росту [16, с. 103].

Одним из факторов психологической безопасности выступают психэмоциональные риски. Последние выражаются в продуцировании профессионального выгорания, повышенной тревожности, эмоциональной лабильности и страха принятия решений. Особую опасность представляет развитие синдрома выученной беспомощности, когда сотрудник сознательно избегает самостоятельных решений в пользу формального исполнения инструкций.

Деятельность дознавателя предполагает наличие дискреционных полномочий, предоставляющих ему право выбора между альтернативными, равнозначно допустимыми с точки зрения закона процессуальными и иными действиями. Законная альтернатива может касаться как временных рамок проведения следственного действия, так и его содержания. В процессе осуществления усмотрения дознаватель сталкивается с необходимостью поиска баланса между формальным соблюдением норм и собственной внутренней согласованностью действий с этическими установками. Нередко возникают ситуации выбора между формально законным, но несправедливым решением и решением, соответствующим морально-нравственной позиции субъекта.

Организационные факторы также оказывают существенное влияние на процесс выбора усмотрения в ходе разрешения уголовных конфликтов. Ненормированный рабочий день, высокая интенсивность деятельности, обширный объем информации и большое количество уголовных дел, одновременно находящихся в производстве, создают дополнительные стрессовые

нагрузки. В условиях дефицита времени актуализируется так называемый феномен вынужденного усмотрения, когда сотрудник принимает решения на основе наименее рискованного варианта.

В контексте минимизации психологических рисков особую значимость приобретает внедрение системы профессиональной супервизии и наставничества [17, с. 904]. Данный механизм позволяет создать комплексную систему поддержки дознавателя в процессе принятия решений, а именно обеспечивает систематическую профессиональную поддержку, возможность обсуждения сложных кейсов, получение экспертной оценки принимаемых решений, развитие навыков рефлексии, трансляцию успешного опыта принятия решений, формирование устойчивых профессиональных паттернов, снижение уровня тревожности при работе в условиях неопределенности, адаптацию к специфике правоприменительной деятельности. Внедрение системы супервизии (и метода кейсов) предполагает осуществление следующих мероприятий: еженедельные консультации с коллегами, обладающими большим стажем в расследовании преступлений и хорошей статистикой по раскрываемости; групповые обсуждения сложных нетипичных ситуаций с участием руководства, сотрудников смежных ведомств; анализ типичных ошибок; моделирование и отработка профессиональных ситуаций. Данный подход позволит не только снизить психологические риски, но и повысить качество правоприменительной деятельности, сформировать устойчивые профессиональные компетенции и обеспечить психологическую безопасность дознавателя при реализации дискреционных полномочий. Кроме того, особую актуальность приобретает внедрение концепции психологической иммунизации как системного подхода к формированию устойчивости дознавателя к стрессовым факторам. Данный подход направлен на создание у дознавателя внутренних ресурсов противодействия профессиональному стрессу через формирование адаптивных когнитивных паттернов восприятия сложных ситуаций, развитие навыков самоконтроля и саморегуляции, а также освоение стратегий эффективного поведения в условиях правовой неопределенности. Особое внимание следует уделять освоению техник быстрого восстановления после переживаний стрессовых ситуаций. Психологическая иммунизация позволяет создать надежную систему защиты от психологических рисков, когда дознаватель сталкивается с необходимостью самостоятельного конструирования юридически приемлемой интерпретации правовой ситуации.

Теоретическая модель комплексной оценки психологической готовности дознавателя к реализации профессионального усмотрения. В определенном смысле промежуточным вариантом изучения усмотрения как познавательной задачи может выступать

теоретическая модель комплексной оценки психологической готовности дознавателя к реализации профессионального усмотрения. К основным показателям комплексной оценки психологической готовности к реализации профессионального усмотрения дознавателем могут быть отнесены следующие:

1. Качество принятия решений, которое определяется способностью дознавателя к системному анализу ситуации, умением выявлять ключевые факторы и выстраивать причинно-следственные связи.
2. Способность к прогнозированию последствий принимаемых решений и их соответствие правовым нормам, действующему законодательству.
3. Скорость принятия решений, которая оценивается через временные показатели обработки информации, скорость анализа ситуации и принятия обоснованного решения в условиях ограниченного времени. При этом скорость не должна противоречить качеству принимаемых решений.
4. Обоснованность решений анализируется с позиции наличия достаточного фактического и правового основания, подкрепления решения доказательствами и аргументами.
5. Эффективность реализации решений оценивается по конечным результатам деятельности, достижению поставленных целей и решению поставленных задач.

Процесс реализации модели комплексной оценки предполагает наличие таких этапов, как:

1. Диагностика, направленная на определение исходного уровня психологической готовности сотрудника (проводится оценка когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонентов).
2. Развитие необходимых профессиональных компетенций (проведение тренингов по принятию решений, развитию эмоционального интеллекта и профессиональной рефлексии и др.).
3. Системный мониторинг сформированных компетенций, анализ динамики развития и эффективности проведенных мероприятий.
4. Устранение выявленных недостатков и совершенствование профессиональных навыков.

Теоретическая модель комплексной оценки психологической готовности к реализации профессионального усмотрения в деятельности дознавателя позволит осуществлять объективную оценку готовности дознавателя к реализации дискреционных полномочий, планировать индивидуальные траектории развития профессионального мастерства каждого сотрудника, выявлять факторы риска профессионального выгорания и разработку превентивных мер, определять потенциал и индивидуальную траекторию профессионального роста конкретного сотрудника. Кроме того, модель может служить для целей профессионального отбора кандидатов на должность дознавателя,

программ повышения квалификации действующих сотрудников. Внедрение данной модели позволит существенно повысить качество правоприменительной деятельности и обеспечить психологическую безопасность сотрудников органов дознания.

Таким образом, профессиональное усмотрение является неотъемлемым элементом деятельности дознавателя и требует особого внимания к вопросам его психологической безопасности. Оптимальное использование феномена усмотрения возможно только при условии высокой профессиональной подготовки, развитого правосознания и устойчивой психологической позиции дознавателя. Создание комплексной системы мер, направленной на минимизацию рисков и одновременное обеспечение психологического благополучия сотрудников, должно стать приоритетным направлением развития правоохранительной системы. Только в этом случае усмотрение станет инструментом повышения качества правоприменения, а не только источником профессиональных рисков.

В связи с этим особую значимость приобретает развитие у дознавателей метаспособности к конструктивному использованию усмотрения, сочетающей в себе юридическую компетентность, когнитивную зрелость, профессиональную этику и эмоционально-волевую устойчивость. Это позволит не только повысить эффективность правоприменительной деятельности, но и обеспечить психологическую безопасность сотрудников в условиях современных вызовов.

Выводы

1. Профессиональное усмотрение дознавателя представляет собой сложный психологический феномен, обладающий двойственной природой. С одной стороны, оно выступает эффективным инструментом правоприменения, позволяющим повышать качество расследования в условиях правовой неопределенности. С другой стороны, данный феномен является источником психологических рисков, связанных с потенциальной угрозой профессиональному имиджу дознавателя, страхом ошибки и давлением руководства.

2. Направлениями совершенствования системы обеспечения психологической безопасности дознавателей являются: развитие навыков профессиональной супервизии; внедрение системы наставничества и профессиональной поддержки; формирование механизмов психологической иммунизации; создание благоприятного организационного контекста; развитие компетенций в области принятия решений.

3. Особую значимость приобретает интеграция психологических знаний в профессиональную подготовку дознавателей, что позволит минимизировать риски деструктивных последствий усмотрения и сформировать устойчивые навыки принятия решений в сложных правовых ситуациях при одновременном обеспечении психологического благополучия сотрудников.

Область применения и перспективы исследования. Материалы статьи могут быть полезны при рассмотрении теоретических аспектов формирования психологической безопасности дознавателей органов внутренних дел. Исследование вносит вклад в формирование концепции феномена профессионального усмотрения, с одной стороны, как необходимый инструмент реализации дискреционных полномочий в условиях правовой неопределенности; с другой — как потенциальный источник напряжения и угрозы для психологической безопасности самого субъекта, принимающего решение. Результаты исследования найдут применение в практи-

ческой деятельности психологов правоохранительных органов, специалистов по профессиональному отбору и подготовке дознавателей, а также руководителей подразделений, ответственных за создание благоприятного организационного климата. Перспективы дальнейшего исследования феномена усмотрения будут продолжены в нескольких направлениях: изучение психологических механизмов принятия решений в условиях правовой неопределенности; разработка новых методов оценки психологической готовности к реализации дискреционных полномочий; формирование рекомендаций психологической поддержки дознавателей.

Список источников / References

1. Эксакусто Т. В., Лызь Н. А. Психологическая безопасность в проблемном поле психологии // Сибирский психологический журнал. 2010. № 37. С. 86–91.
2. Истратова О. Н. Формирование качеств личности безопасного типа у подростков в условиях тренинга личностного роста // Информационное противодействие угрозам терроризма. 2009. № 12. С. 184–192.
3. Баева И. А. Психологическая безопасность образовательной среды: теоретические основы и технологии создания : дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2002. 386 с.
4. Колесникова Т. И. Психологический мир личности и его безопасность. М., 2001. 176 с.
5. Вербина Г. Г. Психологическая безопасность личности // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 196–202.
6. Шлыкова Н. Л. Психологическая безопасность субъекта профессиональной деятельности : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2004. 332 с.
7. Приходько И. И. Концепция психологической безопасности персонала экстремальных видов деятельности // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 3. URL: https://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/3/Prikhodko_Psychological-Safety/ (дата обращения: 08.10.2025).
8. Львов В. М., Багрецов С. А. Проблема обеспечения безопасности личности в коллективе с негативными формами отношений // Журнал практического психолога. 2008. № 4. С. 138–154.
9. Марфицин П. Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003. 418 с.
10. Шаранов Ю. А., Устюжанин В. Н., Шахматов А. В. Юридическая акмеология. СПб., 2014. 256 с.
11. Линько В. В. Правоприменительная деятельность в условиях неопределенности в праве // Закон и право. 2019. № 9. С. 54–58.
12. Власенко Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 32–44.
13. Волох С. А. Психология профессионального усмотрения и его пределы // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения — 2018) : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 29–30 марта 2018 года. СПб., 2018. С. 67–69.
14. Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. М., 1999. 376 с.
15. Юридическая психология и психология безопасности : учеб. пособие / под общ. ред. д-ра психол. наук, проф. Ю. А. Шаранова. СПб., 2024. 424 с.
16. Губенков А. О., Николаев С. А. К вопросу о формировании и развитии психологической безопасности личности сотрудника органов внутренних дел // Автономия личности. 2022. № 1. С. 98–104.
17. Давлятова Я. С. Формирование комфортной психологической среды как фактор успешной адаптации государственных гражданских служащих // Вестник науки. 2024. Т. 2, № 11(80). С. 896–908.

Поступила 10.12.2025; одобрена после рецензирования 10.01.2026; принята к публикации 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9 © Федотов А. Ю., Губская С. А., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-261-267

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, эргономика

Специфика когнитивного фактора профессиональной надежности специалиста информационных подразделений органов внутренних дел

Андрей Юрьевич Федотов, доктор психологических наук, профессор, начальник учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности¹; fedot-andrey2008@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7693-2419>

Светлана Андреевна Губская, научный сотрудник учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности¹; swetapoccuja@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-0894-078X>

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 117437, Москва, ул. Волгина, 12, Россия

Реферат. Введение. Информационные технологии и обеспечение информационной безопасности Российской Федерации являются стратегическим национальным приоритетом в современных условиях. Объектом исследования выступает когнитивный фактор профессиональной надежности специалиста информационных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации. Цель — разработка модели когнитивного фактора специалистов информационных подразделений органов внутренних дел, критерии которой отражают их особенности. **Материалы и методы.** Респондентами выступили сотрудники информационных подразделений органов внутренних дел (по линии обеспечения информационной безопасности и защиты информации). Выборку составили 104 человека в возрасте от 22 до 52 лет. Эксперимент реализован с учетом результатов ранее проведенного пилотажного исследования по выявлению особенностей когнитивного фактора профессиональной надежности специалиста информационных подразделений органов внутренних дел. **Результаты и обсуждение.** Приводятся результаты корреляционного и сравнительного анализа взаимосвязи критериев когнитивного фактора с уровнем профессиональной надежности специалиста информационных подразделений органов внутренних дел и иных параметров, оказывающих влияние на его развитие. Статистически значимую корреляционную связь с внешним критерием продемонстрировали восемь критериев модели. **Выводы.** Уточненные критерии модели составляют качества-детерминанты профессиональной надежности специалиста информационных подразделений органов внутренних дел, которые необходимо заложить в основу психологического обеспечения рассматриваемой профессиональной группы.

Ключевые слова: профессиональная надежность, когнитивный фактор, качества-детерминанты

Для цитирования: Федотов А. Ю., Губская С. А. Специфика когнитивного фактора профессиональной надежности специалиста информационных подразделений органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 261–267. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-261-267>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9 © Fedotov A. Yu., Gubskaya S. A., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-261-267

5.3.3. Psychology of Labour, Engineering Psychology, Ergonomics

Specifics of the Cognitive Factor of Professional Reliability of a Specialist in Information Units of Internal Affairs' bodies

Andrey Yu. Fedotov, Doctor of Science (in Psychology), Professor, chief of the learning-science complex of Psychology in Service¹; fedot-andrey2008@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7693-2419>

Svetlana A. Gubskaya, researcher of the learning-science complex of Psychology in Service¹; swetapoccuja@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-0894-078X>

¹ V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 12, Volgin st., Moscow, 117437, Russia

Abstract. Introduction. Information technology and ensuring the information security of the Russian Federation make up a strategic national priority in modern conditions. The object of the study is the cognitive factor of the professional reliability of a specialist in information units of the Internal Affairs' bodies of the Russian Federation. The goal is to develop a model of the cognitive factor of specialists in information units of Internal Affairs' bodies, the criteria of which reflect their features. **Materials and Methods.** The respondents were officers of the information departments of the Internal Affairs' bodies (in terms of ensuring information security and information protection). The sample involved 104 people aged from 22 to 52. The experiment was implemented with regard to the results of an earlier pilot study to identify the features of the cognitive factor of professional reliability of a specialist in information units of Internal Affairs' bodies. **Results and Discussion.** The paper contains the results of correlation and comparative analysis of the relationship between the criteria of the cognitive factor and the level of professional reliability of a specialist in information units of Internal Affairs' bodies and other parameters that affect its development. Eight model criteria demonstrated a statistically significant correlation with an external criterion. **Conclusions.** The specified criteria of the model are qualities-determinants of the professional reliability of a specialist in information units of the Internal Affairs' bodies, which must become the basis for the psychological support of the professional group under study.

Keywords: professional reliability, cognitive factor, qualities-determinants

Основные положения

1. В основе особенностей когнитивного фактора профессиональной надежности специалиста информационных подразделений органов внутренних дел лежит предметно-содержательная модель профессиональной надежности специалиста силовых структур, аргументированная в рамках отечественной научной школы надежности.

2. Учтено ранее доказанное положение, согласно которому применительно к специалисту информационных подразделений органов внутренних дел именно профессионально-аналитический фактор предметно-содержательной модели профессиональной надежности является приоритетным, а также использованы ранее уточненные критерии специфических факторов предметно-содержательной модели профессиональной надежности, которые отражают особенности деятельности специалиста информационных подразделений органов внутренних дел [1].

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Информационные технологии и интеллектуальный потенциал населения являются ценнейшим капиталом государств, выступая наряду с технологическим или сырьевым богатством основой прогрессивного развития стран, их экономического процветания, поддержания обороноспособности и сферы правопорядка. Согласно Указу Президента Российской Федерации об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 (далее — Доктрина) обеспечение информационной безопасности Российской Федерации и ее самодостаточности является стратегическим национальным приоритетом страны, что детерминировано стремительным развитием информационных технологий, расширением областей их применения и уверенным внедрением в сферу правонарушений, а также обострившейся в последнее время потребностью в собственных, независимых от иных государств информационных системах, обладающих высокой степенью защищенности от компьютерных атак, и квалифицированных, профессионально надежных специалистах информационных подразделений. Несмотря на потребность государства, общества и системы МВД России в специалисте информационных подразделений органов внутренних дел (далее — ОВД) с высоким уровнем профессиональной надежности, анализ диссертационных исследований обнаруживает недостаточную степень изученности ее критериев. Вместе с тем проведенное ранее исследование показало, что именно когнитивный фактор является определяющим для обеспечения профессиональной

надежности применительно к специалистам в области информационной безопасности.

В рамках концепции надежности когнитивный фактор специалиста информационных подразделений ОВД понимается как элемент структуры профессиональной надежности специалиста, представляющий собой систему интеллектуальных способностей, значимо влияющих на эффективность его действий по профессиональному предназначению в осложненных условиях. Интеллектуальные способности понимаются как индивидуальная конфигурация свойств, психических познавательных процессов.

Цель — разработка модели когнитивного фактора специалистов информационных подразделений ОВД, критерии которой базируются на предметно-содержательной модели профессиональной надежности специалиста силовых структур и отражают особенности деятельности специалиста информационных подразделений ОВД.

Основная **задача**, которая преследовалась при планировании констатирующего эксперимента, заключалась в том, чтобы применить модель когнитивного фактора специалистов информационных подразделений ОВД, полученную в ходе теоретического обоснования и пилотажного исследования на выборке курсантов профильного факультета, к репрезентативной выборке действующих сотрудников для уточнения качеств-детерминант, составляющих когнитивный фактор профессиональной надежности специалиста информационных подразделений ОВД.

Для достижения цели исследования был осуществлен корреляционный анализ взаимосвязей критериев когнитивного фактора профессиональной надежности исследуемых специалистов с уровнем их профессиональной надежности, а также иными факторами, влияющими на него.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. В основе особенностей когнитивного фактора профессиональной надежности специалиста информационных подразделений ОВД лежит предметно-содержательная модель профессиональной надежности специалиста силовых структур, аргументированная в рамках отечественной научной школы надежности (В. А. Бодров, В. Я. Орлов [2], Н. Д. Завалова [3], В. А. Пономаренко, А. М. Войтенко [4], М. А. Котик [5], В. М. Крук [6], А. Ю. Федотов [7] и др.). Несмотря на большое количество исследований по теме надежности представителей различных профессиональных групп, проблема профессиональной надежности специалистов информационных подразделений разработана недостаточно. Существующие исследования профессиональной надежности (в ка-

тегориях «успешность», «эффективность», «качество» и т. д.) разрознены, и их предметом в основном являются гражданские программисты, представители силовых структур изучены мало.

Таким образом, теоретический анализ показал, что тема когнитивного фактора специалистов информационных подразделений ОВД изучена недостаточно.

Материалы и методы

Для решения задачи исследования был проведен констатирующий эксперимент, проходивший в течение трех месяцев с использованием оптимизированной в ходе пилотажного исследования инструментально-методической модели. Была произведена оценка 13 критериев когнитивного фактора профессиональной надежности специалиста информационных подразделений ОВД (табл. 1).

Таблица 1. Распределение диагностических средств по критериям когнитивного фактора профессиональной надежности специалиста информационных подразделений
(Table 1. Distribution of diagnostic tools according to the criteria of the cognitive factor of professional reliability of a specialist in information units)

Качественная/количественная характеристика критерия	Диагностическое средство (методика/тест)
1. Устойчивость внимания	Методика «Кольца Ландольта»
2. Помехоустойчивость внимания	Методика «Кольца Ландольта» с аудиальной помехой двух видов (шум и словесная информация)
3. Переключаемость внимания	Методика «Корректирующая проба» — инструкция 2
4. Оперативная память	Методика «Заучивание 10 слов» А. Р. Лурия
5. Долговременная память	Методика «Заучивание 10 слов» А. Р. Лурия
6. Способность ярко и достоверно представить свои будущие действия на этапе постановки задачи, а также действия коллег или противника мысленно, во внутреннем плане	Авторская методика «Техническое собеседование»
7. Операция мышления «анализ»	«МИОМ», субтест 2
8. Операция мышления «синтез»	Методика «Сравнение понятий»
9. Операция мышления «аналогия»	«МИОМ», субтест 3
10. Операция мышления «абстрагирование»	«МИОМ», субтест 4
11. Логическое мышление	«МИОМ», субтест 6
12. Понимание/применение профессионального сленга	Авторская методика «Техническое собеседование»
13. Грамотное, краткое, понятное построение фраз/изложение мысли	«Сравнение понятий»
14. Профессиональная надежность (внешний критерий)	Анкета экспертной оценки

Выборку составили специалисты информационных подразделений ОВД (по линии обеспечения информационной безопасности и защиты информации) ($n = 104$) в возрасте от 22 до 52 лет. В исследовании приняли участие также непосредственные руководители респондентов, выступавшие в качестве экс-

пертов и оценивавшие респондентов по специально разработанной анкете. Анкета обеспечила дифференциацию участников эксперимента по внешнему критерию, благодаря которому все участники исследования были распределены на 2 группы: группа 1 — специалисты с высоким уровнем профессиональной надежности, группа 2 — с низким уровнем надежности.

Первичные данные методик ($n = 104$) были подвергнуты качественному анализу на предмет правильности и полноты заполнения регистрационных бланков. По итогам проверки 103 пакета данных были признаны корректными и участвовали в дальнейшей обработке и количественном анализе.

Каждый критерий прошел проверку соответствия закону нормального распределения в программе Statistica [8] с помощью теста Колмогорова-Смирнова, в результате чего в число нормально распределенных попали восемь критериев когнитивного фактора профессиональной надежности специалистов информационных подразделений ОВД, в дальнейшей статистической обработке к ним будут применяться методы параметрической статистики, к пяти критериям, не прошедшим проверку, — методы непараметрической статистики. В ходе последующих экспериментов в отношении к этим критериям потребуются дополнительные процедуры (расширение выборки, применение других диагностических средств и т. п.), что позволит использовать параметрическую статистику и, следовательно, даст основание для распространения полученных результатов на всю генеральную совокупность.

Результаты и обсуждение

Статистическая обработка данных началась с подсчета средних значений критериев когнитивного фактора у участников исследования исходя из конкретного количества баллов, применяемых к каждой методике (табл. 2). В дальнейшем для повышения точности статистической процедуры сравниваемые данные были преобразованы в зены.

В ходе данного экспериментального цикла анализ средних значений критериев когнитивного фактора специалистов информационных подразделений ОВД показал, что диагностические данные представителей группы 1 по большинству пунктов в среднем выше таковых у представителей группы 2, при этом наибольшее различие обнаружено по таким критериям, как понимание профессионального сленга, способность ярко и достоверно представить свои действия на этапе постановки задачи, грамотное, краткое построение фраз, а также долговременная и оперативная память. Для обеих групп характерен одинаковый уровень развития когнитивных качеств по следующим критериям: операции мышления «синтез» и «абстрагирование», а также логическое мышление.

Таблица 2. Анализ средних значений критериев когнитивного фактора специалистов информационных подразделений, полученных в ходе констатирующего эксперимента

(Table 2. Analysis of average values of cognitive factor criteria of information units' specialists obtained in the course of the specifying experiment)

Методика и критерий	1 группа	2 группа
<i>«Кольца Ландольта»</i>		
Устойчивость внимания	1,33	1,17
<i>«Кольца Ландольта» с аудиальной помехой</i>		
Помехоустойчивость внимания	1,66	1,48
<i>«Корректурная проба»</i>		
Переключаемость внимания	3,9	3,65
<i>«Заучивание 10 слов» А. Р. Лурия</i>		
Долговременная память	7,3	6,1
Оперативная память	7,41	6,87
<i>Авторская методика «Техническое собеседование»</i>		
Способность ярко и достоверно представить свои будущие действия на этапе постановки задачи, а также действия коллег или противника мысленно, во внутреннем плане	28,38	23,74
Грамотное, краткое построение фраз	16,63	14,14
Понимание профессионального сленга	20,44	14,1
<i>Методика «Сравнение понятий»</i>		
Операция мышления «синтез»	26,82	26,98
<i>МИОМ субтест 2 «Классификация»</i>		
Операция мышления «анализ»	0,27	0,23
<i>МИОМ субтест 3 «Аналогия»</i>		
Операция мышления «аналогия»	0,16	0,21
<i>МИОМ субтест 4 «Категоризация»</i>		
Операция мышления «абстрагирование»	0,45	0,43
<i>МИОМ субтест 6 «Числовые ряды»</i>		
Логическое мышление	0,09	0,12

Корреляционный анализ статистической связи уровня развития по критериям когнитивного фактора 1–5, 7, 9, 11 и внешним критериям проводился с использованием коэффициента Пирсона, так как полученные данные прошли проверку на нормальность распределения, а также коэффициента Спирмена для данных по критериям 6, 8, 10, 12, 13, прошедших проверку на нормальность распределения. В таблице 3 представлен коэффициент корреляции с внешним критерием профессиональной надежности.

Анализ полученных данных указывает на существование положительной корреляционной связи между профессиональной надежностью специалиста информационных подразделений ОВД и следующими критериями когнитивного фактора: 1) долговременная память ($p < 0,001$); 2) устойчивость внимания ($p < 0,001$); 3) яркое и достоверное представление своих действий на этапе постановки задачи ($p < 0,01$); 4) помехоустойчивость внимания ($p < 0,01$); 5) оперативная память ($p < 0,01$); 6) грамотное, краткое построение фраз ($p < 0,05$); 7) операция мышления «анализ» ($p < 0,05$); 8) понимание профессионального сленга ($p < 0,05$).

Иными словами, диагностические данные этих критериев когнитивного фактора специалистов с высоким уровнем профессиональной надежности статисти-

чески значимо выше тех же показателей специалистов с низким уровнем профессиональной надежности.

Таблица 3. Результаты корреляционного анализа взаимосвязи критериев когнитивного фактора с уровнем профессиональной надежности специалиста информационных подразделений ОВД, $n=103$

(Table 3. Results of correlation analysis of the relationship of cognitive factor criteria with the level of professional reliability of a specialist in information units of Internal Affairs' bodies, $n=103$)

Критерий когнитивного фактора	Коэффициент корреляции с внешним критерием профессиональной надежности	
	Пирсона	Спирмена
1. Долговременная память	0,36***	—
2. Устойчивость внимания	0,35***	—
3. Яркое и достоверное представление своих действий на этапе постановки задачи	0,27**	—
4. Помехоустойчивость внимания	0,24**	—
5. Оперативная память	0,24**	—
6. Грамотное, краткое построение фраз	—	0,23*
7. Операция мышления «анализ»	0,22*	—
8. Понимание профессионального сленга	—	0,21*
9. Операция мышления «синтез»	0,17	—
10. Переключаемость внимания	—	0,11
11. Операция мышления «абстрагирование»	0,02	—
12. Логическое мышление	—	-0,04
13. Операция мышления «аналогия»	—	-0,16

Примечания: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$.

На уровне тенденции обнаружена положительная корреляционная связь с операцией мышления «синтез».

При этом на генеральную совокупность [9], т. е. для распространения на всех представителей данной профессиональной группы и рекомендаций к обязательному отбору и развитию, можно распространить только критерии 1–5 и 7. Критерии 6 и 8 не прошли проверку на нормальность распределения, а потому будут указываться нами в качестве рекомендованных для отбора и развития в процессе психологического обеспечения.

Причиной того, что иные критерии модели когнитивного фактора, полученной в ходе пилотажного исследования, не вошли в число составляющих когнитивного фактора профессиональной надежности действующих сотрудников (не показали положительной корреляции с внешним критерием), может быть то, что в среднем они развиты одинаково хорошо у популяции, что не позволяет им выступать в роли отличительного маркера профессиональной надежности.

На основе проведенного исследования был построен профиль наиболее профессионально надежного специалиста информационных подразделений ОВД (рис. 1), который сравнивался с профилем специалиста, проявляющего надежность только в типичных ситуациях.

Отметим, что полученные данные совпадают с проведенными ранее исследованиями в этой об-

Рис. 1. Профиль наиболее профессионально надежного специалиста информационных подразделений органов внутренних дел, уточненный по результатам констатирующего эксперимента

Примечание. Пунктиром выделены критерии, при обсчете которых применялись методы непараметрической статистики и которые требуют дальнейшего исследования.

(Fig. 1. Profile of the most professionally reliable specialist of information units of Internal Affairs' bodies, updated according to the results of the specifying experiment)

Note. The dotted line identifies the criteria that were calculated using the methods of non-parametric statistics and which require further research)

ласти (В. Д. Шадриков, Н. П. Анисимова, Е. Н. Корнеева, В. Н. Дружинин, О. Ф. Григорьева), в которых, как правило, очерчивается содержание интеллекта следующими способностями: аттенционными, перцептивными, мнемическими, мыслительными, а также способностями представления и воображения [10–12].

Таким образом, уточненное своеобразие когнитивного фактора выступает тем самым сочетанием интеллектуальных способностей, которое В. Д. Шадриков, Н. П. Анисимова, Е. Н. Корнеева [10] называли фактором общей одаренности, определяя последнюю как индивидуальную конфигурацию различных способностей, от каждой из которых зависит успешность выполнения конкретной деятельности (в концепции профессиональной надежности это эмерджентные качества [7]).

Модель когнитивного фактора, профессиональной надежности специалиста информационных подразделений органов внутренних дел. В общем виде модель когнитивного фактора с указанием критериев, детерминирующих профессиональную надежность специалистов информационных подразделений ОВД, представлена на рис. 2.

Кроме того, вызывает интерес исследование влияния на степень развития критериев когнитивного фактора специалистов информационных подразделений таких параметров, как опыт профессиональной деятельности, возраст, образование и др.

Полученные данные говорят о том, что существуют статистически значимые связи между:

— опытом профессиональной деятельности специалиста и (положительная связь) пониманием профессионального сленга ($p < 0,001$), способностью ярко и достоверно представить свои действия на этапе постановки задачи ($p < 0,01$), устойчивостью внимания

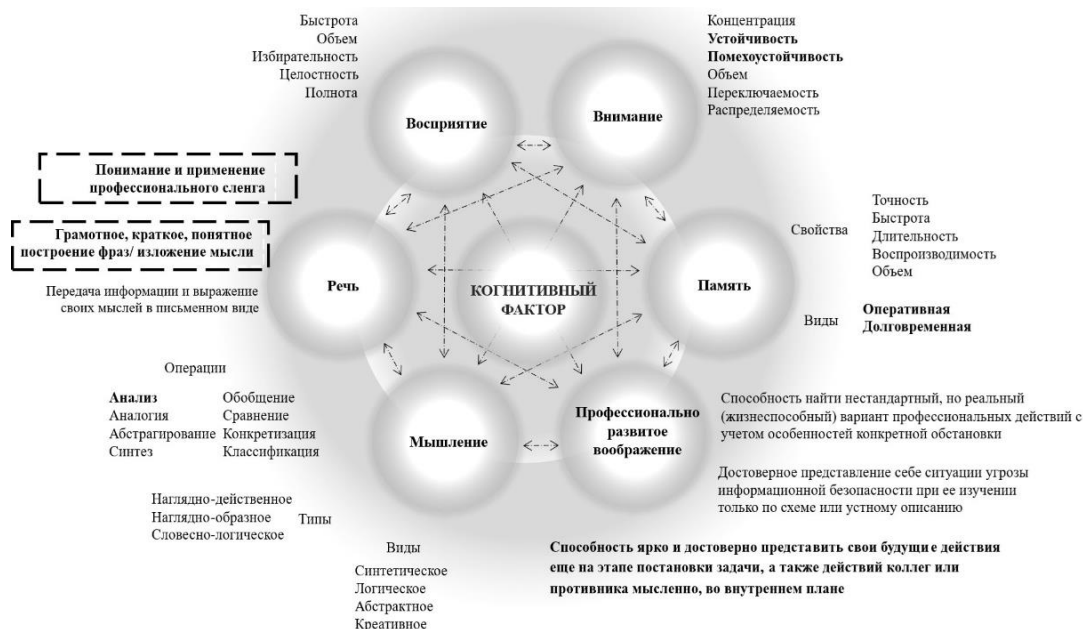

Рис. 2. Модель когнитивного фактора, уточненная после констатирующего эксперимента с указанием критериев, детерминирующих профессиональную надежность специалиста информационных подразделений

Примечания: полужирным шрифтом выделены качества-детерминанты когнитивного фактора профессиональной надежности; пунктиром выделены критерии, при обсчете которых применялись методы непараметрической статистики.

(Fig. 2. Cognitive factor model updated after the specifying experiment with indication of criteria determining professional reliability of the information units' specialist)

Notes: qualities-determinants of the cognitive factor of professional reliability are highlighted in bold; the dotted line identifies the criteria that were calculated using the methods of non-parametric statistics)

($p < 0,05$), операцией мышления «анализ» ($p < 0,05$); (отрицательная связь) логическим мышлением ($p < 0,05$);

— возрастом специалиста и (положительная связь) пониманием профессионального сленга ($p < 0,001$), помехоустойчивостью внимания ($p < 0,01$), способностью ярко и достоверно представить свои действия на этапе постановки задачи ($p < 0,05$), операцией мышления «анализ» ($p < 0,05$), способностью грамотно и кратко строить фразы ($p < 0,05$), устойчивостью внимания ($p < 0,05$); (отрицательная связь) логическим мышлением ($p < 0,05$);

— профессиональной надежностью специалистов информационных подразделений ОВД и (положительная связь) опытом их профессиональной деятельности ($p < 0,01$).

Нами установлено, что специалисты с разным типом образования статистически значимо различаются между собой по уровню развития некоторых критериев когнитивного фактора: у специалистов с техническим образованием статистически значимо лучше развиты свойства внимания (устойчивость и помехоустойчивость, $p < 0,05$), а у специалистов с иным типом образования — операция мышления «синтез» ($p < 0,01$). В категорию «иное» попали специалисты с гуманитарным образованием (юридическое, педагогическое).

Нам удалось выявить также статистически значимую разницу между подразделениями в уровне развития критериев: помехоустойчивость внимания ($p < 0,01$), долговременная память ($p < 0,001$), операция мышления «синтез» ($p < 0,001$), способность ярко и достоверно представить свои действия и действия противника на этапе постановки задачи ($p < 0,001$), понимание профессионального сленга ($p < 0,01$), логическое мышление ($p < 0,05$), грамотное, краткое построение фраз ($p < 0,001$), операция мышления «аналогия» ($p < 0,05$). При этом между парами, в которых одним из подразделений являлось ЦИТиЗИ УТ ЦФО, различие было в пользу последнего, что объясняется нами спецификой комплектования данного подразделения выпускниками факультета подготовки специалистов в области информационной безопасности Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя и Воронежского института МВД России.

Необходимо отметить, что в ходе констатирующего эксперимента выявлена интересная особенность функционирования внимания у данных специалистов: оно более устойчиво работает при аудиальных помехах, нежели в тишине ($p < 0,001$). При этом аудиальные помехи могут быть любого характера, за исключением словесной информации.

Полученные данные значительно конкретизируют модель когнитивного фактора специалистов информационных подразделений ОВД, полученную в ходе пилотажного исследования на выборке курсантов профильного факультета.

Таким образом, теоретическое обоснование содержания и пилотажного эксперимента по выявлению когнитивного фактора профессиональной надежности специалистов информационных подразделений ОВД позволяет говорить о том, что он представляет собой системно взаимосвязанные критерии: переключаемость внимания; помехоустойчивость внимания; долговременную память; операции мышления: анализ, аналогию, синтез, абстрагирование, логическое мышление, грамотное, краткое, понятное построение фраз / изложение мысли, яркое и достоверное представление своих будущих действий еще на этапе постановки задачи, а также действий коллег или противника мысленно, во внутреннем плане, понимание и применение профессионального сленга [1].

Кроме того, результаты исследования обозначили отрицательную корреляционную связь между профессиональной надежностью специалиста информационных подразделений ОВД и устойчивостью внимания, а также на уровне тенденции положительную связь с критерием «оперативная память». Ввиду некоторой теоретической противоречивости полученных пилотажных данных для их подтверждения или опровержения на репрезентативной выборке было принято решение сохранить два критерия (устойчивость внимания и оперативная память) для исследования на большой выборке.

Основная цель, которая преследовалась при планировании констатирующего эксперимента, заключалась в том, чтобы применить модель когнитивного фактора специалистов информационных подразделений ОВД, полученную в ходе теоретического обоснования и пилотажного исследования на выборке курсантов профильного факультета, к репрезентативной выборке действующих сотрудников для уточнения качеств-детерминант, составляющих когнитивный фактор профессиональной надежности специалиста информационных подразделений ОВД.

Выводы

Таким образом, когнитивный фактор профессиональной надежности специалиста информационных подразделений ОВД состоит из таких критериев, как долговременная память, устойчивость внимания, яркое и достоверное представление своих действий на этапе постановки задачи, помехоустойчивость внимания, оперативная память, грамотное, краткое построение фраз, операция мышления «анализ», понимание профессионального сленга.

При этом на генеральную совокупность (обязательный профессиональный психологический отбор и профессионально-личностное развитие) распространяются только критерии 1–5 и 7.

Критерии 6 (грамотное, краткое построение фраз) и 8 (понимание профессионального сленга) не прошли проверку на нормальность распределения, а потому

будут указываться нами в качестве рекомендованных для психологического обеспечения.

Результаты исследования легли в основу программы интеллектуального тренинга по развитию когнитивного фактора, проводимого в рамках формирующего эксперимента.

Область применения и перспективы исследования. Результаты исследования представляют интерес для психологического обеспечения специалистов информационных подразделений ОВД. Выявленные критерии когнитивного фактора профессиональной надежности служат основой комплекса дополнитель-

ных мероприятий по профессиональному психологическому отбору (включение в него вспомогательных диагностических процедур, направленных на оценку резистентных критериев когнитивного фактора) и профессионально-личностному развитию (реализация программы интеллектуального тренинга когнитивного фактора профессиональной надежности, направленного на развитие пластичных критериев когнитивного фактора). Перспективным видится исследование связи профессиональной надежности специалистов информационных подразделений ОВД с их характерологическими особенностями.

Список источников / References

1. Губская С. А. Спецификация компонентов предметно-содержательной модели профессиональной надежности специалиста в области информационной безопасности ОВД РФ // Человеческий капитал. 2024. № 12(192). С. 89–97.
2. Бодров В. А., Орлов В. Я. Психология и надежность: человек в системах управления техникой. М., 1998. 285 с.
3. Завалова Н. Д. Психологические вопросы оценки и обеспечения эффективности и надежности деятельности летчика как оператора системы «летчик-самолет»: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1972. 41 с.
4. Пономаренко В. А., Войтенко А. М. К вопросу о профессиональной надежности летчика // Военно-медицинский журнал. 1993. № 3. С. 51–53.
5. Котик М. А. Зависимость надежности работы человека-оператора от технических и психофизиологических ограничений: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1974. 41 с.
6. Крук В. М. Психологическое обеспечение личностной надежности специалиста силовых структур: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2012. 44 с.
7. Федотов А. Ю. Профессиональная надежность специалиста силовых структур: монография. М., 2018. 197 с.
8. Мاستицкий С. Э. Методическое пособие по использованию программы STATISTICA при обработке данных биологических исследований. Минск, 2009. 79 с.
9. Носс И. Н. Личностно-профессиональная диагностика сотрудников органов внутренних дел: учеб.-метод. пособие. М., 2017. 221 с.
10. Шадриков В. Д., Анисимова Н. П., Корнеева Е. Н. Познавательные процессы и способности в обучении. М., 1990. 142 с.
11. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб., 2002. 368 с.
12. Григорьева О. Ф. Влияние познавательной деятельности на развитие интеллектуальных способностей личности: дис. ... канд. психол. наук. Красноярск, 2006. 188 с.

Поступила 28.12.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2026; принята к публикации 25.05.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9.07 © Иванова Т. В., Радова Е. В., Арзаев Н. А., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-268-272

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Представления пожарных с разным стажем службы о работе в условиях атак беспилотных летательных аппаратов

Татьяна Владимировна Иванова, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и психологии экстремальных ситуаций¹; ivanova_tv@igps.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0816-570X>

Екатерина Владимировна Радова, адъюнкт факультета подготовки кадров высшей квалификации¹; radova_ev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4687-6692>

Никита Анатольевич Арзаев, адъюнкт факультета подготовки кадров высшей квалификации¹; n.arzaef@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0004-9179-5087>

¹ Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, 196105, Санкт-Петербург, Московский проспект, 149, Россия

Реферат. Введение. Исследование направлено на изучение представлений сотрудников пожарно-спасательных подразделений МЧС России, выполняющих задачи в условиях огневого обстрела беспилотными летательными аппаратами и радиоуправляемыми дронами, с учетом их профессионального стажа. **Материалы и методы.** В выборку вошли 97 пожарных из регионов Республики Крым и Запорожской области, разделенные на три группы: группа 1 — имеющие до 5 лет стажа; группа 2 — 6–15 лет; группа 3 — более 15 лет. Методология включала контент-анализ открытых текстовых ответов онлайн-анкетирования с выделением частоты встречаемости категорий, а также корреляционный анализ. **Результаты и обсуждение.** Выявлены различия между группами. У группы 1 доминировали страх (18 %) и адреналин (14 %), что отражало высокое эмоциональное напряжение, частично компенсированное профессиональной вовлеченностью (12 %) и коллективизмом. Сотрудники группы 2 демонстрировали интеграцию страха (22 %) в действия, опору на коллектив (10 %) и позитивное восприятие руководства. Группа 3 сочетала страх (22 %) с рационализацией угроз: критикой технической оснащенности (8 %) и акцентом на профессиональный долг (12 %). Профессиональная идентичность и патриотизм выступали ключевыми защитными механизмами, снижая влияние страха.

Ключевые слова: представления, пожарные МЧС России, работа под обстрелом, беспилотный летательный аппарат, стаж службы, безопасность

Для цитирования: Иванова Т. В., Радова Е. В., Арзаев Н. А. Представления пожарных с разным стажем службы о работе в условиях атак беспилотных летательных аппаратов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 268–272. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-268-272>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.07 © Ivanova T. V., Radova E. V., Arzaev N. A., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-268-272

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Vision of Firefighters with Different Term of Service about the Work in the Conditions of Attacks of Unmanned Aerial Vehicles

Tatiana V. Ivanova, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor, chief of the chair of Pedagogy and Psychology of Extreme Situations¹; ivanova_tv@igps.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0816-570X>

Ekaterina V. Radova, post-graduate student of the faculty of training Highly Qualified Personnel¹; radova_ev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4687-6692>

Nikita A. Arzaev, post-graduate student of the faculty of training Highly Qualified Personnel¹; n.arzaef@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0004-9179-5087>

¹ St. Petersburg University of the State Fire Service EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation Army General E. N. Zinichev, 149, Moscow pr., St. Petersburg, 196105, Russia

Abstract. Introduction. The study is aimed at studying the vision of employees of the Fire and Rescue units of Russian EMERCOM who perform tasks in conditions of fire shelling by unmanned aerial vehicles and radio-controlled drones, with regard to their professional experience. **Materials and Methods.** The sample included 97 firefighters from the regions of the Republic of Crimea and the Zaporozhskaya region, divided into three groups: group 1 — up to 5 years of service; group 2 — 6–15 years of service; group 3 — more than 15 years of service. The methodology consists of content analysis of open text responses of online questionnaires with the frequency of categories specified, as well as correlation analysis. **Results and Discussion.** Differences between groups were identified. Group 1 was dominated by fear (18 %) and adrenaline (14 %), reflecting high emotional tension partially compensated by professional engagement (12 %) and collectivism. The employees of Group 2 showed integration of fear (22 %) into actions, reliance on the team (10 %) and a positive perception of management. Group 3 combined fear (22 %) with rationalization of threats: criticism of technical equipment (8 %) and an emphasis on professional duty (12 %). Professional identity and patriotism functioned as key defense mechanisms, reducing the impact of fear.

Keywords: vision, firefighters of Russian EMERCOM, work under fire shelling, unmanned aerial vehicle, term of service, safety

Citation: Ivanova T. V., Radova E. V., Arzaev N. A. Vision of Firefighters with Different Term of Service about the Work in the Conditions of Attacks of Unmanned Aerial Vehicles. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 3(106). Pp. 268–272 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-268-272>

Основные положения

Проведенное эмпирическое исследование на выборке из 97 сотрудников пожарно-спасательных подразделений МЧС России (Республика Крым и ГУ МЧС России по Запорожской области), имеющих опыт работы под обстрелом беспилотных летательных аппаратов, позволило сформулировать следующие ключевые положения.

1. Структура представлений о работе в экстремальных условиях боевых действий носит сложный, противоречивый характер и закономерно трансформируется в зависимости от профессионального стажа, отражая этапы профессиональной адаптации и формирования защитных механизмов.

2. У пожарных с малым стажем (до 5 лет) в представлениях доминируют реакции острого стресса — «страх» и «адреналин», которые, однако, компенсируются фокусировкой на выполнении задачи и поддержкой коллектива, что свидетельствует о проявлении надситуативной активности.

3. У пожарных со стажем 6–15 лет происходит интеграция эмоциональной реакции («страх») в профессиональные действия, а ключевым совладающим ресурсом выступают слаженность личного состава и воспринимаемая компетентность руководства.

4. У ветеранов службы (свыше 15 лет стажа) выявлена наиболее сложная картина представлений, сочетающая высокий уровень осознания угрозы, критическую оценку условий труда и технической оснащенности с сильной актуализацией категорий «профессиональный долг» и «патриотизм», что отражает внутренние противоречия и специфические потребности данной группы в безопасности и признании.

5. Во всех группах, независимо от стажа, коллективизм и профессиональная идентичность выступают универсальными психологическими ресурсами, опосредующими влияние страха и поддерживающими работоспособность, что подтверждает положения теории сохранения ресурсов.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Современные исследования подчеркивают, что профессиональный стресс у сотрудников экстренных служб, таких как пожарные МЧС России, требует комплексного подхода к изучению [1–3]. Как отмечает А. Б. Леонова, экстремальные условия профессиональной деятельности сотрудников МЧС России провоцируют не только физические, но и эмоциональные перегрузки [3, с. 18]. Все чаще пожарные привлекаются

к работе по тушению пожаров в условиях угрозы обстрела беспилотных летательных аппаратов (далее — БПЛА), при этом атаки противника осуществляются на мирные объекты и мирных граждан. Работа пожарных в условиях угрозы террористического акта создает уникальный психологический контекст, где сочетаются физическая опасность, эмоциональное напряжение и необходимость сохранения профессиональной эффективности. Изучение психологических реакций в указанных обстоятельствах приобретает критическую важность не только для понимания механизмов адаптации личности к стрессу в рамках таких теорий, как теория сохранения ресурсов [4], но и для разработки мер поддержки, направленных на сохранение психического здоровья и работоспособности сотрудников, эффективность которых подтверждается научными исследованиями [5].

Актуальность данного исследования обусловлена ростом числа локальных конфликтов и техногенных катастроф, которые повышают частоту столкновений спасателей с экстремальными условиями, требующими изучения их долгосрочного влияния на психику.

В представлениях отражаются наиболее значимые элементы переживания непосредственного нахождения под обстрелом БПЛА, рефлексия этого опыта, эмоциональное отреагирование, осмысление. При этом опыт работы и стаж имеют значительное влияние на структуру и содержание представлений об условиях профессиональной деятельности. Это влияние проявляется в предметности содержания, смысловых значениях, в отношении сотрудника к среде профессиональной деятельности [2, с. 76].

Цель — выявить особенности представлений о работе под огнем обстрелом пожарных с разным стажем работы в МЧС России.

Материалы и методы

В рамках проведенного исследования была сформирована выборка, включающая 97 сотрудников пожарно-спасательных подразделений МЧС России, осуществляющих профессиональную деятельность в регионах Республики Крым и Запорожской области [6]. Все сотрудники имеют опыт тушения пожаров и ведения аварийно-спасательных работ под огнем обстрелом БПЛА и радиоуправляемых дронов (далее — РД). Сотрудники были разделены на следующие группы согласно стажу работы в структуре МЧС России:

— группа 1 — пожарные в количестве 57 человек с опытом работы в структуре МЧС России до 5 лет, средний возраст 30 лет;

— группа 2 — пожарные в количестве 20 человек с опытом работы в структуре МЧС России от 6 до 15 лет, средний возраст 32,4 года;

— группа 3 — пожарные в количестве 20 человек с опытом работы в структуре МЧС России более 15 лет, средний возраст 40 лет.

Методы исследования: теоретический анализ, эмпирические методы (контент-анализ, анкетирование), методы математической статистики (анализ частоты встречаемости, корреляционный анализ).

Для изучения представлений о работе в условиях огневого воздействия был применен контент-анализ открытых текстовых ответов о субъективных переживаниях во время и после выполнения задач под обстрелом. Анкетирование включало в себя вопросы, касающиеся демографических, профессиональных характеристик, опыта участия в решении задач в зонах проведения специальной военной операции.

В статистической обработке учитывались слова, наиболее часто встречающиеся в текстах описаний и являющиеся неслучайными. Данные подвергались корреляционному анализу. Коэффициенты корреляции демонстрируют частоту совместного появления слов в описаниях (положительные значения) и их взаимное «притяжение» или неоявление (отрицательные значения) и, следовательно, их взаимное «отталкивание» [7].

Исследование проводилось в период с марта по апрель 2025 г. путем онлайн-опроса [6].

Результаты и обсуждение

По результатам опроса получены текстовые материалы: в группе 1 — 646 слов (в среднем 11,3 слова приходятся на человека), во группе 2 — 208 слов (в среднем 10,4 слова на человека), в группе 3 — 255 слов (в среднем 12,75 слова на человека).

В ходе анализа текстов в каждой группе слова были объединены по смыслу в категории (исключая предлоги и символы). В таблице 1 представлены наиболее часто встречающиеся категории.

Анализ данных показал, что во всех группах наиболее часто встречающейся категорией является «страх», что отражает естественную реакцию на отсутствие безопасности при тушении пожара в условиях угрозы обстрела БПЛА.

В группе 1 достаточно часто встречается категория «адреналин» (14 %), что отражает стрессовый ответ организма на ситуацию [8; 9].

Несмотря на реакцию страха, категории, отражающие сосредоточение на выполнении боевых задач и профессионального долга, имеют высокую частоту встречаемости во всех группах. В представлении пожарных это выражается в ответственности, осознании необходимости помощи людям, невзирая на угрозу собственной жизни.

Важным элементом представлений о работе во время обстрела БПЛА является коллективизм. В тестах

Таблица 1. Наиболее часто встречающиеся категории при описании работы под обстрелом БПЛА и РД пожарных с разным стажем работы, %

(Table 1. The most common categories when describing work of fire firefighters with different work experience under UAVs and rocket engine fire, %)

Группа 1		Группа 2		Группа 3	
Категория	Частота встречаемости	Категория	Частота встречаемости	Категория	Частота встречаемости
Страх	18	Страх	22	Страх	22
Адреналин	14	Выполнение задачи	15	Профессиональный долг	12
Выполнение задачи	12	Личный состав	10	Выполнение задачи	12
Личный состав	9	Эмоциональное истощение	6	Техническое оснащение	8
Ответственность	7	Сохранение жизни	6	Личный состав	8
Опасность	5	Руководство	4	Критика	5
Психическое напряжение	5	Спасение людей	4	Руководство	5
Спасение людей	5	Потеря контроля	3	Социальное обеспечение	4
Концентрация	3	Критика	3	Патриотизм	3
Критика	2	Социальное обеспечение	3	Концентрация	3
Потеря контроля	2	Концентрация	2	Спасение людей	2

пожарных выражается это в заботе о товарищах, личном составе, в необходимости слаженной работы. Коллективизм выступает ключевым ресурсом совладания со стрессом, что соответствует положениям теории сохранения ресурсов [4] и подтверждается современными исследованиями роли социальной поддержки, командной сплоченности и климата как факторов эффективности и благополучия в условиях стресса [10; 11].

Для сотрудников группы 2 характерна интеграция страха в действия, что коррелирует с современными данными о механизмах саморегуляции в условиях профессионального стресса [1; 3]. В представлениях данной группы отражается и роль руководителя, и грамотного руководства как поддерживающего фактора.

Отличительной характеристикой представлений о работе под угрозой обстрела БПЛА сотрудников со стажем службы в МЧС России более 15 лет выступает увеличение частоты встречаемости критики условий работы и технической оснащенности (8 %), что может свидетельствовать о проявлении потребности в защите сотрудников с большим стажем службы. При этом в этой же группе было диагностировано наибольшее количество описаний, отнесенных к категории «патриотизм».

При сравнении всех групп можно сделать следующие выводы: в группе 1 доминирует стрессовая реакция на угрозу, в группе 2 коллектив и руководитель выступают важным элементом совладания со стрессом, представления группы 3 противоречивы, что отра-

жается в проявлениях патриотизма и критики. При этом во всех группах преобладают страх и ориентация на задачу, несмотря на угрозу.

На каждый ассоциативный ряд составлены отдельные корреляционные матрицы для выявления структуры взаимосвязей категорий, отражающих представления респондентов о работе в условиях атак БПЛА.

В группе пожарных со стажем работы до 5 лет наблюдается сильная положительная взаимосвязь между страхом, адреналином и психическим напряжением, что свидетельствует об отражении в сознании пожарных работы при атаке БПЛА в сильном стрессовом состоянии (табл. 2). Выполнение задачи и ответственность коррелируют между собой, но отрицательно связаны со страхом, адреналином и психическим напряжением. Концентрация на деятельности в ситуации угрозы жизни и острого стресса свидетельствует о проявлении надситуативной активности.

Таблица 2. Корреляционные связи слов, отражающих представления о работе в условиях атак БПЛА пожарных со стажем работы до 5 лет

(Table 2. Correlations of words reflecting ideas of firefighters with up to 5 years of service about work under UAV attacks)

Категории	Страх	Адреналин	Выполнение задачи	Ответственность
Адреналин	0,82**			
Выполнение задачи	-0,65**	-0,53**		
Ответственность	-0,45**	-0,32*	0,78**	
Психическое напряжение	0,75**	0,68**	-0,60**	-0,40**

Примечание. Здесь и далее: * — уровень значимости $p \leq 0,05$;

** — уровень значимости $p \leq 0,01$.

Группе пожарных со стажем от 6 до 15 лет свойственны следующие смысловые блоки: страх тесно связан с эмоциональным истощением, но также отрицательно коррелирует с выполнением задачи — страх не парализует, а стимулирует работу (табл. 3). Взаимосвязи категорий «личный состав», «руководство», «выполнение задачи» образуют отдельный смысловой блок, тем самым демонстрируют ресурс, который снижает влияние страха и помогает работать в условиях обстрела.

Таблица 3. Корреляционные связи слов, отражающих представления о работе в условиях атак БПЛА пожарных со стажем работы от 6 до 15 лет

(Table 3. Correlations of words reflecting ideas of firefighters with term of service from 6–15 years about work under UAV attacks)

Категории	Страх	Личный состав	Действия	Руководство
Личный состав	-0,30			
Действия	0,70**	0,65**		
Руководство	-0,45*	0,75**	0,50*	
Эмоциональное истощение	0,85**	-0,55**	0,40	-0,60**

Группа пожарных со стажем службы свыше 15 лет указала несколько смысловых блоков, отражающих специфику представлений о работе в условиях атак БПЛА (табл. 4). Страх имеет сильные положительные взаимосвязи с критикой условий труда и требованиями к техническому оснащению, что отражает актуальность защиты от угрозы и может объясняться возрастными особенностями и профессиональной деформацией данной группы пожарных. Кроме того, это может быть связано с проявлением психологической защиты — оправданием своей беспомощности и страха внешними факторами. Часто встречающиеся категории «профессиональный долг» и «патриотизм» имеют сильную взаимосвязь и при этом отрицательную корреляцию со страхом, критикой, техническим оснащением, что свидетельствует о противоречиях в представлениях пожарных о работе в условиях атак БПЛА и требует более детального анализа.

Таблица 4. Корреляционные связи слов, отражающих представления о работе в условиях атак БПЛА пожарных со стажем работы свыше 15 лет

(Table 4. Correlations of words reflecting ideas of firefighters with term of service over 15 years about work under UAV attacks)

Категории	Страх	Профессиональный долг	Техническое оснащение	Критика
Профессиональный долг	-0,55**			
Техническое оснащение	0,70**	-0,40		
Критика	0,65**	-0,60**	0,85**	
Патриотизм	-0,80**	0,75**	-0,50*	-0,65**

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить специфику представлений о работе сотрудников пожарно-спасательных подразделений МЧС России с разным стажем работы в условиях экстремальных ситуаций, сопровождающихся обстрелами БПЛА и РД.

Выводы

1. В сознании пожарных, работающих под угрозой обстрела БПЛА, остаются в большей степени негативные эмоции, стремление выжить, защитить себя, коллег, пострадавших. Наряду с этим, существует потребность в средствах защиты, грамотных управленческих решениях и социальных гарантиях, которые могли бы компенсировать эмоциональные и физические издержки в экстремальных условиях работы.

2. Специфика представлений отражается на характере взаимосвязей категорий, описывающих работу под обстрелом БПЛА. Концентрация на деятельности в ситуации угрозы жизни и острого стресса свидетельствует о проявлении надситуативной активности у пожарных со стажем менее 5 лет. Ориентация на коллектив и грамотные действия руководства

является ресурсом для группы пожарных, имеющих от 6 до 15 лет стажа. У пожарных со стажем свыше 15 лет диагностированы противоречия между требованиями безопасности со стороны руководства и технической оснащенности и профессиональным долгом.

Полученные данные подчеркивают необходимость дифференцированного подхода к психологической поддержке сотрудников МЧС России, учитывающего их опыт и этап профессионального становления.

Область применения и перспективы. Результаты исследования имеют практическую значимость для психологической службы МЧС России и подразде-

лений, участвующих в работе в зонах вооруженных конфликтов. Полученные данные могут быть использованы для разработки дифференцированных программ психологического сопровождения, обучения и адаптации пожарных с учетом стажа и специфики их представлений об угрозе. В перспективе целесообразно углубленное изучение динамики профессиональной идентичности, механизмов совладания со страхом, а также разработка тренинговых модулей, направленных на укрепление коллективной сплоченности и формирование устойчивых психологических ресурсов у сотрудников, работающих в условиях повышенной опасности.

Список источников / References

1. Arrogante O., Mediavilla R., Fernández-Pascual M. D., López-López A., Morán-Barrios J., Fernández-Muñoz J. J. Stress in Emergency Healthcare Professionals: Scale Validation, Risk, and Protective Factors Identification. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19(7), 4342. DOI:10.3390/ijerph19074342.
2. Иванова Т. В., Ашанина Е. Н. Структура и содержание представлений о чрезвычайной ситуации у сотрудников МЧС России // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017. № 4. С. 74–82.
3. Леонова А. Б. Психология труда: профессиональный стресс и здоровье. М., 2018. 320 с.
4. Hobfoll S. E. Conservation of Resources Theory: Its Implication for Stress, Health, and Resilience. In: S. Folkman (Ed.) *The Oxford Handbook of Stress, Health, and Coping*. New York, 2011. Pp. 127–147.
5. Carleton R. N., Afifi T. O., Turner S., Taillieu T., Vaughan A. D., Anderson G. S., Ricciardelli R., MacPhee R. S., Cramm H. A., Groll D., Hozempa K., Brunet A. Mental health disorder symptom changes among public safety personnel after emotional resilience skills training. *Comprehensive Psychiatry*. 2025. Vol. 138. 152580. DOI:10.1016/j.comppsy.2025.152580.
6. Иванова Т. В., Арзаев Н. А., Радова Е. В. Представления пожарных о работе в условиях атак беспилотных летательных аппаратов // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2025. № 3(68). С. 32–40.
7. Иванова Т. В. Представление чрезвычайной ситуации сотрудниками МЧС России на разных этапах профессионализации : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2018. 202 с.
8. Korneeva Ya., Shadrina N., Simonova N., Trofimova A. Job Stress, Working Capacity, Professional Performance and Safety of Shift Workers at Forest Harvesting in the North of Russian Federation. *Forests*. 2024. Vol. 15, No. 12. 2056. DOI 10.3390/f15122056.
9. Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М., 2006. 528 с.
10. Krivolapchuk V., Khudikina O., Velichkovsky B. The Relationship Between Psychophysiological and Socio-Psychological Indicators of Workability in Long-Term Confinement: The Contribution of Team Cohesion and Climate. *Healthcare*. 2025. Vol. 13(18), 2260. DOI:10.3390/healthcare13182260.
11. McCanlies E. C., Gu J. K., Andrew M. E., Violanti J. M. Resilience in Emergency Responders: The Role of Social Support and Coping Strategies. *Journal of Occupational Health Psychology*. 2021. Vol. 26(2). Pp. 132–145. DOI:10.1037/ocp0000274.

Потупила 22.12.2025; одобрена после рецензирования 10.01.2026; принята к публикации 30.06.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Отклоняющееся поведение

Deviant behaviour

Обзорная статья

УДК 316.6; 159.91 © Орлов В. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-273-279

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Насильственное лишение свободы в целях сексуальной эксплуатации

Владимир Владимирович Орлов, кандидат медицинских наук, доцент кафедры специальной тактики и огневой подготовки¹; pallidum@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2972-5457>

¹ Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, 390043, Рязань, ул. Красная, 18, Россия

Реферат. Введение. Обосновывается необходимость выделения насильственного лишения свободы в целях сексуальной эксплуатации в самостоятельный вид преступно-деструктивной деятельности. Цель — выявить объективные факторы, предрасполагающие и провоцирующие осуществление изучаемого вида преступной деятельности, определить закономерности в поведении преступников. **Материалы и методы.** Анализ случаев насильственного лишения свободы в целях сексуальной эксплуатации, охватывающий период с 1948 г. по 2023 г., проведен ретроспективно, методом конкретных ситуаций (кейс-метод). **Результаты и обсуждение.** Осуществлена систематизация зарегистрированных случаев; составлены усредненные портреты лиц, склонных к данному виду преступлений, и выявлены закономерности их поведения. Делается предположение о дофаминовом механизме как базовом, лежащем в основе развития данной формы девиантного поведения; прослеживается наличие аддиктивного компонента; выясняются причины отсутствия эскалации садистических проявлений в отношении жертвы в связи с формированием в паре похититель–жертва отношений по типу «фантомная семья». **Выводы.** Насильственное лишение свободы в целях сексуальной эксплуатации является самостоятельным видом преступно-деструктивной деятельности, в основе которого лежит девиантное поведение с аддиктивным компонентом; последнее определяет поведенческую стереотипию лиц, совершающих данные преступления, что может быть использовано не только при юридической квалификации подобного рода деяний, но и в оперативно-розыскной работе силовых структур.

Ключевые слова: похищение человека, незаконное лишение свободы, сексуальное рабство

Для цитирования: Орлов В. В. Насильственное лишение свободы в целях сексуальной эксплуатации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 273–279. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-273-279>

Review Article

UDC 316.6; 159.91 © Orlov V. V., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-273-279

5.3.5. Social Psychology, Political and Economic Psychology

Violent Deprivation of Liberty for Sexual Exploitation

Vladimir V. Orlov, Candidate of Science (in Medicine), Associate-Professor at the chair of Special Tactics and Fire Training¹; pallidum@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2972-5457>

¹ Ryazan branch of V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 18, Krasnaya st., Ryazan, 390043, Russia

Abstract. Introduction. It is argued necessary to separate violent deprivation of liberty for the purpose of sexual exploitation into an independent type of criminal destructive activity. The goal is to identify objective factors that predispose and provoke the implementation of the type of criminal activity under study, to determine the patterns in the behavior of criminals. **Materials and Methods.** The analysis of cases of violent deprivation of liberty for the purpose of sexual exploitation, covering the period from 1948 to 2023, was carried out retrospectively by the method of specific situations (case method). **Results and Discussion.** Systematization of registered cases has been carried out; averaged portraits of persons prone to this type of crime were compiled, and patterns of their behavior revealed. An assumption is made about the dopamine mechanism as the basic one underlying the development of this form of deviant behavior; the presence of an addictive component is traced; the reasons for the lack of escalation of sadistic manifestations towards the victim in connection with the formation of a "phantom family" type relationship in the kidnapper/victim pair being investigated. **Conclusions.** Violent deprivation of liberty for the purpose of sexual exploitation is an independent type of criminal destructive activity, which is based on deviant behavior with an addictive component; the latter determines the behavioral stereotype

of persons committing these crimes, which can be used not only in the legal qualification of such acts, but also in the operational-search work of law enforcement agencies.

Keywords: abduction of a person, violent deprivation of liberty, sexual slavery

Citation: Orlov V. V. Violent Deprivation of Liberty for Sexual Exploitation. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 3(106). Pp. 273–279 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-273-279>

Основные положения

1. Феномен насильственного лишения свободы в целях сексуальной эксплуатации не изучался как самостоятельный вид преступной деятельности, несмотря на тот факт, что каждый подобный эксцесс вызывает широкий общественный резонанс; соответственно, каких-либо действенных мер противодействия данному виду преступлений не выработано.

2. Насильственное лишение свободы является крайне специфичным преступным деянием, требующим серьезной предварительной подготовки, что определяет не только поведенческую стереотипию преступников, совершающих преступления рассматриваемой категории, но и сходство их психологических портретов; причем выявленные закономерности могут лечь в основу методик оперативных разработок не только раскрытия, но и превенции данного вида преступлений.

3. Выдвинута авторская гипотеза, объясняющая поведенческую специфику указанной категории преступников наличием аддиктивного компонента с последующей его стагнацией и формированием отклонений по типу «фантомная семья».

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. 3 марта 2021 г. в связи с окончанием срока отбывания наказания из мест лишения свободы был освобожден Виктор Мохов, более известный по прозвищу «скопинский маньяк». В. Мохов был осужден на 16 лет и 10 месяцев за то, что в течение почти четырех лет в целях сексуальной эксплуатации удерживал в заточении, в подвале своего гаража, двух несовершеннолетних девушек, похищенных им в г. Рязани¹.

Недобросовестные средства массовой информации и отдельные блогеры создали вокруг этого события абсолютно неадекватную и нездоровую информационную истерию [1]. Причем все интервьюеры акцентировались на болезненно-сексуальной составляющей произошедшего [2], игнорируя при этом факты, которые могли бы составить предмет подлинного исследовательского интереса. Результатом этого ажиотажа стало то, что в том же 2021 г. в Российской

Федерации были предотвращены сразу две попытки совершения аналогичных преступлений², тогда как ранее они происходили с периодичностью один раз в плюс-минус 10 лет.

Деяние «скопинского маньяка» не было ни первым по хронологии, ни уникальным по исполнению. Более того, по словам самого В. Мохова³, он является всего лишь подражателем А. Комина, содержавшего в 1995–1997 гг. невольниц в приспособленном под это подвальном помещении под своим гаражом⁴.

Первый задокументированный случай похищения в целях сексуальной эксплуатации зафиксирован в написанной в 1601 г. «Новой Тюрингской хронике» авторства Иоганна Бехерера о серийном убийце-грабителе Кристиане Гениппертейнге, с 1568 г. по 1581 г. разбойничавшем в окрестностях Фрейсберга. В 1574 г. им была похищена и удерживалась в специально приспособленном убежище Амарина (Доротея) Тейхнер. Все время заточения Тейхнер подвергалась сексуальной эксплуатации и родила шестерых детей, которые были убиты Гениппертейнгом.

Однако автор статьи отказался от рассмотрения случаев, произошедших ранее 1900 г., в связи с тем что расследования по ним велись без должного методологического подхода и, как правило, с применением мер физического воздействия, что не могло не сказаться на объективности полученных следствием результатов. Кроме того, в большинстве случаев информация по данным делам дошла до современности в сильно искаженном виде, поскольку образы злодеев демонизировались от переписчика к переписчику. Так, упомянутый К. Гениппертейнг даже стал прообразом главного героя сказки братьев Grimm «Жених-разбойник». Первый в XX в. случай лишения свободы в целях сексуальной эксплуатации также нашел художественное воплощение: похищение в 1948 г. Френком Лассалем 11-летней Флоренс Салли Хорнер легло в основу романа В. В. Набокова «Лолита»⁵.

Каждое преступление такого рода вызывает широкий общественный резонанс, тем не менее отдельно феномен насильственного лишения свободы в целях сексуальной эксплуатации не изучался [3].

¹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мохов,_Виктор_Васильевич (дата обращения: 31.01.2025).

² URL: <https://www.alt.kp.ru/daily/27427/4627463/> (дата обращения: 31.01.2025); URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/28355/4501934/> (дата обращения: 31.01.2025).

³ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DDFCtXuRt00&t=3280s> (дата обращения: 31.01.2025).

⁴ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Комина,_Александр_Николаевич (дата обращения: 31.01.2025).

⁵ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хорнер,_Флоренс_Салли (дата обращения: 31.01.2025).

Цель — выявить объективные факторы, располагающие и провоцирующие осуществление изучаемого вида преступной деятельности, определить закономерности в поведении преступников.

Материалы и методы

За период с 1948 г. по 2023 г. включительно, что составляет полных 75 календарных лет, удалось выявить факты совершения преступлений, связанных с насильственным лишением свободы в целях сексуальной эксплуатации, которые и составили базу исследования. В 14 из 16 случаев жертвы рассматривались исключительно как объекты сексуальной эксплуатации; в 2 случаях параллельно присутствовал иной — меркантильный — интерес (в первом варианте — изготовление порнографических материалов с участием детей с целью распространения; во втором — организация подпольного швейного производства). Среди 14 «чистых» случаев необходимо также отметить 3 случая, когда жертва не находилась в руках преступника длительное время, а была освобождена в течение короткого срока. Автор включил их в выборку на основании того, что нереализация преступного замысла не отменяет его наличия.

Анализ полученной базы был проведен ретроспективно методом конкретных ситуаций, единственно приемлемым в данном случае.

Результаты и обсуждение

Поведенческие стереотипы преступников, осуществляющих насильственное лишение свободы жертв в целях сексуальной эксплуатации. Низкая распространенность данного вида преступлений определена, прежде всего, значительными техническими трудностями их исполнения. Для реализации преступного замысла преступник должен иметь специально оборудованное тайное убежище для содержания жертвы. В силу того что обустроить таковое в многоквартирном доме физически невозможно, это подразумевает постоянное проживание похитителя в частном секторе или наличие у него гаража, иного нежилого строения. В исследуемой выборке в 81,3 % удержаний похищенных осуществлялось в помещениях, расположенных под гаражами и под индивидуальными жилыми домами. Лишь в трех случаях жертвы находились в квартирах или частных домах без специальных помещений для содержания жертвы; при этом остальные домочадцы знали о жертве, однако не препятствовали похитителю в осуществлении преступного замысла. Только в одном случае стационарного убежища не было, а жертва была помещена в автотрейлер (упомянутый случай Френка Лассала и Флоренс Салли Хорнер).

Если даже был в наличии подвал или погреб, его следовало адаптировать к длительному удерживанию

в нем живых людей: повысить звукоизоляцию, усилить входные группы, подвести системы жизнеобеспечения. Такие работы, как правило, осуществляются тайно, собственными силами, что требует от исполнителя значительных познаний в области строительно-отделочных работ и достаточного практического опыта их проведения. Это отразилось в исследуемой выборке в том, что в 87,5 % случаев похититель имел техническое образование, причем 35,1 % из них работали электриками; исключение составили всего два случая, когда похитителем оказался либо бывший, либо действующий медик.

Для похищения в 12 случаях из 16 было использовано транспортное средство — микроавтобус или легковой автомобиль. В большинстве случаев в нем уже находились средства для обездвиживания — веревки, мешки, скотч (в одном случае (похитители Кэмерон и Дженис Хукер, жертва Колин Стен) даже специальное приспособление по типу БДСМ-шлема⁶). При использовании для похищения транспортного средства жертва удалялась от места похищения на расстояние от 20 до 600 километров.

Достоверно установлено, что в двух случаях жертвы приводились в беспомощное состояние с помощью психотропных препаратов и еще в двух — алкоголя. В остальных случаях жертвы были похищены с использованием комбинации обмана и угроз насилием.

В 100 % случаев инициатором похищения и основным исполнителем явилось лицо мужского пола, как правило, принадлежащее к европеоидной расе (в выборке имеется только 1 случай представителя иной расы — монголоид Нобуюки Сато⁷).

Минимальный возраст похитителя составил 25 лет, максимальный — 50 лет. При этом похитители по возрастным категориям распределились следующим образом: 25–29 лет — 2; 30–39 лет — 5; 40–49 лет — 7; 50 лет и старше — 2.

На момент совершения преступления 50 % выборки (8 человек) состояли в официальных отношениях либо в гражданском браке; 4 человека были в официальном или формальном разводе; 3 никогда не вступали в брак; 1 человек преследовался за многоженство. Большинство из преступников имели детей, точных сведений о которых получить не удалось в связи с тем, что одни из них попали под программу защиты свидетелей, про других информация не разглашалась ввиду их несовершеннолетия.

У 11 похитителей из 16 был сообщник; у троих из них сообщников было несколько. Однако более удручающе выглядит тот факт, что чаще всего соучастниками преступления являлись лица женского пола: в 5 случаях таким сообщником выступила жена (в трех из них она активно участвовала в сексуаль-

⁶ URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/Kidnapping_of_Colleen_Stan (дата обращения: 31.01.2025).

⁷ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Fusako_Sano (дата обращения: 31.01.2025).

ных экспериментах с жертвой); в 3 случаях — мать; в 3 — посторонняя женщина (причем в двух случаях в соучастницы преступления переqualificировалась одна из жертв); в 1 случае соучастницей была дочь.

Физическое насилие (в дополнение к психологическому) применялось к жертве в 13 случаях из 16. В таком же количестве случаев использовались средства обездвиживания, самым распространенным из которых была цепь, прикрепленная к стене или радиатору отопления. Впрочем, необходимо отметить, что, если похититель не тяготел к садизму, к насилию активно прибегали только на начальном этапе пребывания жертвы в заточении. В большинстве случаев по мере наступления психологического слома и отказа жертвы от попыток бегства интенсивность применения насилия уменьшалась и похититель обращался к нему только в качестве наказания за нарушение установленных им правил.

Летальные исходы среди похищенных жертв зарегистрированы в трех случаях. При этом в двух из них они не были связаны с садистскими практиками похитителей и носили иной характер. Так, две жертвы бельгийского похитителя Марка Дютру⁸ — Джули Лежен и Мелисса Руссо — умерли от голода в результате рокового стечения обстоятельств, когда Дютру был задержан полицией по совершенно другому поводу и на длительное время помещен под стражу, а жертвы российского похитителя Александра Комина, организовавшего подпольное швейное предприятие, были убиты им по причине непригодности к работе.

В 11 случаях похититель довольствовался одной жертвой; в двух — двумя (вышеупомянутый М. Дютру суммарно похитил четырех девочек, но одновременно у него находилось по две жертвы, что, видимо, диктовалось параметрами места их заточения). В одном случае жертв было три; еще в двух — более трех. Таким образом, в среднем на одного похитителя приходится 1,56 похищенных.

Более двух похищенных одновременно удерживались всего в трех случаях (18,8 %). Однако необходимо учесть, что минимум еще в трех случаях (М. Дютру, М. Тренненборг, С. Свешников) преступниками было заготовлено несколько бункеров для удержания потенциальных жертв, т. е. у каждого из них имелся преступный замысел на увеличение числа пострадавших.

Возраст похищенных находится в диапазоне от 8 до 30 лет. При анализе четко просматривается наиболее угрожаемый возраст интервал — от 11 до 17 лет, с пиковыми значениями в возрасте 14 лет. 14-летние жертвы похищались в 5 случаях; 8-, 11-, 12-, 17-, 18-, 19-, 23- и 24-летние — по 2 раза; жертвы остальных возрастов — единично.

Более никаких закономерностей в отношении жертв похищений выявить не удалось, скорее всего, потому, что они выбирались по параметрам доступности для похищения и в связи с технической возможностью его осуществления.

При оценке среднего времени пребывания похищенных в заточении случаи, когда жертва была освобождена в течение нескольких суток в результате оперативно-розыскных мероприятий, не рассматривались. В отношении остальных было выявлено, что минимальный срок заточения составил 2,5 месяца (похититель Марк Дютру, жертва Сабрина Дарденн); максимальный — 23 года 6 месяцев 20 дней (похититель Йозеф Фритцль, жертва Элизабет Фритцль)⁹. Средний срок пребывания похищенных в заточении составил 75 месяцев.

За время нахождения в заточении четыре похищенных родили от похитителя. Причем одна жертва — упомянутая абзацем выше Элизабет Фритцль — родила семерых детей, из которых шестеро выжили (ситуацию усугубляет факт incestа, поскольку в роли похитителя выступал ее собственный отец). Две жертвы родили по два ребенка; одна — одного. Показательно, что к рожденным жертвами детям похитители не испытывали агрессии и всем сохранили жизнь; более того, трое похитителей из четверых воспитывали детей, рожденных жертвами, как полноценные отцы.

В этом ряду крайне нетипично выглядит случай американского похитителя Ариэля Кастро, который систематически (5 раз) избиванием своей жертвы Мишель Найт добивался у нее выкидыша. При этом второй своей жертве Аманде Берри он позволил родить и взял ребенка на воспитание¹⁰.

Разрешение ситуации в семи случаях произошло в результате собственных активных действий жертв, которым удалось осуществить побег, привлечь внимание, передать записку и т. п. В пяти случаях освобождение было случайным и, как правило, связывалось с обращением за медицинской помощью или в социальные службы. Еще в четырех случаях жертвы освобождались в ходе оперативно-розыскных мероприятий, причем в одном из них похититель отпустил жертву самостоятельно, испугавшись масштаба и активности поисков.

Для похитителей варианты исхода распределились следующим образом: один закончил суицидом, не дожидаясь ареста; двое совершили суицид после оглашения приговора; остальные отбывают или уже отбыли наказание; один приговорен к смертной казни.

Усредненный портрет преступника, удерживающего похищенных женщин. На основании проанализированной информации реконструируется сле-

⁸ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дютру,_Марк (дата обращения: 31.01.2025).

⁹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_Йозефа_Фритцля (дата обращения: 31.01.2025).

¹⁰ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кастро,_Ариэль (дата обращения: 31.01.2025).

дующий усредненный портрет лица, удерживающего похищенных в целях сексуальной эксплуатации.

Это гетеросексуальный мужчина-европеоид; в возрасте около 40 (плюс-минус 10) лет; женатый, имеющий детей; получивший техническое образование; владеющий транспортным средством легкового или полугрузового типа; постоянно проживающий в индивидуальном доме или располагающий отдельно стоящим нежилым строением; действующий с сообщником женского пола, как правило, с женой; избирающий приоритетной целью лиц женского пола подросткового возраста 14 (плюс-минус 3 года) лет.

Объективная фактология может быть дополнена попыткой реконструкции психологического портрета.

У большинства похитителей удалось собрать семейный анамнез. Поскольку анамнестические данные были получены со слов самих преступников, при их анализе необходимо делать определенную долю допущения на предоставление ими некорректной информации в целях, например, повлиять на отношение к своей личности судебной коллегии. Однако даже с учетом этого допущения закономерности четко просматриваются.

Многие будущие похитители родились в полной семье с достатком средним или выше среднего, о чем свидетельствует тот факт, что недвижимость, в которой впоследствии оборудовалось место для содержания жертв, как правило, доставалась им по праву наследования.

Родители будущего преступника не являлись маргиналами, но в семье были прохладные отношения и ребенок испытывал дефицит внимания. Наиболее показателен в данном случае пример неоднократно упомянутого Марка Дютру. Его родители были педагогами; когда М. Дютру был еще младенцем, они по волонтерской программе поехали в Африку, где полностью отдались воспитанию чужих детей в ущерб собственному ребенку.

В целом среди родителей будущих похитителей крайне высок процент лиц с профессиями, имеющими выраженный аддиктивный компонент: педагогов, медицинских и социальных работников и т. п.

Многие респонденты также указали, что в детстве неоднократно подвергались физическому насилию со стороны одного или обоих родителей. В основном источником домашнего насилия являлся отец, причем у большинства из них прослеживались психопатоподобные черты или склонность к зависимому поведению (чаще всего алкоголизация). Один похититель сообщил о сексуальном насилии, пережитом им в детском возрасте.

Нездоровая семейная атмосфера закономерно приводила к разводу, который, как правило, происходил, когда респондент был уже в зрелом возрасте (например, родители В. Мохова развелись, когда ему

было уже 22 года). После развода родителей будущий преступник оставался с матерью, которая принимала либо холодно-отстраненную, либо гиперопекающую позицию. Гиперопекающая позиция впоследствии выливалась в то, что мать становилась активным или пассивным соучастником преступления.

В детстве будущий преступник демонстрировал черты интроверта с выраженным шизоидным радикалом (который, как предполагается, впоследствии определял склонность к профессиям технической направленности). На всех этапах развития интеллект находился на среднем уровне или выше среднего уровня для своей возрастной группы.

Вместе с тем большинство респондентов признало наличие в анамнезе эпизодов зоосаадизма и садизма; семь человек из выборки до похищения совершали изнасилования; три — доказанные убийства; два — акты педофилии.

Таким образом, на момент совершения преступления будущий усредненный похититель представлял собой интроверта с выраженным шизоидным радикалом личности; с IQ средним или выше среднего; индустрируемого, склонного к зависимому и асоциальному поведению; состоящего в созависимых отношениях с матерью.

Целесообразно рассмотреть личность похитителя не только на этапе до совершения преступления, но и на этапе его совершения.

В целом поведение преступников носит явные черты девиации с аддиктивным компонентом. Процесс подготовки к преступлению занимал в среднем от полутора до трех лет, что свидетельствует о наличии классической долгосрочной стратегии. Любая долгосрочная стратегия, в свою очередь, базируется на дофаминовом механизме [4; 5], который осуществляет поощрение не за действие, а за намерение совершить действие. Одновременно дофаминовый механизм лежит в основе развития всех аддикций, где аддиктивный фактор рассматривается аддиктом как способ быстрой стимуляции дофаминовых рецепторов. Иными словами, факт повышенного функционирования дофаминового механизма налицо. Этот механизм является доминирующим в процессе реализации всего плана похищения и включается задолго до начала активных действий по его реализации. Проще говоря, бункер для жертв начинает строиться только после того, как будущий похититель полностью отфантазирует, что он будет там делать с жертвами. Происходит «бегство в фантазии», по определению Н. Пезешкиана [6], с концентрацией не на объект, а на поведенческий паттерн: будущему похитителю неважно, с кем он будет это делать, ему важно, что он будет делать. Это и определяет отсутствие регистрируемых закономерностей у жертв, их внешние параметры незначительны и выбор происходит в основном по принципу возможности осуществить похищение.

После осуществления похищения аддиктивный механизм нивелируется. В классической интерпретации развития аддиктивного цикла, по Ц. П. Короленко и Т. А. Донских, на определенной стадии происходит привыкание к аддиктивному фактору и аддикт перестает получать желаемые ощущения. Для того чтобы испытать их с прежней интенсивностью, аддикт должен либо повышать частоту прибегания к аддиктивному фактору, либо увеличить его дозу [7].

Согласно этой схеме банальный секс с похищенной должен надоесть преступнику через некоторое время, после чего, не получая прежнего удовольствия, он должен для самостимуляции либо заменить жертву (и освежить ощущения за счет эффекта новизны), либо переключиться на более жесткие формы насилия и далее по нарастающей. По такой схеме действовал, например, «сибирский потрошитель» Александр Спесивцев, удерживавший у себя в квартире двух несовершеннолетних девушек (третья была убита им в первый день) и за 31 день проведенный над ними мыслимые и немыслимые садистские эксперименты вплоть до каннибализма¹¹. Аналогично действовала группа японских подростков, похитивших с целью изнасилования 17-летнюю Дзюнко Фуруту. Она пробыла в заточении 44 дня, за которые пережила динамику от изнасилований в извращенной форме до пыток и сожжения заживо¹². В качестве контрольного эпизода можно привести убийство семьей Банишевски Сильвии Лайкенс, где сексуального насилия не было (вскрытие показало, что жертва была девственницей), но садистическая эскалация развивалась так же, как и в двух предыдущих случаях, и через три месяца привела к смерти жертвы¹³.

Как было отмечено выше, у представителей рассматриваемой в настоящем исследовании выборки динамика садистического процесса отсутствует. Напротив, насилие применяется ограниченно, на ранних этапах пребывания жертв в заточении, и при их отказе от попыток бегства, как правило, похититель отказывается от него.

Если рассмотреть ситуацию с точки зрения концепции, известной как «драматический треугольник С. Карпмана» [8], на этом этапе происходит смена драматической роли похитителя. Если жертва так и остается в роли «жертвы», то похититель смещается из позиции «агрессор» в позицию «спасатель», поскольку возлагает на себя обязанность содержания жертвы и ухода за ней. Фактически насильственным остается только секс, который приобретает характер «привычного изнасилования», тогда как по остальным параметрам формируется фантомная семья, в которой

похититель играет роль главы. Власть его абсолютна, но и обязанности по обеспечению также абсолютны, поскольку жертва совершенно изолирована от социума и находится на его полном иждивении. Однако это и приносит похитителю вторичные положительные эмоции, поскольку безграничная зависимость от него жертвы дает ему ощущение даже не власти, а всемогущества. Фактически, в такой форме садистическая реализация достигает максимального воплощения, при котором физическое насилие уже не является определяющим для получения удовлетворения. При отсутствии активного противодействия со стороны жертвы система приходит в равновесное положение, стагнирует и может законсервироваться в таком состоянии на неопределенно долгий срок.

Выводы

1. Насильственное лишение свободы с целью сексуальной эксплуатации является самостоятельным видом преступно-деструктивной деятельности, специфика которого обусловлена психологической спецификой лиц, ее осуществляющих.

2. Данный вид преступлений с точки зрения психологии является девиацией с выраженным аддиктивным компонентом, по форме представляющей долгосрочную стратегию, что свидетельствует о развитии ее на базе дофаминового механизма.

3. Лицом, склонным к данному виду преступлений, является гетеросексуальный мужчина, принадлежащий к европеоидной расе; интроверт с выраженным шизоидным радикалом личности; с IQ средним или выше среднего; индуцируемый, склонный к зависимому и асоциальному поведению; имеющий ранее инцидент с сексуальным насилием; состоящий в созависимых отношениях с находящейся в разводе матерью; в возрасте около 40 (плюс-минус 10) лет; женатый, имеющий детей; получивший техническое образование; владеющий транспортным средством легкового или полугрузового типа; постоянно проживающий в индивидуальном доме или располагающий отдельно стоящим нежилым строением; действующий с сообщником женского пола, в роли которого, как правило, выступает жена или мать.

4. В большинстве случаев приоритетной целью преступника являются лица женского пола подросткового возраста, около 14 (плюс-минус 3 года) лет; преступник удовлетворяется одной (реже двумя) жертвами; средний срок нахождения жертвы в заточении составляет 75 месяцев; разрешение ситуации, как правило, происходит в результате активных действий жертвы; прогноз для жизни жертвы благоприятен, поскольку похититель не склонен к эскалации насилия.

¹¹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Спесивцев,_Александр_Николаевич (дата обращения: 31.01.2025).

¹² URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Убийство_Дзюнко_Фуруты (дата обращения: 31.01.2025).

¹³ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Убийство_Сильвии_Лайкенс (дата обращения: 31.01.2025).

Область применения и перспективы исследования. Как для любого другого вида преступных деяний, разработку темы насильственного лишения свободы в целях сексуальной эксплуатации можно будет считать завершённой только после полного искоренения данного вида преступлений. Согласно законам психологии замысел доводит до реализации только каждый десятый человек. Таким образом, при

выявлении каждого аналогичного случая необходимо учитывать наличие ещё минимум десяти лиц, потенциально готовых к совершению подобного преступления. Усугубляет эту ситуацию тот факт, что статистика по нераскрытым преступлениям такого рода полностью отсутствует и их количество можно только предполагать, исходя из числа нераскрытых дел о пропаже людей¹⁴.

Список источников / References

1. Енина Л. В. Можно ли брать интервью у Гитлера: к проблеме антигероя // Медиаобразование: медиавключенность vs медиаизоляция : мат-лы VI междунар. науч. конф. : в 2 ч. / под ред. А. А. Морозовой. Челябинск, 2021. Ч. 1. С. 44–47.
 2. Шаповалова Н. Г. Коммуникативное поведение садиста (на примере интервью Виктора Мохова) // Recent scientific investigation — XLIII international multidisciplinary conference. Shawnee, 3 апреля 2023 года : сб. тр. конф. М., 2023. С. 98–102.
 3. Силкина А. Ю. Проблемы при квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Россия и мир: развитие цивилизаций. Научное наследие и взгляды В. В. Жириновского на формирующийся миропорядок : сб. тр. молодых ученых и студентов XIII междунар. науч.-практ. конф. М., 2023. С. 663–666.
 4. Ethan S. Bromberg M., Masayuki M., Okihide H. Dopamine in Motivational Control. *Rewarding, Aversive, and Alerting*. 2010. No. 68. Pp. 815–834.
 5. Westbrook A., Todd S B. Dopamine Does Double Duty in Motivating Cognitive Effort. *Neuron*. 2016. No. 89. Pp. 695–710.
 6. Пезешкиан Н. Психосоматика и позитивная психотерапия. М., 2006. 464 с.
 7. Короленко Ц. П., Донских Т. А. Семь путей к катастрофе: деструктивное поведение в современном мире : монография. Новосибирск, 1990. 224 с.
 8. Karpman S. B. Fairy tales and script drama analysis. *Transactional Analysis Bulletin*. 1968. Vol. 7, No. 26. Pp. 39–43.
- Поступила 21.03.2025; одобрена после рецензирования 30.03.2025; принята к публикации 30.12.2025.

¹⁴ URL: <https://namus.nij.ojp.gov/> (дата обращения: 31.01.2025).

Научно-практическая статья

УДК 159.9.07; 159.96 © Зауторова Э. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-280-284

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Чувство долга и ответственности перед родителями у осужденных женщин

Эльвира Викторовна Зауторова, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики¹, ведущий научный сотрудник²; elvira-song@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 160002, Вологда, ул. Щетинина, 2, Россия

² Научно-исследовательский институт ФСИН России, 125130, Москва, ул. Нарвская, 15а, стр. 1, Россия

Реферат. Введение. Чувство долга и ответственности перед родителями воспринимается не как обязанность, а больше как особенная глубокая связь между родными людьми, основанная на любви, уважении, эмоциональной и материальной поддержке. Лица, находящиеся в местах лишения свободы, по-разному соотносят данные понятия по отношению к себе, своей семье и к будущей жизни. Предполагается, что осужденные женщины, поддерживающие отношения с семьей и родственниками, демонстрируют более высокий уровень ответственности и стремления к исправлению своей личности. Цель — выявить особенности отношений осужденных женщин к семье и понимание ими чувства долга и ответственности перед своими родителями. **Материалы и методы.** В исследовании приняли участие осужденные женщины, отбывающие наказание в исправительном учреждении ФСИН России по Вологодской области: 45 респондентов разного возраста, различных сроков наказания, уровня образования и социального положения. Использовались обзорно-аналитический метод, состоящий в теоретическом анализе научных источников по проблематике исследования; эмпирический метод, включающий опрос осужденных; методы обобщения и сравнения. **Результаты и обсуждение.** Анализ беседы с осужденными и их отношения к своей семье показал, что чувство долга и ответственности перед родителями сохраняется и выступает значимым фактором, оказывающим влияние на поведение этих женщин и отношение к собственной жизненной ситуации. **Выводы.** Показано, что особенности проявления чувства долга и ответственности перед родителями у осужденных женщин играют важную роль в исправлении личности. Данные характеристики могут рассматриваться как ресурс, снижающий риск рецидива. Рекомендовано в местах лишения свободы организовать систему коррекционно-воспитательной работы, направленную на укрепление института семьи осужденных, что будет способствовать эффективности исправительного процесса.

Ключевые слова: места лишения свободы, осужденные женского пола, исправительный процесс, чувство долга, ответственность перед родителями, коррекционно-воспитательная работа

Для цитирования: Зауторова Э. В. Чувство долга и ответственности перед родителями у осужденных женщин // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 280-284. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-280-284>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.07; 159.96 © Zautorova E. V., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-280-284

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Female Convicts' Sense of Duty and Responsibility towards their Parents

Elvira V. Zautorova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor, Professor at the chair of Legal Psychology and Pedagogy¹, leading researcher²; elvira-song@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

¹ Vologda Institute of Law and Economics of Russian Federal Penitentiary Service, 2, Shchetinin st., Vologda, 160002, Russia

² Research Institute of Russian Federal Penitentiary Service, 15a., bld.1, Narvskaya st., Moscow, 125130, Russia

Abstract. Introduction. A sense of duty and responsibility to parents is perceived not as an obligation, but rather as a special deep connection between relatives, based on love, respect, emotional and material support. Imprisoned people relate these concepts differently towards themselves, their family and future life. Convicted women who maintain relationships with family and relatives are supposed to show a higher level of responsibility and commitment to correcting their identities. The objective is to identify

the characteristics of the relationship of female convicts to the family and their understanding of the sense of duty and responsibility to their parents. **Materials and Methods.** The study involved convicted women serving sentences in a correctional institution of Russian Federal Penitentiary Service in the Vologda Oblast: 45 respondents of different ages, different terms of punishment, level of education and social status. A review and analytical method was used, including a theoretical analysis of scientific sources on the research issues; an empirical method involving interviewing convicts; a method of generalization and comparison. **Results and Discussion.** Analysis of the conversation with the convicted women and their attitude to their family has shown that the sense of duty and responsibility to the parents is maintained and acts as a significant factor influencing their behavior and attitude towards their own life situation. **Conclusions.** It is shown that the features of the manifestation of a sense of duty and responsibility to parents in convicted women play an important role in personal correction. These characteristics can be considered as a resource that reduces the risk of repeat crimes. It is recommended in places of deprivation of liberty to organize a system of correctional and educational work aimed at strengthening the institution of the family of convicts, which will contribute to the effectiveness of the correctional process.

Keywords: places of deprivation of liberty, female convicts, correctional process, sense of duty, responsibility to parents, correctional and educational work

Citation: Zautorova E. V. Female Convicts' Sense of Duty and Responsibility towards their Parents. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 3(106). Pp. 280–284 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-280-284>

Основные положения

1. Чувство долга и ответственности перед родителями у осужденных женщин может стать стимулом, оказывающим влияние на особенности их поведения в условиях лишения свободы. Находясь в изоляции, большинство из них сохраняет ценностную и эмоциональную связь с родителями.

2. Необходимо проводить специально организованную коррекционно-воспитательную работу, направленную на усиление института семьи осужденных женщин, создание условий для сохранения и укрепления контактов с родителями в период отбывания наказания, так как наличие родственных связей усиливает готовность осужденных женского пола к исправлению и ресоциализации.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В настоящее время понятие долга и ответственности перед родителями часто воспринимается как нечто однозначное и фиксированное, но на самом деле данные чувства представляют собой сложный и многослойный феномен [1; 2]. Особенно это актуально в контексте работы сотрудников исправительных учреждений с осужденными. Дочерний, материнский и родительский долг — эти понятия включают не только обязательства перед родителями, детьми, семьей, но и проблемы, которые возникают в результате социального осуждения и личных переживаний [3]. Это не просто обязанность заботиться о родителях или выполнять их желания, а значительная моральная нагрузка, которая часто формируется под влиянием культурных и семейных традиций. В идеале долг и ответственность перед родителями подразумевают взаимную поддержку и уважение в семье*. Однако когда речь идет об осужденных, то чувство долга может принимать искаженные формы, порождая внутренние конфликты и чувство вины за причиненные страдания близким людям и др. [1; 4].

Исследование отношения осужденных к семье, родителям представляет особый интерес для пенитенциарной педагогики и психологии, а также социальной работы и криминологии, поскольку позволяет выявить глубинные причины девиантного поведения личности и наметить пути ее ресоциализации.

Новизна данной работы заключается в том, что исследование направлено на выявление не только отношения осужденных женщин к семье, дочернему долгу во время отбывания наказания, но и того, как они его представляют в будущем, после освобождения, для определения эмоциональных нюансов и индивидуальных историй в целях разработки наиболее эффективного построения коррекционно-воспитательной работы с ними. Так, полученные данные могут служить основой для разработки программ психологической помощи осужденным, направленных на восстановление семейных связей, а также тренингов для сотрудников исправительных учреждений по работе с семейными вопросами, рекомендаций для родителей осужденных по поддержанию конструктивного контакта между ними.

Предполагается, что осужденные женщины, поддерживающие отношения с семьей и родственниками, демонстрируют более высокий уровень ответственности и стремления к исправлению своей личности.

Цель — выявить особенности отношения осужденных женщин к семье и понимания ими чувства долга и ответственности перед своими родителями.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. В современном мире существует огромное количество широко обсуждаемых тем, связанных с долгом. Данное понятие рассматривается в различных научных областях и сферах, таких как философия, юриспруденция, финансовая деятельность и т. д. Психология изучает внутренний механизм чувства долга, который ориентирует личность на выполнение определенных поручений, в педагогике этот феномен представлен со-

* Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд ; науч.-ред. совет: В. С. Степин и др. М., 2010. Т. 1. С. 626.

вокупностью требований и моральных предписаний, предъявляемых обществом к личности, и т. д. [3].

Феномен «семья», вопросы родительского и дочернего долга в отечественной науке рассматривали такие ученые, как А. А. Бодалев, Т. В. Буянов, А. Я. Варга, А. С. Макаренко, В. В. Розанов, В. В. Столин, К. Д. Ушинский и др. Названные авторы разработали теоретические и практические подходы к изучению семейно-родительских отношений, описали особенности отечественной семейной системы, охарактеризовали семейные ценности и т. д. Для осужденного человека, находящегося без поддержки и общения с близкими людьми, вопросы долга и ответственности перед родителями становятся особенно острыми [5].

Наиболее важной тема детско-родительских отношений представляется для осужденных женского пола, так как для них характерны глубокие переживания, вызванные разлукой с родственниками и близкими людьми, утратой родственных связей. Вопросы специфики изучения личности осужденных женщин и особенностей работы с ними в условиях лишения свободы нашли отражение в исследованиях Ю. М. Антоняна, Т. Н. Волковой, О. Н. Ежовой, Л. В. Ковтуненко, Я. Р. Сапруновой, В. А. Серебряковой, Е. В. Середы, А. В. Чернышевой, Т. А. Шмаевой и др. В научной литературе отмечается, что осужденные женщины характеризуются личностными особенностями, например, им свойственны изменение ценностных и жизненных ориентаций, повышенная эмоциональность и тревожность, впечатлительность, демонстративность, агрессивность и импульсивность в поведении и т. д. [6; 7]. Данные индивидуально-психологические особенности личности осужденных женщин необходимо учитывать в ходе осуществления психолого-педагогического воздействия [8; 9], что будет способствовать снижению конфликтных ситуаций, усилению положительного влияния применяемых форм и методов коррекционно-воспитательной работы с ними в условиях лишения свободы [10; 11].

Материалы и методы

В целях выявления отношения осужденных женщин к семье и понимания ими чувства долга и ответственности перед своими родителями было проведено исследование на базе исправительного учреждения УФСИН России по Вологодской области. Приняли участие 45 осужденных женщин в возрасте от 21 года до 50 лет, это своеобразная группа, в которую входят люди с разным возрастом, различными сроками наказания, уровнем социального благополучия и интеллектуального развития. В группу, где возраст составлял 21–30 лет, входило 15 чел.; 31–40 лет — 15 чел.; 41–50 лет — 15 чел. Сроки наказания распределились следующим образом: длительные (5–10 лет лишения свободы) — 15 чел., недлительные (до 5 лет лишения свободы) — 30 чел. Две трети осужденных женщин от числа лиц, участвующих в исследовании, имели детей.

В исследовании использовались обзорно-аналитический метод, состоящий в теоретическом анализе научных источников по проблематике исследования; метод обобщения и сравнения; эмпирический метод, включающий неформализованную беседу для получения информации через двустороннее вербальное общение с осужденными. При этом важным являлось установление личного контакта с объектом исследования, а также возможность оперативно получить необходимые данные через вопросы, которые не были жестко стандартизированы, так как в ходе беседы для уточнения ответов применялись дополнительные вопросы, что способствовало более тесному контакту между исследователем и респондентом.

Результаты и обсуждение

Представление о долге и ответственности перед родителями. Для беседы нами был выбран ряд вопросов. Рассмотрим, как на них ответили осужденные женщины (в статье приведены оригинальные и наиболее типичные ответы на задаваемые вопросы).

1. *Что Вы вкладываете в понятие «чувство долга и ответственности перед родителями»?*

— «Я думаю, что это помощь и поддержка, но знаете, когда теряешь столько, то становится трудно думать о чем-то, кроме боли. Иногда кажется, что весь мир рушится вокруг тебя и ничего уже нельзя сделать»;

— «Мои отношения с приемными родителями были очень теплые, родители всегда были рядом и продолжают поддерживать меня сейчас. Поэтому я тоже, испытывая к ним благодарность и чувство вины, буду заботиться о них. А как иначе?»;

— «Это взаимный обмен любовью и поддержкой внутри семьи»;

— «Для меня долг больше ассоциируется с чувством благодарности, чем с обязательством...»;

— «Я не знаю, что такое долг в контексте „родитель — родительская любовь“, так как потеряла родителей в 13 лет. Росла самостоятельно, не надеясь на помощь других людей. Тем не менее я любила своих родителей и очень жду освобождения, чтобы посетить их могилы, прибраться на кладбище, поговорить с ними...»;

— «Это понятие связано с благодарностью, уважением и заботой о своих родителях. Считаю, что все, что дали нам родители, должно быть возвращено им вдвойне...» и т. д.

2. *Какие чувства Вы испытываете по отношению к родителям?*

— «Мое чувство вины адресовано бабушке. Именно ее я называла мамой. От нее всегда была теплота и забота. Хотела и я создать свою семью с такими отношениями, но не получилось, дважды была в разводе. А мать всегда была где-то, но не со мной...»;

— «В детстве мне не хватало ощущения чувствовать себя дочерью. Я очень хотела, чтобы кто-то был рядом, поддерживал меня, чтобы я могла рассказывать о сво-

их чувствах и получить утешение. Я чувствовала себя потерянной, брошенной на произвол судьбы. Горечь и боль — вот мои чувства к родителям...»;

— «Мечтала для себя семью, где любят и принимают, но не хватало материнской любви. Жизненные трудности, алкоголизм матери, детский дом, отец, употребляющий наркотики, наказание — и я в колонии. Поэтому стать хорошей для своих родителей я не смогу...»;

— «Мне всегда в детстве не хватало любви и заботы. А теперь и я сама нарушила свои обязательства и долг, оставив своих детей без материнской любви и заботы...»;

— «Ощущение любви и долга перед мамой понижает всю мою жизнь...»;

— «Родителей не выбирают. У меня противоречивые чувства. В детстве, особенно подростком, я часто страдала от нехватки денег, внимания и любви (родители употребляли алкоголь)...» и т. д.

3. Как Вы считаете, должен ли человек что-то своим родителям?

— «В жизни каждого из нас существует множество долгов (моральных, эмоциональных, социальных), и дочерний долг тоже существует, а значит, его надо отдавать...»;

— «Да, важно помогать своим родителям, поддерживать их, и даже незначительная помощь будет ими принята, хотя она и ничтожна, по сравнению с тем, что они сделали для меня в жизни»;

— «Вспоминая материнские советы, я выделила бы слова честности и трудолюбия. Мать учила меня быть самостоятельной, и благодаря этому я освоила множество умений и навыков, например научилась вязать игрушки. Я благодарна матери...».

4. Как Вы думаете, какие отношения будут складываться у Вас в семье после освобождения из исправительного учреждения?

— «Я буду очень стараться, чтобы мой отец никогда ни в чем не нуждался и знал, что всегда может обратиться ко мне...»;

— «Я снисходительно смотрю на проживание жизни своих родителей (они выпивают), но все-таки я постараюсь их не бросать, заботиться о них по мере сил в знак благодарности за то, что они подарили мне жизнь...»;

— «Для меня важно помогать своей маме всеми силами, даже в таких сложных условиях заключения. Я и раньше старалась помочь с хозяйством, на огороде, поддерживала ее в трудные времена материально. Мы получали общие эмоции от времени, проведенного вместе. В условиях лишения свободы сложно помогать матери, но она знает и верит, что по моему освобождению я верну ей всю недостающую помощь и поддержку. Она очень скучает по мне и ждет моего возвращения домой...»;

— «Наверное, ничего не получится, так как я в свое время вместо того, чтобы быть опорой для своих родителей, становилась для них их же бременем. Я понимаю и оправдываю их в том, что родительская любовь и за-

бота постепенно сменились на отношения ко мне с проявлениями обиды, злости и страха...» и т. д.

Особенности отношения осужденных женщин к родителям и семье. Выявлены следующие особенности отношения осужденных женщин к родителям, семье и своему дочернему долгу:

— отчуждение и разрыв (потеря) связей с семьей (15 %) — в основном это лица с длительными сроками отбывания наказания, этому способствуют отрыв от семьи, отсутствие регулярных контактов (редкие письма, свидания), постепенное угасание эмоциональных связей, обесценивание семейных ценностей, изменение жизненных приоритетов у родственников, оставшихся на свободе, и др.;

— идеализированное восприятие родственников при реальной дистанции (10 %) — в основном это осужденные женщины молодежного возраста, которые имели слабые социально полезные связи, не создавшие устойчивых контактов с родителями, не построившие с ними доверительных отношений, и т. д.;

— чувство вины перед родителями (45 %) — в основном это впервые осужденные женщины молодежного и зрелого возраста с угрызениями совести, выраженным самообвинением и осознанием последствий своего проступка перед семьей, при этом отмечается, что вина может усиливаться по мере восстановления отношений с родителями и близкими людьми;

— переоценка отношений под влиянием условий нахождения в исправительном учреждении (30 %) — в основном это осужденные женщины, имеющие детей, отбывающие недлительные сроки наказания, стремящиеся к исправлению, с глубоким раскаянием, желанием искупить вину, активно участвующие в воспитательных мероприятиях и психолого-коррекционных тренингах.

При этом многие из осужденных женского пола, как показало исследование, так или иначе понимают свой долг и ответственность перед родителями, имеют желание получить одобрение от своих родственников, воссоединиться с семьей и т. д.

Большинство из участниц беседы не просто воспринимают дочерний долг как обязанность, а как особенную глубокую связь между родными людьми, основанную на любви, уважении, эмоциональной и материальной поддержке. Сохраняя семейные связи, они также испытывают чувство вины или негативные состояния, при этом каждая из участниц нуждается в поддержке и помощи.

Все представления о долге и ответственности перед родителями индивидуальны и зависят от множества факторов, включая личные переживания, семейный опыт и социальные условия [12]. Кроме того, восприятие и ценность семейных связей могут меняться в зависимости от возраста и жизненного пути человека. Так, возраст осужденных женщин положительно коррелирует с выраженностью чувства ответственности перед родителями,

которое с годами становится более глубоким и осмысленным, а испытания в местах лишения свободы воспринимаются многими как «утраченные возможности и не сбывшиеся надежды».

Длительность нахождения в исправительном учреждении за совершенное преступление также оказывает влияние на интенсивность переживания данного чувства у осужденных. Так, у женщин, отбывающих длительные сроки лишения свободы, наблюдалось некоторое снижение выраженности чувства долга и ответственности перед родителями и своей семьей. При этом установлено, что наличие детей усиливает связь между ответственностью перед родителями, старшим поколением родственников и готовностью к позитивным изменениям своей личности: чувство долга и ответственности перед родителями у осужденных женщин положительно связано с их мотивацией к исправлению.

Все это способствует организации коррекционно-воспитательной работы в исправительном учреждении по формированию и развитию семейных ценностей и позитивных отношений с близкими людьми у лиц, отбывающих лишение свободы [13]. Поддержка и понимание со стороны семьи могут помочь осужденным женщинам вернуться к нормальной жизни, а также восстановить неустойчивые или утраченные родственные связи и доверие, встать на путь исправления.

Выводы

Выявление особенностей отношения осужденных женщин к родителям, семье показало, что отмечаются отчуждение и разрыв связей, идеализированное восприятие при реальной дистанции, чувство вины и переоцен-

ка отношений осужденных женщин с родителями под влиянием создавшихся обстоятельств. Проведенное исследование позволило установить, что чувство долга и ответственности перед родителями у испытуемых может стать стимулом, оказывающим влияние на особенности их поведения в условиях лишения свободы. Находясь в изоляции, большинство из них сохраняет ценностную и эмоциональную связь с родителями.

Необходимо проводить специально организованную коррекционно-воспитательную работу, направленную на укрепление института семьи осужденных женщин, создание условий для сохранения и укрепления контактов с родителями в период отбывания наказания, так как наличие родственных связей усиливает готовность осужденных женского пола к исправлению и ресоциализации. Таким образом, чувство долга и ответственности перед родителями представляется важным фактором, поддерживающим личностный рост и социальную адаптацию осужденных женщин к жизни после освобождения.

Область применения и перспективы. Настоящее исследование не исчерпывает всех сторон и проблем изучения особенностей проявления чувства долга и ответственности перед родителями у осужденных женщин, находящихся в местах лишения свободы, и может использоваться при организации воспитательной работы в данном направлении. В дальнейшем целесообразно продолжить исследование в направлении разработки психокоррекционных программ и специальных тренингов, а также программ по организации воспитательной работы в целях укрепления семейных связей осужденных женщин.

Список источников / References

1. Белова С. Н. К вопросу о праве родителей воспитывать ребенка // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 86–88.
2. Федоров А. Ф., Суслов Ю. Е. Влияние родственников осужденных на их нравственное формирование // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России (научно-практическое ежеквартальное издание). М., 2021. Вып. 4. С. 151–153.
3. Муздыбаев К. Психология ответственности / под ред. В. Е. Семенова. Л., 1983. 240 с.
4. Зауторова Э. В. Особенности формирования семейных ценностей у осужденных в местах лишения свободы // Социально-политические исследования. 2024. № 3(24). С. 172–184.
5. Зауторова Э. В. Некоторые проблемы детей, родители которых отбывают наказание в местах лишения свободы // Семья и традиционные семейные ценности как духовно-нравственная основа развития общества и государства : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2024. С. 120–123.
6. Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. М., 1992. 256 с.
7. Ежова О. Н. Особенности личности женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 5. С. 127–134.
8. Мусин Ф. С. Индивидуально-психологические особенности адаптации осужденных женского и мужского пола к условиям лишения свободы : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2006. 26 с.
9. Сапрунова Я. Р. Психологические особенности женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Бюллетень науки и практики. 2017. № 11(24). С. 533–540.
10. Барышева А. В. Сохранение и развитие социально полезных связей осужденных как задача педагогической деятельности исправительного учреждения // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 73–2. С. 32–35.
11. Ковтуненко Л. В. Роль семьи в воспитании и ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Уголовно-исполнительная система. 2008. № 4. С. 28–33.
12. Федосеев А. А. Воздействие родственников на процесс ресоциализации осужденных в воспитательных колониях // NovaInfo. 2015. Т. 1, № 31. С. 150–154.
13. Котова А. С. Особенности воспитательной работы в местах лишения свободы с женщинами, имеющими детей // Педагогическое мастерство : мат-лы XXXII междунар. науч. конф. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/452/17340/> (дата обращения: 13.01.2025).

Поступила 13.01.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 25.05.2026.

Научно-практическая статья

УДК 159.99 © Борисова С. Е., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-285-292

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Информационно-психологическое воздействие теленовостей как инструмента морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел

Светлана Евгеньевна Борисова, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами¹; ya.borisowa-svet2012@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6355-4017>

¹ Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления МВД России, 125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, Россия

Реферат. Введение. В условиях цифровой трансформации общества остается насущной проблема совершенствования морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел. Одним из новых решений видится обращение сотрудников органов внутренних дел к материалу массмедиа, посвященному специфике их труда. Цель — научное обоснование возможности применения новостного видеоконтента телевидения как средства конструктивного информационно-психологического воздействия на личный состав в рамках морально-психологического обеспечения. **Материалы и методы.** Использовались количественные и качественные методы, включая опрос, метод экспертных оценок, анализ конкретных ситуаций, статистическую обработку данных и интерпретацию показателей. В выборке участвовали 37 слушателей-экспертов, обучающихся в магистратуре Академии управления МВД России и имеющих продолжительный стаж службы, а также управленческий опыт в органах внутренних дел. **Результаты и обсуждение.** Выявлены диаметрально противоположные отзывы на разнородный стимульный материал, составленный из новостных видеорепортажей, заимствованных с сайта Российской государственной мультимедийной онлайн-платформы «Смотрим». Видеоконтент о неблагоприятных поступках полицейских предрасполагает к отрицательным переживаниям респондентов и их суждениям о недопустимости неправомерных действий. Благоприятные сюжеты пробуждают положительные психические состояния, выполняя мотивационную функцию и формируя позитивный имидж сотрудников органов внутренних дел. Преимущественными сферами воплощения разбираемого видеоконтента оказались поддержание служебной дисциплины и законности, морально-психологическая подготовка и политико-воспитательная работа. **Выводы.** Совокупность эмоционально-чувственных и когнитивных реакций респондентов создает внутреннее основание для закрепления ценностей и диспозиций, способствующих воспроизведению правильных образцов профессионального поведения. Требуется продолжение изысканий, направленных на поиск и освоение прогрессивных способов морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: новостной видеоконтент, телевидение, социальное восприятие, эмоционально-чувственные реакции, суждения

Для цитирования: Борисова С. Е. Информационно-психологическое воздействие теленовостей как инструмента морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 285–292. <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2026-3106-285-292>

Scientific and Practical Article

UDC 159.99 © Borisova S. E., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-285-292

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Informational and Psychological Impact of TV News as a Tool for Moral and Psychological Support of the Internal Affairs' bodies Work

Svetlana E. Borisova, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor, Professor at the chair of Psychology, Pedagogy and Organization of work with Personnel¹; ya.borisowa-svet2012@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6355-4017>

¹ Order of the Red Banner of Labor Management Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 8, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh st., Moscow, 125993, Russia

Abstract. Introduction. In the context of the digital transformation of society, there is still an urgent problem of improving the moral and psychological support of the activities of the Internal Affairs' bodies. One of the new solutions is the law enforcement officers' referring to the mass media material on the specifics of their work. The purpose is a scientific argumentation of the possible use of television news video content as a means of constructive informational and psychological impact on personnel within the framework of moral and psychological support. **Materials and Methods.** Quantitative and qualitative methods were used, including survey, method of expert assessments, analysis of specific situations, statistical processing of data and interpretation of indicators. The sample involved 37 expert students studying on Master's degree programmes at Management Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs with a long service experience, as well as managerial experience in law enforcement agencies. **Results and Discussion.** The author reveals diametrically opposite reviews of heterogeneous stimulus material composed of news video reports borrowed from the website of the Russian State Multimedia Online Platform "Smotrim". Video content about indecent actions of police officers predisposes to negative feelings of respondents and their judgments about the inadmissibility of illegal actions. Favorable stories

awaken positive mental states, performing a motivational function and forming a positive image of the law enforcement officers. The predominant areas of embodiment of the video content under analysis were the maintenance of official discipline and legality, moral and psychological training and political and educational work. **Conclusions.** The combination of respondents' emotional-sensory and cognitive reactions creates an internal basis for consolidating values and dispositions that contribute to the reproduction of correct patterns of professional behavior. It is required to continue research aimed at finding and mastering progressive methods of moral and psychological support for the activities of the Internal Affairs' bodies of the Russian Federation.

Keywords: news video content, television, social perception, emotional-sensory reactions, judgements

Citation: Borisova S. E. Informational and Psychological Impact of TV News as a Tool for Moral and Psychological Support of the Internal Affairs' bodies Work. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 3(106). Pp. 285–292 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-285-292>

Основные положения

1. Новостной видеоконтент телевидения обладает заметным потенциалом конструктивного информационно-психологического воздействия и отличается целесообразностью его использования в рамках морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел. Достижимые эффекты обусловлены как свойствами отдельных видеорепортажей, так и когнитивно-эмоциональными реакциями адресатов.

2. Характер информационно-психологического воздействия телевизионного новостного видеоконтента во многом обусловлен его содержательной наполненностью, выполняющей функцию профилактики неприемлемых поступков и способствующей формированию эталонных моделей служебного поведения.

3. Высокая степень сходства эмоционально-чувственных реакций, выраженных респондентами с позиций сотрудника органов внутренних дел и рядового зрителя, свидетельствует об универсальности психологических закономерностей социального восприятия, минимизирующих расхождение в интерпретации смыслов между профессиональной и общественной аудиторией.

4. Наиболее приемлемыми сферами применения рассматриваемого новостного видеоконтента телевидения выступают поддержание служебной дисциплины и законности, морально-психологическая подготовка и политико-воспитательная работа.

5. Продуктивность информационно-психологического воздействия новостного видеоконтента телевидения предполагает целенаправленный подбор материала, сочетание просмотра с последующей рефлексией, апелляцию к профессиональному опыту, логичную интеграцию в систему морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В настоящее время сохраняется актуальность вопросов морально-психологического обеспечения (далее — МПО) деятельности органов внутренних

дел, направленного на формирование у сотрудников органов внутренних дел профессионально значимых морально-политических, нравственных и психологических качеств, достижение и поддержание их морально-психологического состояния на уровне, позволяющем успешно выполнять оперативно-служебные задачи в любых условиях обстановки¹.

Одновременно обнаруживается тенденция к интенсивной цифровизации медиапространства, вбирающего видеоконтент, выступающий часто наиболее предпочитаемым источником получения сообщений аудиторией. Это создает условия для управления социальным восприятием и оказания информационно-психологического воздействия в ходе изложения сведений, касающихся служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД).

В связи с этим возрастает востребованность мер по совершенствованию МПО, становится очевидной необходимость модернизации способов достижения его задач и резонность обращения к информационному содержанию телевидения.

Цель — научное обоснование возможности применения новостного видеоконтента телевидения как средства конструктивного информационно-психологического воздействия на личный состав в рамках морально-психологического обеспечения.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. Фундаментальные труды Института психологии Российской академии наук содержат развернутый анализ подходов и принципов исследования психологического воздействия, его механизмов, видов и средств в прикладных сферах деятельности, включая межличностную и массовую коммуникацию². При этом раскрывается сущность теорий, объясняющих соотношение когнитивных, эмоциональных и поведенческих изменений, говорится об опосредующей роли эмоций в понимании информации и устойчивости к психологическому воздействию, обозначается влияние дискурса средств массовой информации (далее — СМИ), в том числе контента телевидения [1, с. 11–31; 2].

¹ Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024> (дата обращения: 23.12.2025).

² Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия : труды Института психологии РАН / под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М., 2012. 368 с. ; Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации : труды Института психологии РАН / отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М., 2014. 400 с.

В научных статьях периодических изданий среди трендов называется сохранение популярности центрального телевидения (несмотря на растущую значимость социальных медиа), фиксируется увеличение времени просмотра нелинейного контента СМИ в интернет-среде, выявляется привлекательность интернет-телевидения для молодежной аудитории, намечается тенденция к совмещению оповестительной и диалогической функций массмедиа [3–5].

Отдельно затрагивается тема доверия, возникающего, прежде всего, по отношению к телевидению, воспринимаемому значительной частью аудитории как основной и наиболее достоверный канал информации (несмотря на выраженную популярность социальных сетей и интернет-ресурсов) [6; 7].

Новаторским видится исследование, проведенное с помощью методики клип-контент-анализа и касающееся трансформации общенациональных ценностей в российском телевидении, происходящей на протяжении более двадцати лет и сопровождающейся увеличением количества публикаций с идеями патриотизма, правдолюбия, нравственности и созидательности [8].

В целом в литературных источниках подчеркивается высокий потенциал воздействия телевидения, выступающего посредником между реальностью и зрителем, вносящим существенный вклад в представления людей об общественной действительности и формирование моделей их поведения [9, с. 6–9, 16–17; 10, с. 176].

Сужая круг рассуждений, обратимся к поисковым запросам, осуществленным по ключевым словам в электронной библиотеке eLIBRARY.RU и показывающим поступательный рост научного интереса к вопросу информационно-психологического воздействия (далее — ИПВ), сопровождающегося расширением спектра изучаемых аспектов, хотя встречающиеся трактовки отличаются разноплановостью.

Так, производится системный анализ ИПВ, интегрированного в пространство информационно-психологической безопасности; раскрываются диспозитивная и позитивная функции ИПВ, предлагается теоретическая схема его описания [11].

В исследованиях говорится о целенаправленном распространении информации, предусматривающем использование методов монолога и диалога, психологического принуждения и привлечения, а постижение сущности ИПВ позиционируется как условие обеспечения информационно-психологической безопасности личности и общества [12].

Интерпретация ИПВ происходит через призму его направленности на индивидуальное и общественное сознание, мотивы, мнения и систему отношений; проводятся отличия между пропагандой и ИПВ, осуществляемым преимущественно с помощью внушения, устанавливается связь с информационным противоборством. Высказывается мнение, согласно которому

сведения в мессенджерах и сети Интернет вызывают большее доверие, чем данные официальных источников информации [13].

Вместе с тем в иных публикациях, затрагивающих функции электронных средств вещания, отмечается наивысшая эффективность цифрового эфирного телевидения, выражающаяся в оказании на массовое сознание информационно-психологического воздействия, сопровождаемого демонстрацией социальных установок и эталонов поведения [14].

Значимый итог коллективных усилий отражен в монографии, освещающей историю и современность ИПВ в контексте пропаганды, психологической войны и стратегических коммуникаций. Автономное место уделяется методам развития информационно-психологической устойчивости как способности сотрудников ОВД противостоять негативному ИПВ, сохраняя мировоззрение и личностную идентичность [15, с. 70–74, 110–124].

В некоторых современных исследованиях фокус интереса устремлен на нюансы информационно-психологической уязвимости сотрудников ОВД, оказывающихся объектами антироссийской пропаганды в условиях специальной военной операции [16]; формирование психологической культуры безопасной личности сотрудника ОВД, отличающегося собранностью, бдительностью и способностью к оптимальному реагированию в ситуациях опасности [17].

В новых трудах затрагивается роль СМИ и телекоммуникационных технологий, разбирается влияние недостоверных сообщений на правосознание, обсуждается профилактика негативных информационно-психологических эффектов в работе с личным составом ОВД, предпринимается попытка обнаружения представлений об образе полицейского у телезрителей новостной программы регионального уровня [18–21]. Одновременно высказывается мысль о полезности новостного видеоконтента массмедиа в психологической работе с сотрудниками ОВД и совершенствовании у них медийно-информационной грамотности [22–24].

Как показывает обобщение литературных источников, научные изыскания ИПВ в значительной мере ориентированы на его негативные смысловые и технологические атрибуты, что, на наш взгляд, не вполне справедливо. Данная авторская позиция объясняется рядом причин. Во-первых, в текущий период новостной телевизионный контент о профессиональных действиях сотрудников ОВД выглядит сбалансированным и вбирает достаточное количество позитивных сведений. Во-вторых, нами подразумевается нежелательное ИПВ новостного видеоконтента, базирующегося на фактах, свидетельствующих о неприемлемом поведении сотрудников ОВД и освещаемых официальными телеканалами. В-третьих, резонность обращения к разноплановому новостному видеоконтенту теле-

видения как своеобразному стимульному материалу объясняется его свойствами, как то: содержательностью, насыщенностью, событийностью, лаконичностью, наглядностью, структурированностью, а также остротой и оперативностью сообщаемых известий. Использование новостного видеоконтента расцениваем как нетривиальный и перспективный способ МПО.

Поясним, что под информационно-психологическим воздействием новостного видеоконтента телевидения понимаем влияние характеристик видеорепортажей, вызывающее совокупность познавательных и эмоциональных психических реакций, способствующих выработке определенных диспозиций.

Материалы и методы

Основным предназначением эмпирического исследования является установление сочетания суждений и психических состояний, возникающих у респондентов в ответ на просмотр новостного видеоконтента телевидения, раскрывающего особенности профессиональных действий и результатов служебной деятельности сотрудников ОВД.

В качестве респондентов-экспертов выступили 37 слушателей, обучающихся в Академии управления МВД России по программе магистратуры (направление подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление). Средний возраст слушателей составил 40 лет, средний стаж службы в ОВД — 19 лет. Согласно категоризации по признаку пола выборка представлена мужчинами (92 %) и женщинами (8 %). При этом 80 % участников опроса являются обладателями стажа управленческой деятельности, равного в среднем 5,8 года. Опрос проведен в течение 2025 г.

Процедура эмпирического исследования предполагала просмотр новостных видеорепортажей, размещенных российской государственной мультимедийной онлайн-платформой «Смотрим», разработанной Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компанией (далее — ВГТРК). Названия видеоматериалов указаны ниже в подписях к диаграммам. Таким образом, анализу, произведенному сначала в индивидуальном, а затем в коллективном порядке, подвергались два материала, вбирающие сведения о неприемлемых действиях сотрудников полиции, и два репортажа о приемлемых и достойных поступках полицейских.

Вопросы анкеты предусматривали изучение ответной реакции респондентов в виде суждений, формулируемых в произвольной манере, и в виде психических состояний, выбираемых из скомпонованного перечня и соответствующего ему классификатора.

Классификатор психических состояний представляет собой фрагмент дидактического материала

методики диагностики эмоциональной сферы «Колесо чувств»³.

Респондентам надлежало назвать три психических состояния из 42 возможных. Кроме того, опрошенным предлагалось, с одной стороны, рассмотреть стимульный видеоматериал с позиции зрителей-обывателей, с другой — проанализировать тот же контент, высказывая мнение от лица сотрудника ОВД.

Количественная обработка эмпирических данных, предполагающая расчет процентов и относительных частот, сопровождающийся выделением популярных ответов, а также установление коэффициента корреляции Пирсона, явилась основанием для последующего обобщения, систематизации и интерпретации полученных результатов.

Конструируя текст анкеты, мы следовали обоснованному в психологической науке постулату о связи между эмоциональными реакциями человека, пониманием воспринимаемых им событий и выработкой адаптивных схем поведения [25; 26, с. 35–38].

Поэтому выявленные у респондентов психические состояния (эмоционально-чувственные реакции) и суждения рассматриваем как важные предпосылки последующих поступков, требующие учета при реализации МПО.

Результаты и обсуждение

Доминирующими психическими состояниями, возникающими, по мнению респондентов, в виде их непосредственной реакции на просмотр новостных репортажей о неправомерных действиях сотрудников ОВД, являются презрение, разочарование, отвращение, раздражение и стыд.

Наиболее популярные ответы, преобразованные в показатели относительных частот, иллюстрируются в диаграммах на рис. 1 и 2.

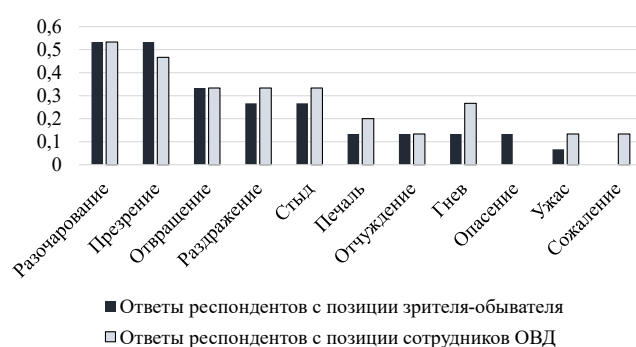

Рис. 1. Ответы, отнесенные к репортажу 1 «Вести. Дежурная часть. На трассе Казань–Оренбург взяли полицейского, который перевозил наркотики»⁴
(Fig. 1. Responses attributed to reportage 1 “Vesti. Dezhurnaya chast”. Policeman taken on the highway Kazan–Orenburg for transporting drugs”⁴)

³ Эмоциональная регуляция: стимульные и раздаточные материалы для подростков (методические и раздаточные материалы, рабочие листы и бланки по работе с эмоциональной сферой). М., 2024. С. 3.

⁴ Вести. Дежурная часть. На трассе Казань–Оренбург взяли полицейского, который перевозил наркотики // Смотрим: онлайн-платформа. Видеорепортаж. 00:00:52 (время воспроизведения). URL: <https://smotrim.ru/video/2934930> (дата обращения: 08.01.2026).

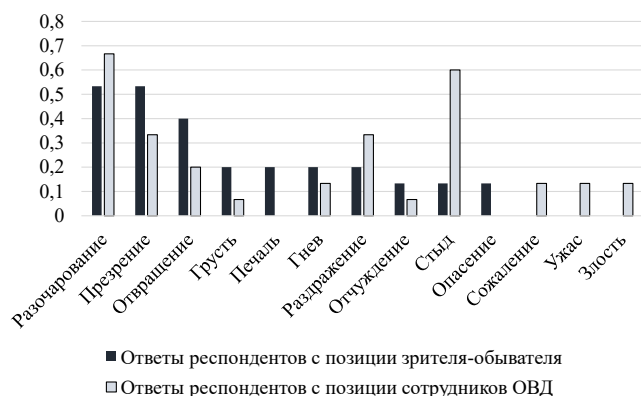

Рис. 2. Ответы, отнесенные к репортажу 2 «Вести. Дежурная часть. Полицейская продавала российское гражданство за 15 тысяч»⁵

(Fig. 2. Responses attributed to reportage 2 "Vesti. Dezhurnaya chast". Policewoman selling Russian citizenship for 15,000"⁵)

В социальном восприятии опрошенных перечисленные эмоции и чувства преобладают и у зрителей-обывателей, и у сотрудников ОВД, а высокая степень сходства переживаний, заданных рамками опроса, подтверждается эмпирическим значением коэффициента положительной корреляции Пирсона ($r = 0,88$; $p < 0,01$).

В свободном комментарии респонденты подчеркивают недопустимость незаконных действий сотрудников ОВД; несоответствие совершаемых ими правонарушений представлениям о должной деловой репутации; отрицательное влияние обсуждаемых проступков на общественное мнение, выступающее одним из критериев оценки деятельности полиции; необходимость формирования у полицейских чувства личной идентификации с МВД России.

Трактуя специфику ИПВ рассматриваемых новостных материалов, респонденты отмечают просветительскую функцию и стимулирование развития морально-психологических качеств коллег, акцентируют внимание на целесообразности объяснения мотивации поведения антигероев и выработку адекватных мер профилактики правонарушений в ОВД.

Поставив себя на место руководителей, обучающиеся считают резонным использование разбираемых новостных репортажей в ходе МПО (86,67 %). Прежде всего речь идет о реализации такой цели, как достижение высокого уровня правосознания, поддержание служебной дисциплины, соблюдение сотрудниками законности, требований к служебному поведению, антикоррупционных стандартов и норм профессиональной этики (66,67 %).

Среди видов МПО предпочтение отдано работе по поддержанию служебной дисциплины и законно-

сти (80,0 %), а также морально-психологической подготовке (46,67 %) и политико-воспитательной работе (46,67 %).

Анализ новостных репортажей, вбирающих сведения о профессиональных достижениях сотрудников ОВД, показал, что, по мнению опрошенных, осмысление видеоконтента пробуждает положительные психические состояния. В целом констатируется высокая степень сходства переживаний, испытываемых респондентами с позиции разных социальных ролей, что подкрепляется эмпирическим значением коэффициента положительной корреляции Пирсона ($r = 0,72$; $p < 0,01$).

В этом случае сходными и преобладающими переживаниями являются удовлетворенность, уверенность и восхищение, присущие, как видится всем респондентам — и полицейским, и людям, не находящимся на службе в МВД России. Вместе с тем установлены и некоторые отличия, заключающиеся в том, что просмотр указанных новостей вызывает у обычных людей защищенность и доверие к МВД России, тогда как сотрудникам ОВД свойственно чувство достоинства и ощущение силы. Напомним, что в масштабах исследования респондентам иллюстрировался оригинальный классификатор состояний, в котором сила, наряду с достоинством, удовлетворенностью и уверенностью, выступает проявлением душевного состояния спокойствия.

Наиболее популярные ответы, преобразованные в показатели относительных частот, иллюстрируются в диаграммах на рис. 3 и 4.

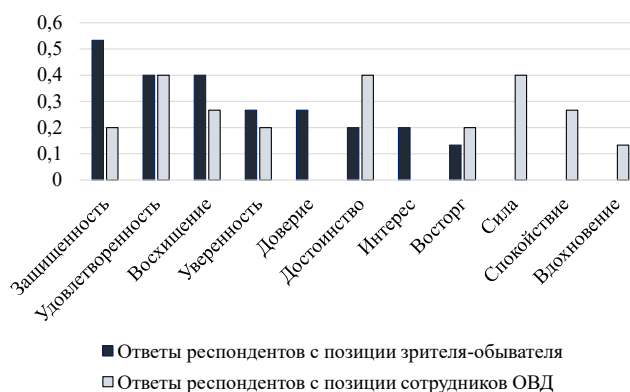

Рис. 3. Ответы, отнесенные к репортажу 3 «Новости. Новые вызовы для российской полиции требуют современного подхода»⁶

(Fig. 3. Responses attributed to reportage 3 "Novosti. New challenges for Russian police require modern approach"⁶)

В произвольном комментарии анкетируемые пояснили, что в сознании зрителя озвучивание итогов успешной служебной деятельности полицейских ото-

⁵ Вести. Дежурная часть. Полицейская продавала российское гражданство за 15 тысяч // Смотрим: онлайн-платформа. Видеорепортаж. 00:01:01 (время воспроизведения). URL: <https://smotrim.ru/video/2927078> (дата обращения: 08.01.2026).

⁶ Новости. Новые вызовы для российской полиции требуют современного подхода // Смотрим: онлайн-платформа. Видеорепортаж. 00:03:37 (время воспроизведения). URL: <https://smotrim.ru/video/2942031> (дата обращения: 08.01.2026).

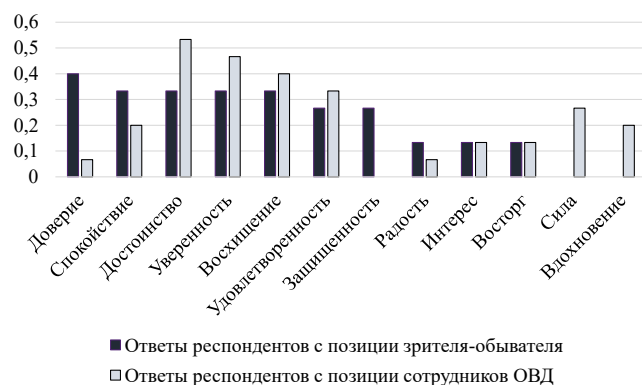

Рис. 4. Ответы, отнесенные к репортажу 4 «Вести. Дежурная часть. Московскую полицию отметили в числе лучших»⁷
(Fig. 4. Responses attributed to reportage 4 «Vesti. Dezhurnaya chast'. Moscow police ranked among the best ones»⁷)

жествляется с их готовностью обеспечивать правопорядок и самоотверженно выполнять должностные обязанности. Респонденты подчеркнули, что благоприятные новости содействуют формированию позитивного имиджа сотрудников ОВД, показывают их верность служебному долгу и отражают единство личного вклада в коллективную удачу.

Конкретизируя сущность ИПВ подобных новостных репортажей на сознание сотрудников ОВД, респонденты не только отметили осведомительный эффект видеосюжетов, но и обратили внимание на их мотивационную и воспитательную составляющие.

Примеряя образ действующего руководителя, значительное большинство опрошенных согласилось с действенностью обращения к положительному новостному видеоконтенту телевидения в ходе МПО (93 %). Преимущество предоставлено таким ориентирам, как достижение высокого уровня правосознания, поддержание служебной дисциплины, соблюдение законности, требований к служебному поведению, антикоррупционных стандартов и норм профессиональной этики (60 %); освоение и поддержание профессиональной культуры, приобщение личного состава к целям профессиональной деятельности, моральным ценностям, правовым и нравственно-этическим нормам и образцам служебного поведения (50 %).

Устанавливая виды МПО, в рамках которых разумно комментировать приведенных или аналогичных новостных репортажей, включающих данные о результативности служебной деятельности полицейских, респонденты прежде всего выбрали работу по поддержанию служебной дисциплины и законности (66,67 %), морально-психологическую подготовку (66,67 %) и политико-воспитательную работу (60,0 %).

Высказывая в свободной манере идеи о способах применения новостных видеорепортажей телевидения в процессе МПО, слушатели заявили о востребованно-

сти положительных примеров, утверждающих идеалы мужества, героизма и профессионального мастерства сотрудников ОВД. Респонденты выразили мнение, согласно которому показ нормативных поведенческих стандартов вызывает эффект профессионального подражания, повышает ценность и престиж службы, усиливает осознание ее социальной значимости.

Одновременно опрошенные признают практическую пользу грамотного и последовательного анализа сведений, касающихся обстоятельств, характера и правовых последствий проступков полицейских. Теленовость, сопровождаемая фрагментами документальной съемки, наглядно вскрывает проблему несоответствия личностных качеств и требований, детерминируемых миссией МВД России (на примере действий отдельных полицейских).

Выводы

1. Выявленные психические состояния респондентов представляют собой диаметрально противоположные эмоционально-чувственные реакции (отрицательные или позитивные), прямо соотносящиеся с характером действий (неприемлемых или приемлемых), совершаемых сотрудниками ОВД и демонстрируемых в новостном видеоконтенте телевидения.

Суждениям опрошенных, отражающим их рациональную реакцию на просмотр теленовостей, сопутствует комментарий, логически достраивающий картину психических состояний и отличающийся неодобрительным или одобрительным характером.

2. Высокая степень сходства элементов социального восприятия, воплощенного респондентами с помощью постановки себя на место обывательской аудитории и реализованного с позиции сотрудников ОВД, свидетельствует о непротиворечивости психических состояний и мыслей, возникающих в случае выражения профессионального взгляда и принятия роли зрителя.

3. Особенности эмоционально-чувственного и когнитивного реагирования респондентов, подвергаясь рационализации и разностороннему разбору, оказываются целостным психологическим основанием, достаточным для конструирования внутренних диспозиций, препятствующих совершению недопустимых профессиональных действий и способствующих усвоению должных прототипов.

Причем плодотворным потенциалом ИПВ обладает большой круг новостного видеоконтента, с одной стороны, иллюстрирующего профессиональную компетентность полицейских, с другой — предоставляющего возможность рассмотрения эпизодов недобросовестного выполнения должностных обязанностей с последующей формулировкой алгоритмов правильных действий сотрудников ОВД.

⁷ Вести. Дежурная часть. Московскую полицию отметили в числе лучших // Смотрим: онлайн-платформа. Видеорепортаж. 00:01:19 (время воспроизведения). URL: <https://smotrim.ru/video/2923879> (дата обращения: 08.01.2026).

4. Наиболее предпочтительными видами МПО, позволяющими применять информационно-психологический ресурс новостного видеоконтента телевидения, являются поддержание служебной дисциплины и законности, морально-психологическая подготовка и политико-воспитательная работа. Данный вывод имеет некоторые ограничения, обусловленные содержательной наполненностью репортажей ВГТРК, к которым обращались респонденты во время опроса. Выразим предположение о вероятности охвата широкого спектра задач и видов МПО при условии целенаправленного подбора подходящего стимульного материала, а именно новостных репортажей массмедиа.

5. Признавая неординарность и своевременность применения новостного видеоконтента телевидения как инструмента информационно-психологического воздействия, подчеркнем насущность комплексного подхода, предусматривающего учет накопленного опыта работы с кадрами и дальнейшую разработку актуальных способов морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел.

Область применения и перспективы. Рассмотрение новостного видеоконтента телевидения как средства информационно-психологического воздействия на личный состав позволяет обрисовать следующие векторы его применения в рамках МПО. В контексте поддержания служебной дисциплины и законности

возможен разбор профессиональных действий сотрудников ОВД с констатацией неблагоприятных последствий правового и иного толка, а также закреплением правильных образцов служебного поведения. В русле морально-психологической подготовки осуществимо развитие способности к распознаванию разнополярного видеоконтента и его конструктивной интерпретации, как и совершенствование профессионально значимых психологических качеств сотрудников ОВД. В границах политико-воспитательной работы целесообразно культивирование устойчивости к нежелательному информационно-психологическому воздействию и наработка умений обращения со сведениями массмедиа. Использование новостного видеоконтента телевидения резонно в течение подготовки кадров для замещения должностей в ОВД и проведения интерактивных учебных занятий, содействующих критическому осмыслению видеоматериалов СМИ и формированию медийно-информационной грамотности.

В числе перспективных направлений стоит указать создание тематических медийных баз видеоданных, участие психологов в обсуждении видеоматериалов с личным составом, дальнейшую разработку методических оснований и аргументированную детализацию критериев эффективности применения новостного видеоконтента телевидения как элемента медиаобразования и морально-психологического обеспечения деятельности ОВД.

Список источников / References

1. Латынов В. В. Психологическое воздействие массмедийного дискурса // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации : труды Института психологии РАН. М., 2014. С. 11–31.
2. Латынов В. В. Психологическое воздействие: принципы, механизмы, теории // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия : труды Института психологии РАН. М., 2012. С. 11–52.
3. Дунас Д. В., Толоконникова А. В., Гуреева А. Н., Вартанов С. А. Мотивация использования медиакоммуникационных каналов российскими студентами // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 2. С. 285–301.
4. Сомова Е. Г., Пономарева Д. О. Роль интернет-телевидения в продвижении молодежных социальных проектов // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 4(36). С. 221–230.
5. Файков Д. Ю., Файкова С. Д. Информационное общество: кто крайний в интернет? (о продвижении телевизионных брендов в социальных сетях) // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 63–80.
6. Посталовский А. В. Телевидение в структуре национального информационного поля // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. 2021. Т. 11, № 1. С. 85–92.
7. Ушкин С. Г. Не только социальные сети: каналы распространения фейковых новостей в представлениях населения // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. Т. 6, № 2. С. 162–176. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.460>.
8. Свитич Л. Г. Методика клип-контент-анализа в исследовании ценностных дихотомий российского телеконтента // Вопросы теории и практики журналистики. 2025. Т. 14, № 3. С. 425–446.
9. Малышева Е. Г., Рогалева О. С. Информационное телевидение : учеб. пособие. М., 2022. 88 с.
10. Кубрак Т. А., Латынов В. В. Психология кинодискурса: факторы выбора, восприятие, воздействие. М., 2019. 214 с.
11. Аниупов А. Я., Макаренко А. А. Информационно-психологическое воздействие: понятийная схема описания // Военный академический журнал. 2019. № 4(24). С. 102–109.
12. Караяни А. Г., Караяни Ю. М. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций // Национальный психологический журнал. 2021. № 1(41). С. 3–14.
13. Касюк А. Я. Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 1(842). С. 22–34. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_1_842_22.
14. Рудаков Д. П., Дидык Б. В., Рудаков Е. Д. Современные электронные средства (интернет, видеоканалы) как основной инструмент информационно-психологических воздействий на общественное сознание // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 2(843). С. 152–164.

15. Технологии защиты сотрудников органов внутренних дел от негативного информационно-психологического воздействия : монография / А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни, Б. Ю. Дерешко и [др.]. СПб., 2021. 148 с.
16. Духновский С. В., Злоказов К. В. Информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем устойчивости и утомленности // Психология и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 50–67.
17. Шаранов Ю. А., Кобозев И. Ю. Культура безопасности как alertное состояние сотрудника полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 2(97). С. 126–132.
18. Поздняков В. М., Петров В. Е., Кокурин А. В. Информационно-психологическая безопасность сотрудников силовых структур и правоохранительных органов: состояние и перспективы исследований // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13, № 3. С. 143–150. <https://doi.org/10.17759/jmfr.2024130314>.
19. Светлакова Е. В. Концепция профилактической деятельности в области предотвращения негативных последствий информационно-психологического воздействия на сотрудников ОВД // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 1. С. 69–72.
20. Вахнина В. В., Морщакина М. С. Особенности негативного информационно-психологического воздействия и его влияние на осуществление профессиональной деятельности сотрудников отделов информации и общественных связей органов внутренних дел Российской Федерации // Прикладная психология и педагогика. 2022. Т. 7, № 2. С. 150–158.
21. Кузнецова О. Е., Ермолин В. В. Особенности представлений о полицейском у телезрителей новостной программы областного телевидения (на примере Архангельской области) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 3(102). С. 320–326.
22. Борисова С. Е. Медиадидактика как инструмент профессионального развития сотрудников Госавтоинспекции // Актуальные проблемы адаптации курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России к условиям профессиональной деятельности : сб. науч. тр. всерос. науч.-практ. конф. М., 2024. С. 67–69.
23. Борисова С. Е. Информационно-психологическое воздействие новостного видеоконтента телевидения в контексте морально-психологического обеспечения деятельности сотрудников Госавтоинспекции // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы : сб. науч. тр. VIII междунар. конф. М., 2024. С. 71–76.
24. Мантуров О. С., Ганага В. С. Информационная компетентность сотрудников полиции в условиях негативного информационно-психологического воздействия // Правоохранительные органы: теория и практика. 2022. № 1(42). С. 102–106.
25. Расторгуева Е. Н. Единство когнитивных и эмоциональных аспектов в современной психотерапии // Вестник университета. 2023. № 2. С. 204–211.
26. Четкина К. В. Эмоции. Можно ли с ними справиться? 2024. 88 с. URL: https://ridero.ru/books/emocii_mozhno_li_s_nimi_spravitsya/ (дата обращения: 20.12.2025).

Потупила 08.01.2026; одобрена после рецензирования 12.02.2026; принята к публикации 30.03.2026.

Научно-практическая статья

УДК 783 © Бобровнический И. Н., Литвинова М. А., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-293-299

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Исследование факторов и условий адаптации следователей к службе и закреплению их в коллективе

Игорь Николаевич Бобровнический, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-экономических, гуманитарных и специальных дисциплин¹; bobrovnichy.in@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5180-5489>

Марина Александровна Литвинова, кандидат психологических наук, заместитель начальника организационно-зонального отдела²; ja-marina1@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0006-1049-0164>

¹ Северный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции РПА Минюста России, 185034, Петрозаводск, ул. Онежской Флотилии, 51, Россия

² Следственное управление МВД по Республике Карелия, 185030, Петрозаводск, пр-кт А. Невского, 59, Россия

Реферат. Введение. В подразделениях органов внутренних дел проблема удержания личного состава на службе требует комплексного изучения профессиональной адаптации в коллективе. Цель — выявить наиболее значимые внешние факторы, влияющие на профессиональную удовлетворенность сотрудников органов внутренних дел. **Материалы и методы.** Исследование проведено в 2024–2025 гг. в следственных подразделениях органов внутренних дел МВД по Республике Карелия. В анкетировании приняли участие 34 сотрудника (20 женщин и 14 мужчин). **Результаты и обсуждение.** Определены основные факторы и условия адаптации следователей к службе в органах внутренних дел. Обоснована необходимость исследования качеств личности сотрудников, способных к успешной адаптации к трудностям прохождения службы в органах внутренних дел и закреплению в коллективе. **Выводы.** Сроки адаптации следователей составляют от 6 месяцев до двух лет. Факторами, благоприятствующими адаптации, являются личностные качества и условия профессиональной деятельности, связанные с финансовым обеспечением, дефицитом времени, загруженностью.

Ключевые слова: кадровое обеспечение, сроки службы, профессиональная удовлетворенность, личностные качества сотрудников, мотивы профессиональной деятельности, профессиональный отбор, профессиональная подготовка

Для цитирования: Бобровнический И. Н., Литвинова М. А. Исследование факторов и условий адаптации следователей к службе и закреплению их в коллективе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 293–299. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-293-299>

Scientific and Practical Article

UDC 783 © Bobrovnichy I. N., Litvinova M. A., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-293-299

5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Study of Factors and Conditions of Investigators' Adaptation to the Service and their Consolidation in the Team

Igor N. Bobrovnichy, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, head of the chair of Social-Economics, Humanities and Special disciplines¹; bobrovnichy.in@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5180-5489>

Marina A. Litvinova, Candidate of Science (in Psychology), deputy-chief of the Organization and Zone department²; ja-marina1@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0006-1049-0164>

¹ Northern Institute (branch) of All-Russian State University of Justice of Russian Law Academy, 51, Onezhskaya Flotilia st., Petrozavodsk, 185034, Russia

² Investigative Directorate of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Karelia, 59, A.Nevsky pr., Petrozavodsk, 185030, Russia

Abstract. Introduction. In the divisions of the Internal Affairs' bodies, the problem of keeping personnel in the service requires a comprehensive study of professional adaptation in the team. The objective is to identify the most significant external factors affecting the professional satisfaction of law enforcement officers. **Materials and Methods.** The study was carried out in 2024–2025 in the investigative departments of law enforcement bodies of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Karelia. 34 officers (20 women and 14 men) participated in the survey. **Results and Discussion.** The main factors and conditions for the adaptation of investigators to the service in the Internal Affairs' bodies are determined. It is proved necessary to study the personal qualities of officers capable of successfully adapting to the difficulties of service in the law enforcement bodies and consolidating in the team. **Conclusions.** The terms of adaptation of investigators range from 6 months to two years. Factors that favor adaptation are personal qualities and conditions of professional activity associated with financial support, time deficit, and workload.

Keywords: personnel management, terms of service, professional satisfaction, officers' personal qualities, motives of professional activity, professional selection, professional training

Citation: Bobrovnichy I. N., Litvinova M. A. Study of Factors and Conditions of Investigators' Adaptation to the Service and their Consolidation in the Team. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 3(106). Pp. 293–299 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-293-299>

Основные положения

1. В следственных подразделениях остро стоит проблема сохранения на службе вновь прибывшего личного состава, что требует изучения внешних и внутренних факторов профессиональной адаптации к службе в органах внутренних дел и закрепления в коллективе, а также определения значения организационно-правовых, личностных и социально-экономических факторов и условий прохождения службы.

2. Выявление особенностей условий службы следователей позволит проводить более целенаправленную и эффективную работу с кадрами. При этом необходимо учитывать, что период адаптации и закрепления следователей в коллективе значительно превышает срок наставничества в органах внутренних дел.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Вопросы кадрового обеспечения органов внутренних дел, в том числе следственных подразделений, имеют важный и актуальный характер. Министр внутренних дел В. Колокольцев на расширенном заседании коллегии МВД России в 2023 г. сообщил, что в органах внутренних дел остро стоит вопрос комплектования, «прежде всего, речь идет о патрульно-постовой службе, оперативных подразделениях, следствии, участковых уполномоченных полиции»¹. На коллегии в 2025 г. В. Колокольцев также обозначил увеличение общего количества вакансий, в частности должностей следователей². Президент Российской Федерации В. Путин назвал кадровый вопрос крайне значимым и отметил, что это «проблема... комплексная, системная, требующая решений по всем направлениям»³.

В органах внутренних дел (далее — ОВД) принимаются меры по комплектованию подразделений, в результате чего наметилась положительная динамика, направленная на снижение некомплекта. Так, в подразделениях МВД по Республике Карелия некомплект личного состава снизился с 23,1 % в январе 2025 г. до 18,5 % в октябре 2025 г., в том числе пополнились ряды ОВД в Республике Карелия и сотрудниками следственных подразделений⁴.

На этапе восполнения численности сотрудников ОВД перед руководством подразделений остро стоит задача удержания на службе вновь прибывшего личного состава, в связи с чем одним из важнейших направлений, на наш взгляд, является изучение внешних и внутренних факторов профессиональной адаптации

сотрудников ОВД, в том числе следователей, и закрепления их в коллективе.

Цель — выявить наиболее значимые внешние факторы, влияющие на профессиональную удовлетворенность сотрудников ОВД.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Анализ научной литературы по теме адаптации и закрепления сотрудников показывает, что существуют различные трактовки понятия и содержания этих процессов. Именно начальные этапы адаптации сотрудников к служебным условиям влияют на успешность и длительность профессиональной деятельности [1].

Содержание адаптации исследуется в рамках различных научных дисциплин, прежде всего на биологическом и социально-психологическом уровнях. Применительно к профессиональной деятельности она рассматривается в основном как «приспособление к работе» [2, с. 216], при этом авторы обращают внимание на взаимосвязь в процессе адаптации «между людьми и организацией» [3].

Необходимо также отметить, что проблемы кадрового обеспечения органов внутренних дел чаще исследуются в правовом аспекте. Например, изучаются вопросы правового статуса сотрудников, профессиональных стандартов, этики и др. [4].

Анализ исследований показывает, что особенности адаптации молодых сотрудников полиции к профессиональной деятельности исследуются, прежде всего, с точки зрения определения ее стадий, механизмов и проявлений (функциональное, психологическое, социально-психологическое) [5].

Для определения «личностного адаптационного потенциала, являющегося интегративным показателем и включающим различные психологические качества», исследователями также используется удовлетворенность сотрудниками содержанием и условиями труда [6].

В целом важным и общепризнанным показателем адаптации считается удовлетворенность, основанная на совпадении целей и ценностей организации и нового работника [7, с. 216].

Основываясь на указанных подходах, мы, изучая профессиональную адаптацию, определяем ее как процесс достижения соответствия профессионально-личностного развития начинающего сотрудника требованиям служебной деятельности и собственным потребностям [8]. Об особом статусе следователя в сфере

¹ Колокольцев В. В повестке дня — выполнение новых задач // Полиция России. 2023. № 4. С. 12. URL: https://мвд.рф/journal_list/magazine/archive/4/ (дата обращения: 07.06.2025).

² Колокольцев В. Уровень защищенности граждан повысился // Полиция России. 2025. № 4. С. 10. URL: https://мвд.рф/journal_list/magazine/archive/1/ (дата обращения: 07.06.2025).

³ Путин В. Важно закреплять положительные тенденции // Полиция России. 2025. № 4. С. 4. URL: https://мвд.рф/journal_list/magazine/archive/1/ (дата обращения: 07.06.2025).

⁴ URL: <https://news.rambler.ru/community/55507840-kadrovyy-vopros-aktualen-kak-rabotaet-politsiya-v-usloviyah-nekomplekta-lichnogo-sostava/?ysclid=mivligo5ul914561676> (дата обращения: 07.06.2025).

борьбы с преступностью и защиты государства рассуждают многие ученые и практики [9]. Данная профессия, безусловно, имеет специфику, которую необходимо учитывать в процессе адаптации сотрудников и их закрепления в профессии.

В связи с этим считаем, что важно проводить исследование вопросов кадрового обеспечения применительно к конкретному виду службы в ОВД с учетом ее специфики.

Материалы и методы

Исследование проведено в 2024–2025 гг. в следственных подразделениях ОВД МВД по Республике Карелия. В анкетировании приняли участие 34 сотрудника (20 женщин и 14 мужчин). Средний возраст женщин составил 29 лет, средний стаж службы в ОВД — 8,1 года. Средний возраст мужчин — 36 лет, средний стаж службы в ОВД — 12 лет.

В анкете содержалось 27 вопросов с вариантами ответов и возможностью предложить свой вариант. В основном вопросы были связаны со временем и условиями адаптации, а также факторами, оказывающими влияние на прохождение службы в следственных органах.

Результаты и обсуждение

Сроки адаптации молодых сотрудников. На вопрос: «Сколько времени требуется молодому сотруднику, чтобы полностью освоиться со службой?» были предложены следующие варианты ответов: менее 3 мес.; от 3 до 6 мес.; от 6 мес.; до 1 года; от 1 года до 1,5 года; от 1,5 года до 2 лет; более 2 лет; более 3 лет; более 4 лет; более 5 лет; не знаю.

Большинство следователей 11 (32,35 %) назвали период от 1,5 года до 2 лет. Примерно столько же сотрудников (10 (29,41 %)) отметили период от 6 месяцев до 1 года. Период от 1 года до 1,5 года указали 7 (20,59 %) респондентов. Период более 3 лет выбрали 3 (8,82 %) сотрудника, более 2 лет — 2 (5,88 %) следователя и от 3 до 6 мес. — 1 (2,94 %) сотрудник.

Как видим, никто не указал варианты «менее 3 месяцев»; «более 4 лет»; «более 5 лет»; «не знаю».

По мнению большинства анкетированных следователей (28 (82,35 %)), молодому сотруднику, чтобы полностью освоиться со службой, требуется не менее 6 месяцев и не более 2 лет.

Разница по срокам освоения службы между двумя основными группами (от 6 мес. до 1 года и от 1,5 года до 2 лет) выглядит существенной — почти в 2 раза. Но в целом эти сроки вписываются в общий период — 2 года. При этом срок менее 3 мес. никто не отметил, поэтому можно полагать, что его явно недостаточно для освоения службы.

На период адаптации и освоения службы от 2 до 4 лет указали 14 % анкетированных. Причем это сотрудники с большим стажем службы — от 18 до 22 лет, и, безусловно, на их позицию следует обратить внима-

ние. Большой опыт позволяет данным респондентам делать выводы, что следователи, прослужив до 2 и даже 3 лет, могут не освоить полностью служебную деятельность.

Никто не выбрал срок более 4 лет. Очевидно, сотрудники полагают, что для полного освоения службы это слишком длительный период.

Точнее конкретизировать сроки и степень освоения службы следователями позволил вопрос «Сколько молодых сотрудников Вашего подразделения вполне осваиваются со службой в следующие сроки (укажите приблизительное число в процентах)?». В основном считают, что 100 % состава своего подразделения осваивают службу за тот же период, который необходим для этого для всех, т. е. от 1,5 года до 2 лет. Трое отметили, что 50 % сотрудников осваивают службу в период от 1 года до 1,5 года и 50 % — от 1,5 года до 2 лет. Некоторые анкетированные полагают, что 50 % сотрудников для этого хватает времени от 6 мес. до 1 года, а 20 % — от 1,5 года до 2 лет.

Представляется интересным мнение респондента с большим стажем службы (около 30 лет) о том, что осваивают службу в период от 1 года до 1,5 лет 50 % сотрудников, от 1,5 года до 2 лет — 80 % и в период более 2 лет — 100 %.

Полученные данные также подтверждают результаты исследования о том, что, как правило, полное освоение профессиональной деятельности следователя (адаптация) происходит в течение 2 лет. Скорость же адаптации следователя и закрепления его в коллективе определяется факторами и условиями профессиональной деятельности.

Значимые группы факторов, условий и личностных качеств, оказывающих влияние на успешность адаптации и закрепления на службе. Анкетированных сотрудников органов предварительного следствия просили ранжировать наиболее значимые группы факторов, оказывающих влияние на успешность адаптации и закрепления на службе.

Определив количество факторов, поставленных на 1-е место, мы получили следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1. Группы факторов, оказывающих влияние на успешность адаптации и закрепления на службе, кол-во (Table 1. Groups of factors influencing the success of adaptation and consolidation in the service, quantity)

Факторы	Кол-во (%)
1. Личность самого сотрудника	15 (44,12)
2. Содержание деятельности и условия службы	13 (38,24)
3. Профессиональная подготовка (правовая грамотность)	2 (5,88)
4. Работа руководителей	2 (5,88)
5. Отношение к молодому сотруднику в коллективе	1 (2,94)
6. Заработная плата	1 (2,94)
7. Семья и быт	0
Другие (укажите)	0

Таким образом, исследование убедительно показывает важность для адаптации и закрепления на службе сотрудников органов предварительного следствия, прежде всего, их личностных качеств, а также содержания и условий профессиональной деятельности.

Исследование личности следователя провели путем анкетирования сотрудников, предложив им выбрать наиболее значимые личностные качества сотрудников, оказывающие решающее влияние на успешную профессиональную адаптацию и прохождение службы (табл. 2).

Таблица 2. Личностные качества сотрудников, оказывающие решающее влияние на успешную профессиональную адаптацию и прохождение службы, кол-во (%)
(Table 2. Officers' personal qualities which have decisive influence on successful professional adaptation and service, quantity (%))

Личностные качества	Кол-во (%)
1. Высокий интеллект	16 (47,06)
2. Исполнительность	5 (14,71)
3. Оптимизм в работе	3 (8,82)
4. Самокритичность	2 (5,88)
5. Порядочность и честность	2 (5,88)
6. Коммуникативная компетентность	2 (5,88)
7. Инициативность в работе и творческий подход	2 (5,88)
8. Трудолюбие	1 (2,94)
9. Работоспособность	1 (2,94)
10. Скромность	0
11. Правовая компетентность	0
12. Психологическая компетентность	0
13. Дисциплинированность	0
14. Доброта и гуманизм	0
15. Устойчивая ориентация в работе на понимание человека, учет его психологии, индивидуальных особенностей, образа мыслей	0
16. Коллективизм	0
17. Стрессоустойчивость	0
18. Профессиональная наблюдательность	0
19. Профессиональная память	0
20. Профессиональное мышление	0
21. Смелость	0
22. Знание трудностей решаемых задач и настойчивость в их преодолении	0
23. Общительность	0
Иное	0

Как показали результаты анкетирования сотрудников, большинство из них основным качеством следователя, оказывающим решающее влияние на успешную профессиональную адаптацию и прохождение службы, считают высокий интеллект (47,06 %). Полагаем, что под высоким интеллектом анketируемые подразумевали и профессиональные мышление, память и наблюдательность, так как отдельно их не выбирали. Вероятно, что такое указанное нами в анкете качество личности, как «устойчивая ориентация в работе на понимание человека, учет его психологии, индивидуальных особенностей, образа мыслей», могло быть отнесено к умственным способностям.

Как известно, эти способности в эмоциональной сфере получили название «эмоциональный интеллект», т. е. «способность отслеживать собственные и чужие чувства и эмоции, различать их и использовать эту информацию для направления мышления и действий» [10]. Понятие это было введено в 90-х гг. XX в. Джоном Д. Майером и Питером Саловеем, которые утверждали о связи эмоционального интеллекта с умственными способностями [11].

Влияние разновидностей умственных способностей на успешную деятельность, а также эффективное взаимодействие с другими людьми, основанное на эмоциональных связях и эффективном управлении собственными эмоциями, стало важным направлением для исследования в XX и XXI вв. [12].

В связи с названными аспектами эмоционального интеллекта мы можем отнести к нему и такие качества (не указанные анкетизируемыми), как доброта и гуманизм, психологическая компетентность, коммуникативная компетентность и общительность. К интеллекту в общеизвестном смысле, измеряемом IQ (коэффициентом интеллекта), который отражает степень умственных способностей человека, мы бы отнесли также правовую компетентность, инициативность в работе и творческий подход. Очевидно, что эти качества основаны на мыслительной работе и требуют определенных познавательных возможностей и умственных способностей, которые понимаются как интеллект⁵.

Кроме высокого интеллекта, анкетизируемые выделили исполнительность. Однако она избиралась как основное качество в гораздо меньшей степени, вместе с тем она может быть дополнена другими. Исполнительность, на наш взгляд, сочетается с оптимизмом в работе, самокритичностью, порядочностью и честностью, трудолюбием, работоспособностью, скромностью, дисциплинированностью, знанием трудностей решаемых задач и настойчивостью в их преодолении. Все эти качества, как следует из их смыслового содержания, так или иначе способствуют выполнению служебных задач, что в целом характеризуется исполнительностью, предполагающей у сотрудника наличие перечисленных качеств личности.

Таким образом, главным фактором, оказывающим влияние на успешность адаптации и закрепления на службе, мы выделили два основных личностных качества сотрудника: высокий интеллект и исполнительность, содержание которых является комплексным.

Вторым наиболее значимым фактором являются содержание и условия следственной деятельности.

В своем исследовании мы попытались выделить наиболее значимые условия, определяющие содержание следственной деятельности в ОВД. Для этого мы ориентировались, прежде всего, на трудности, с которыми сталкиваются сотрудники на начальном и по-

⁵ Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь. М., 2006. С. 131.

Таблица 3. Условия службы, вызывающие трудности у сотрудников следствия, имеющих стаж до 1 года, кол-во (%)
(Table 3. Conditions of service that cause difficulties for investigators with up to 1 year of experience, who have experience, quantity (%))

Условия службы	Вызывают трудности преимущественно до 1 года
1. Умение наладить служебное взаимодействие с сослуживцами	12 (35,29)
2. Необходимость постоянно проявлять самостоятельность и инициативу	9 (26,47)
3. Необходимость знать большое количество нормативных документов	7 (20,59)
4. Умение наладить общение с гражданами, психолого-педагогический такт	6 (17,65)
5. Знание тактики следственных действий	6 (17,65)
6. Необходимость быстро оценивать оперативную обстановку и принимать в ней решения	5 (14,71)
7. Необходимость постоянно совершенствовать профессиональные знания и умения	5 (14,71)
8. Умение пресечь противоправное поведение нарушителей	5 (14,71)
9. Властные полномочия, которыми наделен сотрудник	4 (11,76)
10. Контроль надзорных органов	4 (11,76)
11. Постоянный контроль за службой со стороны руководства	4 (11,76)
12. Отрицательные эмоции, связанные с выполнением определенных профессиональных действий (осмотр трупа, противодействие подследственных и т. п.)	4 (11,76)
13. Знание криминалистической техники	4 (11,76)
14. Знание криминалистической методики	3 (8,82)
15. Взаимодействие с правоохранительными органами	2 (5,88)
16. Режим работы (ненормированность и загруженность)	2 (5,88)
17. Наличие в службе элементов риска для жизни	2 (5,88)
18. Финансовое обеспечение	2 (5,88)
19. Противодействие криминальной среды	2 (5,88)
20. Отношение граждан, друзей и знакомых к службе	1 (2,94)
21. Отношение к службе в семье сотрудника	1 (2,94)
22. Необходимость строго соблюдать законность	1 (2,94)
23. Монотонность, однообразие службы, отсутствие романтики	1 (2,94)
24. Материально-техническое обеспечение	1 (2,94)
25. Дефицит информации	1 (2,94)
26. Дефицит времени	0
27. Работа малыми группами, разобщение, редкие встречи в коллективе	0
28. Другие условия (укажите)	0

следующих этапах службы. Ранжирование результатов исследования условий службы, вызывающих трудности у сотрудников следствия, имеющих стаж до 1 года, представлены в таблице 3.

Из таблицы 3 видно, что на первоначальном этапе службы для сотрудников, прежде всего, важно освоиться в коллективе и наладить служебное взаимодействие с сослуживцами. Вместе с этим необходимость скорейшего освоения навыков самостоятельной работы требует от начинающего сотрудника не только знания нормативных документов и тактики следственных действий, но и умения делового общения с гражданами. Все это, естественно, для молодого сотрудника сопряжено с определенными трудностями, которые требуют от него желания и инициативы в их преодолении.

Полученные результаты позволяют вести речь о том, что указанные трудности характерны для значительной части респондентов, они их связывают с первоначальным периодом службы и не считают постоянными.

Соотношение условий службы, вызывающих трудности на разных этапах ее прохождения, представлено в таблице 4.

Ранжирование трудностей служебной деятельности, которые сотрудники следствия считают посто-

янными, отличается обширным списком. На первое место в содержании службы сотрудники ставят именно условия, в которых она проходит: финансовое обеспечение, дефицит времени, режим работы (ненормированность и загруженность), дефицит информации, материально-техническое обеспечение, контроль надзорных органов и др.

Очевидно, что на первоначальном этапе начинающему сотруднику необходимо освоить, прежде всего, содержание следственной деятельности, поэтому трудности были связаны с такими задачами, как умение наладить служебное взаимодействие с сослуживцами; необходимость постоянно проявлять самостоятельность и инициативу; необходимость знать большое количество нормативных документов; умение наладить общение с гражданами, психолого-педагогический такт; знание тактики следственных действий и др. Поэтому и условия, указанные анкетирруемыми, были связаны с решением задач первоначального этапа — профессиональной адаптацией сотрудников. Этим, на наш взгляд, объясняется то, что вопросы финансового обеспечения (заработная плата) в исследовании группы факторов, оказывающих влияние на успешность адаптации и закрепления на службе (табл. 1), заняли одно из последних мест в ранжировании (2,94 %). Финансовое обеспечение

Таблица 4. Условия службы, вызывающие трудности на разных этапах адаптации, кол-во (%)
(Table 4. Conditions of service that cause difficulties during different stages of adaptation, quantity (%))

Условия службы	Вызывают трудности	
	Постоянно	Преимущественно до 1 года
1. Финансовое обеспечение	28 (82,35)	2 (5,88)
2. Дефицит времени	25 (73,53)	0
3. Режим работы (ненормированность и загруженность)	23 (67,65)	2 (5,88)
4. Дефицит информации	20 (58,82)	1 (2,94)
5. Материально-техническое обеспечение	18 (52,94)	1 (2,94)
6. Контроль надзорных органов	15 (41,18)	4 (11,76)
7. Монотонность, однообразие службы, отсутствие романтики	11 (32,35)	1 (2,94)
8. Знание криминалистической методики	11 (32,35)	3 (8,82)
9. Постоянный контроль за службой со стороны руководства	11 (32,35)	4 (11,76)
10. Знание криминалистической техники	10 (29,41)	4 (11,76)
11. Отношение граждан, друзей и знакомых к службе	9 (26,47)	1 (2,94)
12. Работа малыми группами, разобщение, редкие встречи в коллективе	7 (20,59)	0
13. Необходимость знать большое количество нормативных документов	6 (17,65)	7 (20,59)
14. Необходимость постоянно проявлять самостоятельность и инициативу	6 (17,65)	9 (26,4)
15. Необходимость быстро оценивать оперативную обстановку и принимать в ней решения	6 (17,65)	5 (14,71)
16. Отрицательные эмоции, связанные с выполнением определенных профессиональных действий (осмотр трупа, противодействие подследственных и т. п.)	6 (17,65)	4 (11,76)
17. Властные полномочия, которыми наделен сотрудник	5 (14,71)	4 (11,76)
18. Умение наладить общение с гражданами, психолого-педагогический такт	5 (14,71)	6 (17,65)
19. Необходимость строго соблюдать законность	4 (11,76)	1 (2,94)
20. Взаимодействие с правоохранительными органами	4 (11,76)	2 (5,88)
21. Умение наладить служебное взаимодействие с сослуживцами	4 (11,7)	12 (35,2)
22. Наличие в службе элементов риска для жизни	4 (11,7)	2 (5,8)
23. Отношение к службе в семье сотрудника	3 (8,8)	8 (23,5)
24. Знание тактики следственных действий	3 (8,8)	6 (17,6)
25. Противодействие криминальной среды	1 (2,9)	2 (5,88)
26. Необходимость постоянно совершенствовать профессиональные знания и умения	1 (2,9)	5 (14,7)
27. Умение пресечь противоправное поведение нарушителей	0	5 (14,7)
Другие условия (укажите)	0	0

было преобладающим (82,35 %) среди условий службы, постоянно вызывающих трудности у сотрудников следствия (табл. 4).

В целом можно предположить, что постоянные условия служебной деятельности являются одинаковыми для первоначального и последующего этапов. Не исключено, что в процессе адаптации некоторые трудности теряют для сотрудника актуальность.

Полагаем также, что указанные в таблице 4 данные могут сориентировать относительно количества сотрудников, для которых условия службы, вызывающие постоянные трудности, стали неактуальными после одного года службы.

Например, никто со стажем службы до одного года не указал условия, связанные с дефицитом времени, как вызывающие трудности, но значительная часть анкетированных (73,53 %) связала эти условия с постоянными трудностями. Вероятно, что дефицит времени является объективным условием службы, требующим особого внимания и изучения. На наш взгляд, с этим условием взаимосвязаны также дефицит информации и режим работы (ненормированность и загруженность).

Следует отметить, что, в отличие от дефицита времени, другие условия, вызывающие постоянные

трудности у большинства респондентов, для некоторых сотрудников являются временными. Например, финансовое обеспечение 5,88 % сотрудников считают условиями, вызывающими трудности только до 1 года, а также режим работы (ненормированность и загруженность) — 5,88% респондентов. Этот небольшой процент сотрудников, тем не менее, позволяет предполагать роль субъективных факторов в анализе условий службы, вызывающих трудности.

Таким образом, необходимо изучать не только условия, связанные с трудностями службы, но и сотрудников, которые эти условия не считают постоянными и умеют их преодолевать. Исследование качества личности подобных сотрудников позволит совершенствовать работу с кадрами, развивать их адаптационный потенциал и стимулировать профессиональную успешность.

Выводы

1. Срок освоения следователем служебной деятельности, по мнению респондентов, варьируется от 6 месяцев до 2 лет и зависит от определенных факторов и условий.

2. Основными факторами профессиональной адаптации следователей являются, прежде всего, их

личностные качества, а также содержание и условия профессиональной деятельности.

3. Основным качеством следователя, оказывающим решающее влияние на успешную профессиональную адаптацию и прохождение службы, респонденты считают высокий интеллект.

4. Важнейшими условиями службы на первоначальном этапе (до одного года) для сотрудников выступают умение наладить служебное взаимодействие с сослуживцами и проявление самостоятельности и инициативы.

5. Условия службы, вызывающие постоянные трудности у сотрудников следствия, связаны в основном с финансовым обеспечением, дефицитом времени и режимом работы (ненормированность и загруженность).

Область применения и перспективы. Результаты исследования помогут на первоначальном этапе службы

более целенаправленно организовать процесс наставничества в следственных подразделениях. Данный процесс регламентирован приказом МВД по Республике Карелия от 21 марта 2025 г. № 186 «Об утверждении наставления по организации наставничества». Наставничество осуществляется в соответствии с планом индивидуального обучения, который составляется наставником совместно с руководителем структурного подразделения.

Полагаем, что для эффективной организации процесса адаптации и закрепления на службе, а также кадровой работы в целом необходимо дальнейшее изучение факторов и условий прохождения службы в ОВД, направленное на личностные профессионально значимые качества сотрудников, а также анализ содержания и условий профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Список источников / References

1. Бобровнический И. Н. Пути совершенствования кадрового обеспечения в правоохранительных органах // Социология и право. 2024. № 1. С. 48–159.
2. Шакирьянова А. И. Зарубежный опыт практики управления адаптацией персонала // Наука. Образование. Инновации: новые подходы и актуальные исследования : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Москва, 25–28 февраля 2025 г. М., 2025. С. 214–222.
3. Kristof A. L. Person-organization fit: an integrative review of its conceptualizations, measurement, and implications. *Personnel Psychology*. 1996. Vol. 49. Pp. 1–49.
4. Акулич А. А., Санталова М. М. Проблемы кадрового обеспечения органов внутренних дел // Молодежь и наука XXI века: актуальные теоретические исследования : сб. статей II междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2024. С. 165–167.
5. Косовская Д. В., Шарафутдинов И. С., Жукова А. И., Авраменко О. В. Особенности адаптации молодых сотрудников полиции к профессиональной деятельности // Human Progress. 2025. Т. 11, № 1. С. 1–7.
6. Бобровнический И. Н. Факторы профессиональной удовлетворенности сотрудников органов внутренних дел // Правовая безопасность : сб. науч. статей по мат-лам междунар. науч. конф., посвященной 110-й годовщине со дня рождения Ю. В. Андропова и 70-летию со дня образования КГБ при Совете Министров СССР. Петрозаводск, 2024. С. 212–229.
7. Реуцкая И. Е. Особенности адаптации к профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел (на примере следователей органов внутренних дел) // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2022. С. 241–244.
8. Бобровнический И. Н. Педагогические условия профессиональной адаптации участковых уполномоченных милиции : дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2001. 208 с.
9. Сибилькова А. В. Профессиональный стандарт «следователь» — прикладное решение вопроса о функциях следователя // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1. С. 116–121.
10. Salovey P., Mayer D. Emotional intelligence. *Imagination, Cognition and Personality*. 1990. Vol. 9. Pp. 185–211.
11. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. L. & Sitarenios G. Emotional intelligence as a standard intelligence. *Emotion*. 2001. Vol. 1, No. 3. Pp. 232–242.
12. Мещерякова М. И. Изучение эмоционального интеллекта: возникновение понятия «эмоциональный интеллект» // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров : мат-лы XXIII национал. науч. конф. с междунар. участием. Таганрог, 2022. С. 762–765.

Поступила 26.08.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159 © Качкина Л. С., Скрябина П. Е., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-300-305

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Социально-психологические условия, влияющие на формирование социально-психологического климата в коллективе сотрудников уголовно-исполнительной системы

Лилия Сергеевна Качкина, доцент кафедры психологии¹; berk_l@list.ru; <https://orcid.org/0009-0009-0008-2054>

Полина Евгеньевна Скрябина, педагог-психолог²; danshina.polina16@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0009-4183-3328>

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления, 630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56, Россия

² Средняя общеобразовательная школа № 184, 630027, Новосибирск, ул. Макаренко, 25/1, Россия

Реферат. Введение. Социально-психологический климат, существующий внутри коллектива сотрудников учреждений исполнительной системы, оказывает значительное влияние на их служебную деятельность, так как играет важную роль в поддержании высокой работоспособности сотрудников уголовно-исполнительной системы, предотвращает профессиональное выгорание и обеспечивает эффективное выполнение возложенных задач. Цель — изучить социально-психологические условия, влияющие на формирование социально-психологического климата в коллективе учреждений уголовно-исполнительной системы.

Материалы и методы. Использовались методика В. В. Синавского, В. А. Федорошина «Коммуникативные и организаторские склонности», анкета Б. Басса «Определение направленности личности», методика «Оценка состояния адаптированности личности», методика оценки психологической атмосферы в коллективе (по А. Ф. Фидлеру), тест организационной культуры, анкета. База исследования — Новосибирская воспитательная колония Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Новосибирской области. Количество респондентов — 58 человек. **Результаты и обсуждение.** Представлены результаты эмпирического исследования влияния социально-психологических условий на социально-психологический климат сотрудников пенитенциарной системы. Выявлено влияние внутреннего самоощущения и психофизического состояния сотрудников на восприятие атмосферы в коллективе. Установлено, что важным фактором формирования благоприятного климата, снижающим риски профессионального выгорания и деформации, является успешная адаптация сотрудников.

Выводы. Высокий уровень коммуникативной компетентности способствует лучшему усвоению информации, конструктивному взаимодействию и повышению качества выполнения задач, усиливая вовлеченность и мотивацию сотрудников. Адекватная самооценка и удовлетворенность положением благотворно влияют на восприятие организационной культуры и социально-психологический климат.

Ключевые слова: благоприятная и неблагоприятная атмосфера, организационные факторы, личностные характеристики, эффективность выполнения задач

Для цитирования: Качкина Л. С., Скрябина П. Е. Социально-психологические условия, влияющие на формирование социально-психологического климата в коллективе сотрудников уголовно-исполнительной системы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 300–305. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-300-305>

Scientific and Practical Article

UDC 159 © Kachkina L. S., Skryabina P. E., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-300-305

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Social and Psychological Conditions Affecting the Formation of a Social and Psychological Climate in the Penitentiary System Officers' Collective

Liliya S. Kachkina, Associate-Professor at the chair of Psychology¹; berk_l@list.ru; <https://orcid.org/0009-0009-0008-2054>

Polina E. Skryabina, educational psychologist²; danshina.polina16@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0009-4183-3328>

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management, 56, Kamenskaya st., Novosibirsk, 630099, Russia

² Secondary Comprehensive school No. 184, 25/1, Makarenko st., Novosibirsk, 630027, Russia

Abstract. Introduction. Socio-psychological climate in the collective of penitentiary institution officers has a significant impact on their service as it plays an important role in maintaining high effectiveness of penitentiary institution officers, prevents professional burnout and ensures efficient performance of the tasks imposed. The aim is to study the socio-psychological conditions affecting the formation of a socio-psychological climate in the collective of the penitentiary system institutions. **Materials and Methods.** The authors employ methodology "Communicative and organizational inclinations" of V. V. Sinyavsky, V. A. Fedoroshin, the questionnaire of B. Bass "Determining the orientation of the personality," the methodology "Assessment of the state of adaptation of the personality," the methodology for assessing the psychological atmosphere in the team (according to A. F. Fidler), test of organizational culture, questionnaire. The research base is the Novosibirsk juvenile reform colony of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service in the Novosibirsk region. There were 58 respondents. **Results and Discussion.** The results of an empirical study of the influence of socio-psychological conditions on the socio-psychological climate among the penitentiary system officers are presented. The influence

of the internal sense of self and the psychophysical state of officers on the perception of the atmosphere in the team was revealed. It is established that an important factor in the formation of a favorable climate, which reduces the risks of professional burnout and deformation, is the officers' successful adaptation. **Conclusions.** A high level of communication competence facilitates better assimilation of information, constructive interaction and improvement of the quality of tasks performance, increasing the involvement and motivation of officers. Adequate self-esteem and satisfaction with the situation have a beneficial effect on the perception of organizational culture and the socio-psychological climate.

Keywords: favourable and unfavourable atmosphere, organizational factors, characteristics of a person, efficient performance of the tasks

Citation: Kachkina L. S., Skryabina P. E. Social and Psychological Conditions Affecting the Formation of a Social and Psychological Climate in the Penitentiary System Officers' Collective. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 3(106). Pp. 300–305 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-300-305>

Основные положения

1. Социально-психологический климат представляет собой интегративную категорию, включающую психологические компоненты (психологическое взаимодействие индивидов, их эмоциональное самочувствие, корпоративную атмосферу, динамику группопоборазования) и социальные составляющие (соответствие правовым нормам, доступность льгот и гарантий, специфичность профессионального окружения).

2. Специфический характер трудовой деятельности сотрудников учреждений исполнения наказаний и условия социального обеспечения существенно влияют на формирование социально-психологического климата. Высокий уровень психоэмоциональной нагрузки вследствие стрессогенной среды, жесткие рамки служебной дисциплины, повышенная ответственность и потенциальная опасность выполняемых служебных задач, наличие особой профессиональной субкультуры, внутренние формы коммуникации воздействуют на эмоциональное напряжение сотрудников, что оказывает влияние на социально-психологический климат.

3. Психологические свойства личности сотрудников уголовно-исполнительной системы, такие как способность адаптироваться к условиям труда, степень удовлетворенности собственным состоянием, окружением, профессиональным статусом, жилищными условиями и рабочей деятельностью, коммуникативная компетентность, выступают значимыми детерминантами оценки микроклимата внутри трудового коллектива.

4. Установлена корреляционная связь между социальными факторами внешней среды, такими как организационная культура учреждения и степень удовлетворенности социально-психологическим климатом. Однако воздействие организационной культуры опосредовано комплексом промежуточных переменных, включая организацию производственного процесса, восприятие общей атмосферы коллектива, стиль межличностных взаимодействий, роль руководства, мотивационные механизмы и функциональные состояния работников.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Научная значимость изучения социально-

психологического климата (далее — СПК) в служебных коллективах сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) определяется существенным влиянием данного феномена на эффективность профессиональной деятельности персонала. СПК представляет собой интегративную характеристику психологического состояния трудового коллектива, обуславливающую уровень продуктивности и психологической устойчивости работников. Адекватный уровень благоприятности социально-психологической среды является необходимым условием поддержания высокого уровня функциональной активности сотрудников, профилактики профессионального выгорания и успешного выполнения функциональных обязанностей.

Цель — изучить социально-психологические условия, влияющие на формирование СПК в коллективе сотрудников УИС.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Понятие «климат» используется в каждой сфере деятельности, однако понятие «психологический климат» впервые ввел Н. Мансуров в процессе исследования организационной культуры и производственных коллективов [1].

В. Шепель был одним из первых российских ученых, исследующих социально-психологическую атмосферу в коллективе. Автор предложил рассматривать этот феномен как эмоциональную окраску психологических связей между членами коллектива, основанную на близости, симпатиях, совпадении темпераментов и характеров [2]. Он выделил три аспекта климата: социальный (понимание целей и задач, удовлетворение положением и должностными обязанностями); моральный (общие ценности, правила и традиции коллектива) и психологический (личные отношения, доверие и поддержка членов команды).

Эти идеи были развиты К. К. Платоновым и В. Г. Казаковым, подчеркнувшими значимость внешней среды и внутренней психоэмоциональной нагрузки работников. По их мнению, микроклимат в организации определяется как отражение в сознании сотрудников благоприятной социально-психологической обстановки, основывающейся на взаимоотношениях среди коллег, условий труда и др. Ими отмечалось, что социально-психологическая обстановка зависит

от физического, психического и эмоционального состояния каждого сотрудника [3].

Зарубежные ученые (например, К. С. Камерон и Э. Х. Шейн) рассматривали социально-психологический климат преимущественно через призму корпоративных ценностей и официальных регламентов, утверждая, что именно они способствуют установлению порядка и снижают риск конфликтов [4; 5].

Современная отечественная психология традиционно уделяет больше внимания личным характеристикам сотрудников и созданию корпоративного духа. Можно выделить четыре ключевых подхода к исследованию СПК [6–8]:

1. Феномен группового сознания: восприятие работниками своей роли и места в коллективе.

2. Эмоциональный фон: эмоциональное состояние, влияющее на продуктивность совместной деятельности.

3. Система взаимодействий: взаимозависимости между членами коллектива.

4. Традиции и нормы: сплоченность и устойчивость коллектива благодаря внутренним стандартам.

Специфика деятельности может оказать влияние на СПК, следовательно, важно рассматривать особенности данного явления у сотрудников УИС. Специфические условия работы сотрудников УИС: постоянный контакт со спецконтингентом, наличие оружия, служба в сложных и стрессовых обстоятельствах, строгие дисциплинарные требования, — оказывают негативное влияние на их психологическое состояние, провоцируя подозрительность, агрессивность и эмоциональную нестабильность. Эти факторы могут отразиться на отношениях внутри коллектива. Дополнительной особенностью является неоднородность сотрудников по возрасту, опыту и квалификации, что также учитывается при формировании здорового СПК [2; 9–11].

Таким образом, анализ имеющейся литературы показал, что понятие СПК у разных авторов имеет неодинаковый подтекст, но общий смысл. Этот феномен является ключевым фактором успешности любого коллектива, влияет на производительность, эмоциональное благополучие и профессиональное долголетие сотрудников.

Материалы и методы

Нами проводилось исследование в целях выявления социально-психологических условий, оказывающих влияние на формирование СПК в УИС.

Для выявления организаторских и коммуникативных способностей личности использовалась методика В. В. Синявского, В. А. Федорошина «Коммуникативные и организаторские склонности»; для изучения направленности личности — ориентационная анкета Б. Басса «Определение направленности личности»; для определения оценки психического состояния личности и выявления уровня адаптированности личности —

методика «Оценка состояния адаптированности личности»; для изучения СПК в коллективе сотрудников УИС — методика оценки психологической атмосферы в коллективе (по А. Ф. Фидлеру), Тест организационной культуры (ТОК), анкета.

База исследования: Новосибирская воспитательная колония Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Новосибирской области. Общее количество респондентов — 58 человек.

Результаты и обсуждение

Взаимосвязь социально-психологических условий с социально-психологическим климатом. Для выявления взаимосвязи социально-психологических условий с СПК в коллективе был проведен корреляционный анализ по критерию Спирмена между результатами тестирования и анкетирования.

Прежде чем приступить к анализу результатов, следует пояснить, что по тесту «Оценка состояния адаптированности личности» высокие показатели соответствуют низкой адаптации, а низкие — успешной. По шкалам удовлетворенности собой, ситуацией, положением, здоровьем, домом и работой высокие показатели соответствуют низкой удовлетворенности, а низкие — успешной удовлетворенности.

Корреляционный анализ, представленный на рисунке, позволил выявить 14 статистически значимых связей.

Анализ результатов, представленных на рисунке, позволяет установить значимые отрицательные корреляционные связи между оценкой общего микроклимата в коллективе и шкалами: удовлетворенность собой ($r = -0,413$, $p = 0,001$), удовлетворенность ситуацией ($r = -0,575$, $p < 0,001$), удовлетворенность положением ($r = -0,448$, $p < 0,001$), удовлетворенность здоровьем ($r = -0,527$, $p < 0,001$), удовлетворенность домом и работой ($r = -0,508$, $p < 0,001$). Это может свидетельствовать о том, что на оценку атмосферы в коллективе оказывают влияние самоощущение сотрудника в обществе, самооценка, физическое и эмоциональное состояние личности. Благоприятный социально-психологический климат в коллективе зависит от внутреннего состояния сотрудников.

Выявлена значимая отрицательная корреляция между оценкой СПК и оценкой состояния адаптированности личности ($r = -0,694$, $p < 0,001$). Результаты исследования показывают, что способность сотрудников адаптироваться является значимым фактором формирования благоприятной обстановки в трудовом коллективе. Сотрудники, успешно приспособившиеся к работе в учреждениях УИС, менее склонны к развитию синдрома профессионального выгорания, деформациям профессиональной деятельности и физическим перегрузкам.

Такие личностные особенности, как коммуникативные способности сотрудников, имеют положитель-

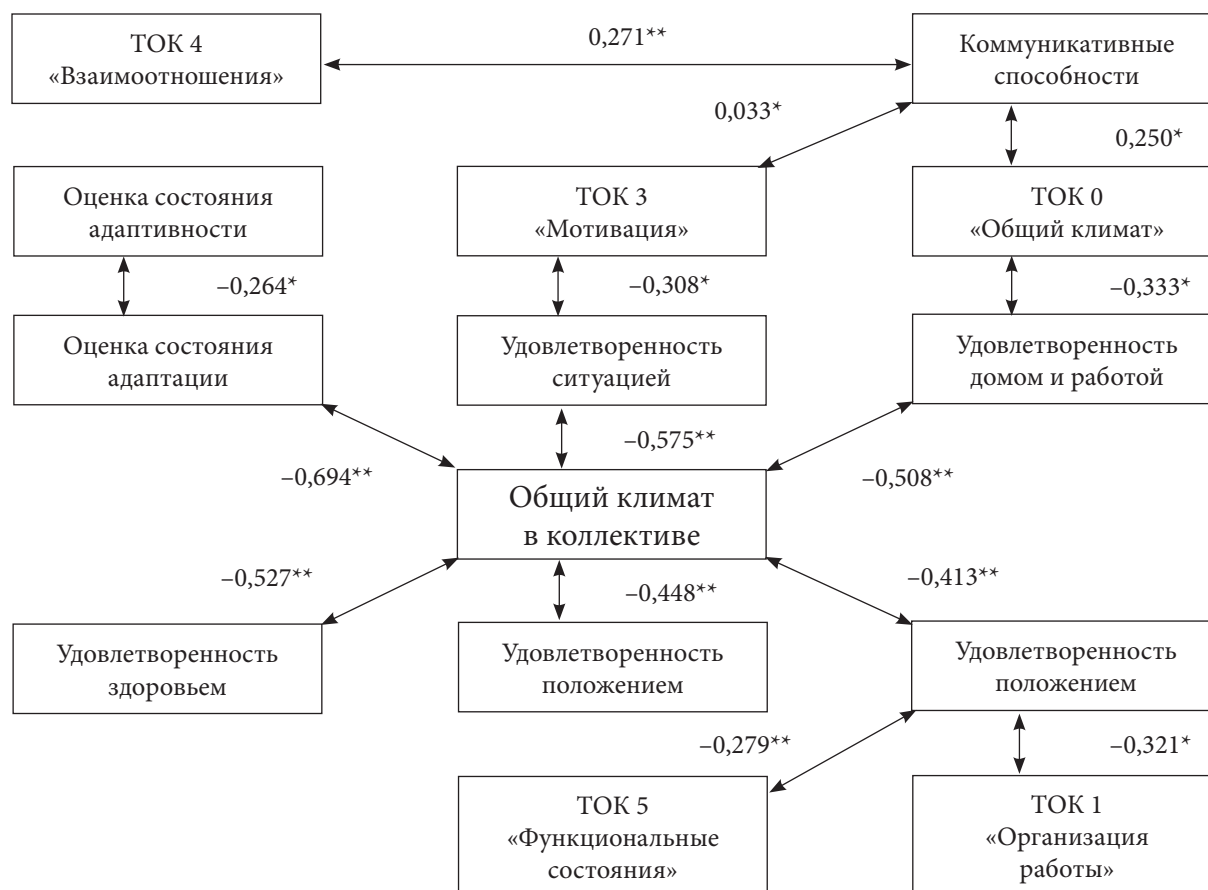

Рис. Корреляционная плеяда факторов, связанных с социально-психологическим климатом

Примечания: * — достоверная связь при $p \leq 0,05$; ** — значимая связь при $p \leq 0,01$.

(Fig. Correlation constellation of factors related to socio-psychological climate

Note: * — indicates valid connection, at $p \leq 0,05$; ** — significant connection at $p \leq 0,01$)

ную корреляционную связь со шкалами «Мотивация» ($r = 0,033$, $p < 0,011$), «Взаимоотношения» ($r = 0,271$, $p < 0,040$) и «Общий климат» ($r = 0,250$, $p < 0,033$) теста организационной культуры. Анализ представленных эмпирических данных позволяет говорить о наличии корреляционной зависимости между уровнем развития коммуникативных компетенций персонала и восприятием организационной культуры. Сотрудниками, обладающими высокоразвитыми вербальными и невербальными навыками коммуникации, характеризуются повышенной способностью к установлению конструктивного взаимодействия, быстрое усвоение поступающей информации, адекватное и уверенное представление собственных аргументов и концептуальных положений. Это способствует активизации участия сотрудников в служебной деятельности коллективов, оптимизации процесса взаимодействия с различными категориями субъектов профессиональной среды.

Высокий уровень коммуникативной компетентности способствует повышению качества исполнения функциональных задач сотрудниками УИС, обеспечивая четкость и ясность формулирования рабочих заданий, стратегических целей и ожидаемых результатов деятельности. Психологический механизм данного феномена заключается в формировании понимания

сотрудником значимости выполняемой им функции в контексте достижения корпоративных целей учреждения, что стимулирует повышение уровня внутренней мотивации сотрудника и формирует предпосылки для карьерного роста.

На основе полученных корреляционных данных можно сделать вывод, что оценка состояния СПК (оценка психологической атмосферы в коллективе, по А. Ф. Фидлеру) имеет отрицательную корреляцию с адаптивностью личности (оценка состояния адаптированности) ($r = -0,264$, $p < 0,045$). Полученные данные свидетельствуют о значимой роли адаптивности персонала в формировании благоприятного СПК. Сотрудники, характеризующиеся низким уровнем адаптации к специфическим условиям деятельности уголовно-исполнительной системы, недостаточной осведомленностью относительно должностных обязанностей и отсутствием необходимой профессиональной подготовки, не способны эффективно выполнять поставленные задачи, это приводит к повышению нагрузки на других сотрудников, что способствует увеличению числа конфликтов и оказывает негативное влияние на межличностные отношения внутри группы.

Сотрудники, обладающие сниженным адаптационным потенциалом, службу в условиях уголовно-

исполнительной системы воспринимают как фактор повышенного стресса, способствующий формированию чувства собственной неудовлетворенности, физическому истощению и усилению эмоционального напряжения. Указанные проявления оказывают деструктивное воздействие как на психологическое состояние самих сотрудников, так и на общую эффективность функционирования организации. Последствиями становятся нарушение трудовой дисциплины, ухудшение качества выполнения поставленных служебных задач, снижение удовлетворенности трудом, повышение уровня неудовлетворенных ожиданий и возникновение когнитивного диссонанса, приводящего к возникновению конфронтации и напряженным отношениям между коллегами.

Проведенный нами анализ также позволяет говорить о существовании статистически значимой отрицательной корреляционной связи между шкалой «Организация работы» теста организационной культуры и такой личностной характеристикой, как удовлетворенность собой ($r = -0,321$, $p = 0,014$). Данный феномен свидетельствует о том, что сотрудники, характеризующиеся высоким уровнем уверенности в собственных силах, демонстрируют выраженную степень удовлетворенности собственным статусом и положением в организации, что находит отражение в позитивном восприятии организационных аспектов трудовой деятельности и социальной атмосферы коллектива.

По результатам, представленным на рисунке, можно сделать вывод, что существует отрицательная корреляционная связь между шкалой «Мотивация» и такой личностной характеристикой, как удовлетворенность ситуацией ($r = -0,308$, $p = 0,015$). Адекватный уровень притязания, удовлетворенность служебным положением оказывают положительное воздействие на степень внутренней мотивации сотрудников, формируют высокий уровень вовлеченности в рабочий процесс и способствуют стремлению к карьерному росту. Это существенно влияет на социально-психологический климат внутри служебного коллектива, оптимизирует межличностные взаимодействия среди коллег и повышает эффективность коммуникаций между подчиненными и руководящим составом организации.

Существует слабая отрицательная связь между шкалой «Функциональные состояния» и такой личностной характеристикой, как удовлетворенность собой ($r = -0,279$, $p = 0,034$). Вышеупомянутые данные свидетельствуют о наличии корреляционной зависимости между личностной удовлетворенностью индивидов собственным психофизическим статусом, уровнем самоуважения и качеством корпоративного микросоциального климата. Установлено, что сотрудники, характеризующиеся стабильно позитивным

самочувствием и адекватной оценкой собственных профессиональных качеств, демонстрируют повышенный уровень готовности оперативно решать внезапно возникающие рабочие проблемы. Тем не менее систематическое превышение нормативных нагрузок, нерегламентированное рабочее расписание, неравномерное распределение функциональных обязанностей способствуют формированию негативных изменений в физическом и психологическом состоянии работников, вызывая снижение уровня эффективности труда и дестабилизацию межличностных взаимодействий внутри трудового коллектива.

Между шкалой «Общий климат» и такой личностной характеристикой, как удовлетворенность ситуацией ($r = -0,333$, $p = 0,011$), существует значимая обратная связь. Полученные данные свидетельствуют о наличии корреляционной зависимости между уровнем личностной удовлетворенности сотрудников и восприятием ими социально-психологического климата рабочей среды. Индивиды, характеризующиеся высокими показателями самооценки, социальной интеграции и семейной стабильности, склонны интерпретировать социальную атмосферу трудового коллектива как оптимально комфортную и продуктивную. Данная закономерность способствует формированию позитивной мотивации персонала, что оказывает выраженное положительное воздействие на эффективность функционирования организационных структур.

Выводы

По результатам корреляционного анализа по критерию Спирмена было выявлено, что такие личностные характеристики, как адаптация сотрудников, их удовлетворенность собой, ситуацией, положением, здоровьем, домом и работой, и коммуникативные способности оказывают влияние на оценку микроклимата в коллективе сотрудников Новосибирской воспитательной колонии Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Новосибирской области. На формирование социально-психологического климата оказывают влияние социальные условия, такие как организационная культура. Однако стоит отметить, что по результатам корреляционного анализа организационная культура не напрямую оказывает влияние на микроклимат, а опосредованно, через такие факторы, как процесс организации работы, мотивация сотрудников, личность руководителя, особенности оценки микроклимата, взаимоотношения в коллективе и функциональные состояния сотрудников.

Область применения и перспективы. Результаты исследования, полученные в ходе проведения работы, могут применяться в служебных организациях в рамках исследования социально-психологического климата в коллективе, что будет являться основой для дальнейшей работы психологов в пенитенциарных учреждениях.

Данные исследования могут быть использованы при работе с коллективами личного состава УИС. Однако настоящее исследование не исчерпывает всех сторон и проблем заявленной проблемы. В качестве

перспективы дальнейшего исследования может выступить разработка и реализация программы оптимизации социально-психологического климата через личностные, социальные и организационные факторы.

Список источников / References

1. Berley E. V. Features of organizational culture in institutions and bodies of the criminal justice system. *Applied Legal Psychology*. 2012. No. 1. Pp. 80–86.
2. Шепель В. М. Управленческая психология. М., 1986. 248 с.
3. Платонов К. К., Казаков В. Г. Развитие системы понятий теории психологического климата в советской психологии // Социально-психологический климат коллектива. М., 1979. С. 35–49.
4. Камерон К. С. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб., 2001. 310 с.
5. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство. М., 2011. 330 с.
6. Banaitis N. G. Research of the socio-psychological climate of the labor collective. *The Tauride Scientific observer*. 2015. No. 4. Pp. 14–18.
7. Шкердина А. А. Значение роли руководителя в формировании благоприятного социально-психологического климата коллектива // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60–3. С. 402–404.
8. Афанасьева Л. А. Оценка социально-психологического климата в коллективе организации // Основы экономики, управления и права. 2021. № 1(26). С. 17–22.
9. Жильцова Ю. В., Дежурова Е. В., Шатохина Л. В. К вопросу формирования социально-психологического климата в среде сотрудников исправительных учреждений // Ученые записки университета Лесгафта. 2019. № 5(171). С. 422–425.
10. Яницкий М. С., Балабащук Р. О., Серый А. В. Образ мира как динамическая система хронотопических характеристик : монография. Кемерово, 2026. 188 с.
11. Лобанова Е. С., Фатеева О. Ю. Негативные профессиональные установки сотрудников уголовно-исполнительной системы с разным уровнем иррациональности мышления // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 4(103). С. 421–426.

Поступила 04.09.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 25.05.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-теоретическая статья

УДК 159.99 © Шабалин О. М., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-306-312

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Управление стрессом как необходимое условие эффективности в юридической деятельности

Олег Михайлович Шабалин, кандидат психологических наук, доцент общеакадемического факультета¹;

o.shabalin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5630-1553>

¹ Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 614039, Пермь, Комсомольский проспект, 61, Россия

Реферат. Введение. В условиях стремительно меняющегося мира и высокой эмоциональной напряженности деятельности сотрудников юридической сферы и правоохранительных органов все чаще возникает риск психологических перегрузок, стресса, что может неблагоприятно отражаться на результатах профессиональной деятельности. Цель — обоснование необходимости управления стрессом в юридической деятельности и определение доступных методов саморегуляции. **Материалы и методы.** Исследование проведено в феврале 2026 г. с участием представителей юридических профессий в возрасте 25–35 лет со стажем работы от 1 года до 15 лет в количестве 55 человек. Использовалась авторская анкета, состоящая из 10 вопросов, касающихся способов саморегуляции. **Результаты и обсуждение.** Анализируется современное представление о стрессе, его положительное и негативное влияние на личность. Рассматриваются признаки стрессового напряжения, его отрицательное влияние на профессиональную деятельность. Приводятся результаты и анализ анкетирования представителей различных юридических профессий с опытом работы до 15 лет. В качестве средства преодоления рассматриваемой проблемы раскрывается потенциал методов саморегуляции: аутогенная тренировка, воздействие на самого себя с помощью слов, мысленных образов, управления мышечным тонусом и дыханием. **Выводы.** Обосновывается положение о необходимости управления стрессом в различных эмоционально-напряженных ситуациях профессиональной деятельности юриста.

Ключевые слова: стресс, эмоциональное напряжение, управление стрессом, психическая саморегуляция, методы саморегуляции

Для цитирования: Шабалин О. М. Управление стрессом как необходимое условие эффективности в юридической деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 306–312. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-306-312>

Scientific and Theoretical Article

UDC 159.99 © Shabalin O. M., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-306-312

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Stress Management as a Necessary Condition of Efficiency in Legal Activities

Oleg M. Shabalin, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor at the General Academic Faculty¹;

o.shabalin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5630-1553>

¹ Perm branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 61, Komsomolsky pr., Perm, 614039, Russia

Abstract. Introduction. In a rapidly changing world and high emotional tension of the activities of legal and law enforcement officials, there is an increasing risk of psychological overload and stress, which can adversely affect the results of professional activities. The goal is to substantiate the need to manage stress in legal activities and identify available methods for self-regulation. **Materials and Methods.** The study was conducted in February 2026 with the participation of 55 representatives of legal professions aged 25–35 years with an experience of work from 1 year to 15 years. An author's own inventory was used, consisting of 10 questions regarding the methods of self-regulation. **Results and Discussion.** Under analysis is the modern vision of stress, its positive and negative impact on personality. Signs of stressful tension, its negative impact on professional activity are under consideration, the results and analysis of the survey of representatives of various legal professions with work experience up to 15 years given. As a means of overcoming this problem, the potential of self-regulation methods is revealed: autogenic training, influencing oneself with words, mental images, control of muscle tone and breathing. **Conclusions.** It is argued necessary to manage stress in various emotionally stressful situations of the professional activity of a lawyer.

Keywords: stress, emotional tension, stress management, mental self-regulation, methods of self-regulation

Citation: Shabalin O. M. Stress Management as a Necessary Condition of Efficiency in Legal Activities. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 3(106). Pp. 306–312 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-306-312>

Основные положения

1. Стресс — это состояние организма, с одной стороны, лежащее в основе приспособления организма к многообразным влияниям внешней среды, а с другой — фактор, способствующий нарушению психической адаптации, затрагивающий психофизиологический, психологический, социально-психологический уровни регуляции [1]. Человек в процессе жизнедеятельности сталкивается с различными проявлениями стресса: эустрессом, дистрессом, а также эмоциональным, профессиональным и информационным стрессом. При этом человек испытывает эмоциональное напряжение, которое негативно сказывается на его психическом здоровье и практической деятельности.

2. Особенно остро последствия психологических перегрузок проявляются в профессиональной деятельности, так как они могут негативно повлиять на достижение результатов, принятие правильных решений в той или иной ситуации. Юридической деятельности присущ эмоционально-напряженный характер, например, при допросах, в суде, в ходе других разнообразных конфликтных ситуаций, в которых юрист далеко не всегда может выразить собственные эмоции, должен сдерживать их и при этом сохранять необходимый эмоциональный фон, не мешающий выполнению профессиональных задач.

3. В ситуациях, носящих эмоционально-напряженный характер, важно уметь управлять стрессом, т. е. уметь снимать или снижать уровень эмоционального напряжения, что достигается посредством использования определенных методов саморегуляции. Каждый сотрудник должен обладать набором таких методов, апробированных и дающих необходимый эффект в целях наиболее продуктивного применения знаний, требующихся в той или иной профессиональной деятельности.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В современном мире все актуальнее становится проблема сохранения психического (ментального) здоровья человека. В условиях, когда ускоряется темп жизни, повышается уровень напряженности труда, люди часто вовлекаются в сложные жизненные ситуации, практически каждый человек испытывает сильнейшие психологические нагрузки, связанные с накоплением эмоционального напряжения, которое негативно сказывается на его жизнедеятельности.

Особенно остро последствия психологических перегрузок проявляются в профессиональной деятельности, так как они могут негативно повлиять на достижение результатов, принятие квалифицированных решений. Поэтому в любой профессиональной деятельности, помимо содержательной, экономической, правовой сторон, выделяются и ее психологические

особенности. Одной из важнейших психологических особенностей юридической деятельности является ее эмоционально-напряженный характер, поскольку она непосредственно связана с многочисленными стрессовыми ситуациями: принятием сложного судебного решения, допросами, необходимостью действовать в условиях опасности и т. д. В этих обстоятельствах, особенно когда нет возможности своевременно выплеснуть отрицательные эмоции, происходит их постоянное накопление, возникает напряжение. В современной психологической литературе психологическое напряжение принято определять термином «стресс». Чтобы организовать качественную работу, направленную на снятие эмоционального напряжения, юристам и сотрудникам правоохранительных органов важно иметь четкое представление о стрессе, его причинах, проявлениях и последствиях, уметь управлять этим состоянием.

Цель — обосновать необходимость управления стрессом в юридической деятельности и выяснить доступные методы саморегуляции.

Теоретические предпосылки и степень изученности. Канадский психофизиолог Г. Селье определяет стресс как комплексную физиологическую и психологическую реакцию адаптации человека на сильные или быстро меняющиеся воздействия окружающей среды [2]. Начиная с 20-х гг. XX в. Селье уделял большое внимание изучению стресса. Считается, что именно он способствовал популяризации данного понятия. При этом физиологические аспекты стресса впервые были освещены У. Кэнноном еще в 1914 г.

Проблемами, связанными с изучением стресса, позже занимались такие исследователи, как Дж. С. Гринберг, К. Кермани, В. А. Бодров, Ю. В. Щербатых, А. Г. Каменюкин, Д. В. Ковпак, А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, В. Р. Бильданова, Г. К. Бисерова, Г. Р. Шагивалеева, Р. А. Кутбиддинова, Л. А. Китаев-Смык, Н. Е. Водопьянова, М. А. Одинцова, Н. Л. Захарова и др. [1; 3–12].

Согласно Г. Селье, стресс представляет собой общий адаптационный синдром или неспецифический ответ на любые воздействия среды и проявляется как напряжение организма, направленное на приспособление и преодоление возникших трудностей [2, с. 14–25].

Стресс, или адаптационный синдром, у любого человека протекает через три обязательные стадии:

1) стадия тревоги, на которой организм приходит в состояние возбуждения, происходит мобилизация защитных сил;

2) стадия сопротивления (резистентности), когда запускается автономная активность, происходит столкновение внешних воздействий и потенциала организма, осуществляется адаптация к новой ситуации;

3) стадия истощения, характеризующаяся снижением активности и упадком сил; если стадия сопро-

тивления продолжается слишком долго, это наносит вред организму [2, с. 35–40].

В современном понимании, стресс — реакция организма на приспособление к многообразным факторам среды и фактор, способствующий нарушению психической адаптации, затрагивающий психофизиологический, психологический, социально-психологический уровни регуляции [1, с. 17–40].

В научной литературе XXI в. предлагаются разные классификации стресса. Например, Р. А. Кутбиддинова выделяет повседневный, эмоциональный, профессиональный и информационный стресс [10, с. 55]. Общей особенностью пребывания человека в этих видах стресса является эмоциональное напряжение, которое получает человек и которое создает проблемы для его дальнейшей жизнедеятельности.

Ю. В. Щербатых подразделяет виды стресса на основании признака способности влиять на него [6, с. 71]: стрессы, не зависящие от нас; стрессы, на которые мы можем повлиять; стрессы, являющиеся плодом нашего воображения. Данная классификация важна, поскольку предполагает разные подходы к работе со стрессом.

Существуют и другие подходы к классификации стресса, показывающие многообразие стрессовых ситуаций, с которыми сталкивается человек.

Если обратиться к классическим представлениям о стрессе, то в центре внимания будет классификация Г. Селье, в рамках которой выделяются эустресс и дистресс [2].

Эустресс — это положительный стресс, сочетающийся с желательным эффектом и мобилизующий организм. Состояние эустресса возникает в условиях риска, необходимости самостоятельно принимать быстрое решение, мгновенно реагировать на опасность при неожиданно меняющейся обстановке.

Дистресс — это отрицательный стресс с нежелательным вредоносным эффектом. Состояние дистресса возникает при высоких физических и психологических перегрузках, при осуществлении деятельности в длительной неопределенной ситуации.

Важность данной классификации определяется тем, что Г. Селье рассматривает стресс не только как негативное, но и как позитивное явление. Если бы человек не реагировал стрессом на сложные ситуации, то вряд ли бы он с ними справлялся.

На стресс как не только отрицательное явление, но и положительное, не только как разрушение, но и созидание обращают внимание Э. И. Киришбаум, А. И. Еремеева. Авторы считают, что именно благодаря наличию препятствий как внутреннего, так и внешнего плана формируется и развивается личность [13]. Препятствия стимулируют активность личности, расширяют спектр связей личности с миром, делают их глубже и дифференцированнее.

В позитивном влиянии стресса на жизнедеятельность человека определяются такие особенности, как мобилизация силы организма, нервной, иммунной, сердечно-сосудистой и мышечной систем; мотивация на действие, когда выделяется дополнительная энергия для решения проблемы; способность человека в стрессе найти сложное, неординарное решение проблемы; выработка устойчивости психики к похожим ситуациям в будущем.

Среди отрицательных воздействий прежде всего обращается внимание на то, что постоянное пребывание человека в стрессовых ситуациях накапливает эмоциональное напряжение, которое не дает рационально мыслить, принимать взвешенные решения, может привести к аффективным вспышкам; при длительном стрессе может развиваться сердечно-сосудистая патология: инфаркт, инсульт, гипертония, аритмия; длительный стресс вызывает головную боль, может стать причиной бессонницы и депрессии; сильный и (или) длительный стресс истощает; снижается иммунитет, организм становится чрезвычайно восприимчив к инфекциям.

Позитивная функция стресса чрезвычайно важна для человека, поскольку создает условия для активной жизнедеятельности человека, но особое внимание предлагаем обратить на негативные последствия стресса, поскольку именно они создают проблемы для психического и физического здоровья человека.

В этом случае важно уметь видеть признаки стрессового напряжения: 1) невозможно сосредоточиться на чем-либо; 2) слишком часто допускаются ошибки в работе; 3) ухудшается память; 4) слишком часто возникает чувство усталости; 5) очень быстрая речь; 6) мысли часто улетучиваются; 7) довольно часто появляются боли (в области головы, спины, желудка); 8) повышенная возбудимость; 9) работа не доставляет прежней радости; 10) потеря чувства юмора; 11) утрата интереса к своему внешнему виду; 12) бессонница; 13) гораздо чаще приходится делать не то, что хотелось бы, а то, что нужно, что входит в обязанности; 14) постоянно ни на что не хватает времени; 15) почти ничего не нравится; 16) дома, в семье постоянные конфликты; 17) ощущается неудовлетворенность жизнью; 18) не с кем поговорить о своих проблемах, да и нет особого желания; 19) плохой или чрезмерный аппетит; 20) невозможность вовремя закончить работу и др.

Названы далеко не все признаки стрессового напряжения, но даже по ним можно увидеть его выраженность у конкретного человека.

Люди по-разному реагируют на стрессовые ситуации, т. е. имеют разный порог восприимчивости к стрессу, и это зависит, прежде всего, от стрессоустойчивости личности. В современных исследованиях стрессоустойчивость рассматривается как свойство личности, состоящее из совокупности нескольких компонентов. Н. И. Бережная среди таких компонентов

выделяет психофизиологические качества (свойства нервной системы, темперамент); черты характера (уверенность, самостоятельность, решительность, смелость и др.); мотивационный компонент, определяющий эмоциональную устойчивость; эмоциональный опыт личности, накопленный в процессе преодоления отрицательных влияний экстремальных ситуаций; развитие воли, которое выражается в сознательной саморегуляции действий, приведении их в соответствие с требованиями ситуации; интеллект, который создает условия для оценки требований ситуации, прогноз ее возможного изменения, принятие решений о способах действий [14].

Анализ деятельности сотрудников юридической сферы и их поведения в стрессовых ситуациях показывает, что в реальной жизни наблюдается опасная тенденция, состоящая в том, что при повышении темпа жизни, уровня напряженности в профессиональной деятельности, когда требуется обращать большее внимание на снятие эмоционального напряжения, человек часто идет по другому пути: чем больше уровень напряженности, тем меньше внимания уделяется саморегуляции. Хотя игнорирование высокого уровня эмоционального напряжения, неиспользование методов саморегуляции — путь эмоционального выгорания, разрушения психики, ухода в соматические заболевания. Это подтверждается и экспериментальными исследованиями. Так, согласно исследованию Н. В. Мрвич и И. С. Косоруковой, у 46,3 % опрошенных юристов зафиксирован высокий уровень профессионального истощения, у 26,0 % — средний уровень и у 27,7 % — низкий уровень эмоционального истощения [15].

Материалы и методы

В рамках изучения управления стрессом в юридической деятельности и методов саморегуляции было проведено исследование, в котором участвовали представители различных юридических профессий в возрасте 25–35 лет со стажем работы от 1 года до 15 лет. Выборка составила 55 человек. Для проведения данного исследования была разработана анкета, состоящая из 10 вопросов. Анкетирование было проведено в феврале 2026 г. Вопросы анкеты были направлены на изучение представленности стресса в сфере юридической деятельности, а также на знание способов саморегуляции и их использование.

Результаты и обсуждение

Анализ результатов анкетирования. Представим результаты и анализ ответов на вопросы анкеты.

На вопрос 1 «Насколько часто Вы сталкиваетесь со стрессом в профессиональной деятельности?» 45,45 % испытуемых ответили «часто», 43,64 % — «иногда» и 10,91 % — «редко». Данные результаты показывают значительную представленность стресса в профессиональной деятельности.

На вопрос 2 «Насколько часто Вы сталкиваетесь со стрессом вне профессиональной деятельности?» 23,63 % респондентов ответили «часто», 43,64 % — «иногда» и 32,72 % — «редко». Указанные результаты позволяют вести речь о несколько меньшей представленности стресса вне профессиональной деятельности в сравнении с деятельностью профессиональной.

Графически ответы на эти вопросы представлены в диаграммах на рис. 1.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Насколько часто Вы сталкиваетесь со стрессом?»
(Fig. 1. Distribution answers to the question "How often do you face stress?")

На вопрос 3 «Как Вы оцените собственный уровень стрессового напряжения на данный момент времени?» 27,27 % опрошенных ответили «высокий», 41,82 % — «средний» и 30,91 % — «низкий». Полученные результаты демонстрируют значительную представленность стресса в профессиональной деятельности. Согласно результатам почти третья часть испытуемых отмечает высокий уровень стрессового напряжения, почти половина — средний.

Графически ответы на этот вопрос представлены в диаграмме (рис. 2).

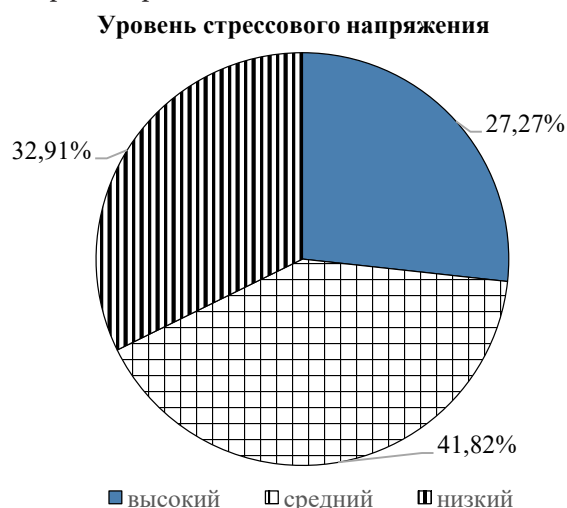

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцените собственный уровень стрессового напряжения на данный момент времени?»
(Fig. 2. Distribution answers to the question "How would you rate your own stress level at the moment?")

Эмоциональное напряжение создает не только стресс, но и другие негативные эмоциональные со-

стояния, такие как страх, астения (истощение, слабость), тревога, депрессия и др., поэтому важно понять, с какими негативными психическими состояниями человек сталкивается в профессиональной деятельности и вне ее.

На вопрос 4 «С какими негативными эмоциональными состояниями в профессиональной деятельности Вы сталкиваетесь чаще всего?» на первом месте оказался вариант ответа «стресс» (76,36 %), далее следуют «тревога» (52,73 %), «астения (истощение, слабость)» (38,18 %), «страх» (29,09 %), «депрессия» (5,45 %), «раздражение» (1,82 %) *. Данные результаты говорят о высоком уровне напряженности профессиональной деятельности, так как каждое из названных психических состояний создает эмоциональную напряженность, чувство неопределенности, присутствующее при выполнении профессиональных задач (об этом свидетельствует высокий процент выбора ответа «тревога»), о постоянном пребывании в состоянии стресса, которое может привести к состоянию астении, которое характеризуется также высоким процентом.

На вопрос 5 «С какими негативными эмоциональными состояниями вне профессиональной деятельности Вы сталкиваетесь чаще всего?» на первом месте так же, как и в профессиональной деятельности, оказался вариант ответа «стресс» (45,45 %), далее распределились «тревога» (45,45 %), «астения (истощение, слабость)» (25,45 %), «страх» (20,0 %), «депрессия» (14,55 %). Сравнение представленности негативных эмоциональных состояний в профессиональной деятельности и вне нее показывает, что профессиональная деятельность носит более напряженный характер, так как по всем состояниям процент выше именно в профессиональной деятельности. Исключением является лишь состояние депрессии, которое представлено сильнее именно вне профессии. Можно предположить, что в профессиональной деятельности человек вынужден отвлекаться от тягостных мыслей и создавать для себя более позитивный эмоциональный фон для выполнения профессиональных функций.

Графически ответы на эти вопросы представлены в диаграмме (рис. 3).

На вопрос 6 «Считаете ли Вы, что негативные эмоциональные состояния влияют на результаты профессиональной деятельности?» 89,09 % испытуемых ответили «да» и только 10,91 % — «нет».

Для конкретизации данного вопроса был задан вопрос «Каким образом?» На данную часть вопроса испытуемые отвечали в свободной форме. Большинство из них ответили, что ухудшается работоспособность (43,64 %), 23,64 % испытуемых указали, что сложно сосредоточиться, снижается концентрация внимания, мыслительная активность. Респонденты также

С какими негативными эмоциональными состояниями Вы сталкиваетесь чаще всего?

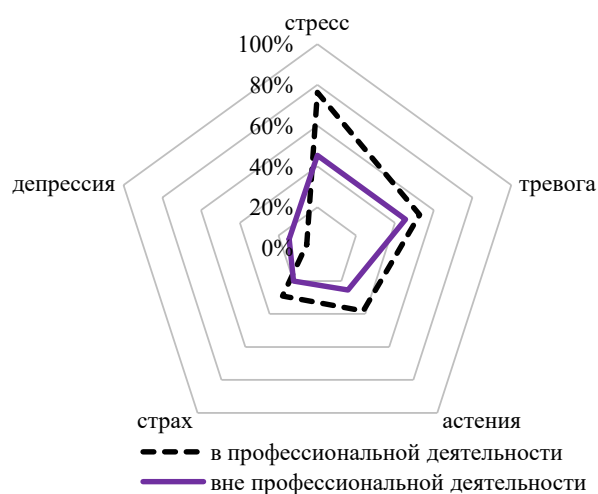

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «С какими негативными эмоциональными состояниями Вы сталкиваетесь чаще всего?»

(Fig. 3. Distribution answers to the question "What negative emotional states do you face most often?")

отметили, что негативные эмоциональные состояния истощают, изматывают организм, человек начинает болеть, появляется слабость в организме, пропадает мотивация, нет желания работать, возникают апатия, боязнь совершить неправильные действия, сужается взгляд на мир, происходит выплеск эмоций на окружающих, работа не приносит удовольствия.

Далее в анкете следовал блок вопросов по саморегуляции.

На вопрос 7 «Знаете ли Вы о методах саморегуляции (снятия эмоционального напряжения)?» 67,27 % испытуемых ответили «да», 32,73 % — «нет». Отсюда следует, что треть испытуемых вообще не знает о способах саморегуляции и, соответственно, не обращает внимания на снятие эмоционального напряжения.

На вопрос 8 «Пользуетесь ли Вы методами саморегуляции в процессе решения профессиональных задач?» 38,18 % опрошенных указали «да», 61,82 % — «нет».

Графически ответы на эти вопросы представлены в диаграммах на рис. 4.

Сопоставление 7 и 8 вопросов показывает, что две трети испытуемых знают о способах саморегуляции, но только одна треть пользуется этими методами.

Для конкретизации использования методов саморегуляции был задан 9 вопрос «Каким методами саморегуляции Вы пользуетесь? (перечислите)». Вопрос был поставлен в свободной форме. Примерно треть анкетированных не дали ответа (29,09 %), треть указала работу с дыханием или просто дыхание (32,73 %), не уточняя, что именно имеется в виду. Среди способов саморегуляции респонденты также отметили спорт, хобби, танцы, прогулки на природе, смех, общение с друзьями,

* Отвечая на вопросы 4 и 5, респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа, поэтому общая сумма превышает 100 %.

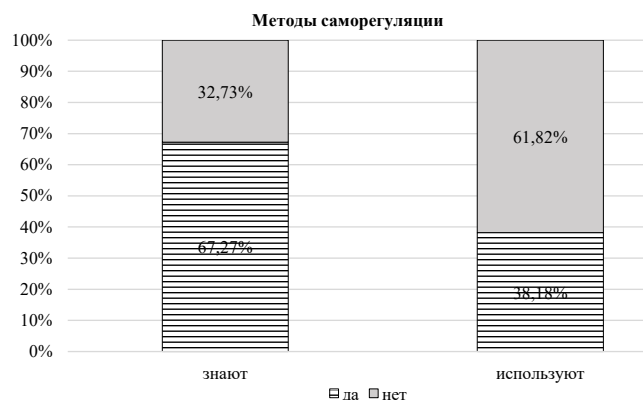

Рис. 4. Распределение ответов на вопросы о методах саморегуляции

(Fig. 4. Distribution answers to the questions about methods of self-regulation)

музыку, путешествия, физическую активность, соблюдение режима, использование медикаментов.

Данные результаты показывают, что называемые способы саморегуляции носят общий характер, это те действия, которые человек совершает в течение жизни, то, что ему интересно, и эти действия не всегда бывают достаточными для саморегуляции. При анализе данных результатов обращает на себя внимание то, что третья часть испытуемых вообще не назвали способов саморегуляции.

На вопрос 10 «Нуждаетесь ли Вы в организованном обучении методам саморегуляции?» 52,73 % испытуемых ответили «да», 47,27 % — «нет».

Данные результаты показывают, что больше половины испытуемых нуждаются в получении знаний о способах саморегуляции, считая, вероятно, потенциал собственных способов недостаточным для эффективной работы по снятию эмоционального напряжения. При этом большая часть испытуемых не придает необходимого значения использованию методов саморегуляции, что может в будущем создать определенные сложности в процессе выполнения профессиональных задач.

Управление стрессом в юридической деятельности. В условиях ускорения темпа жизни, повышения напряженности профессиональной деятельности, в том числе и в юридической сфере, важно специально уделять большое внимание профилактике и преодолению стрессового эмоционального напряжения, причинами которого могут выступать как внешние, так и внутренние факторы. В реальной жизни в профессиональной сфере человек не может постоянно избегать стрессовых ситуаций, т. е. воздействовать на внешние причины стрессового напряжения. В профессиональной деятельности юриста это будет определять его профессиональную неуспешность, уход от тех профессиональных заданий, которые сопряжены со стрессом. При этом любой юрист, сотрудник правоохранительных органов может влиять на внутренние

причины, научиться управлять своим эмоциональным напряжением через саморегуляцию.

Психическая саморегуляция является самостоятельной, целенаправленной и сознательной работой по снятию психического напряжения и регуляции собственного психического состояния и может осуществляться с помощью различных методов: аутогенной тренировки, воздействия на самого себя посредством слов, мысленных образов, управления мышечным тонусом и дыханием.

Классическим методом саморегуляции является аутогенная тренировка (аутотренинг). Термин «аутогенная тренировка» принадлежит И. Шульцу, который в 1932 г., проанализировав различные мировые практики саморегуляции (практики индийских йогов, мышечную релаксацию Э. Джейкобсона, позитивную психотерапию Э. Куэ и ряд других методик релаксации), обобщил их и создал комплексный метод саморегуляции, который и назвал аутогенной тренировкой.

Аутогенная тренировка — это психологическая методика саморегуляции, основанная на самовнушении. Данный метод саморегуляции помогает снять эмоциональное напряжение посредством влияния на физиологические функции организма, такие как пульс, дыхание и мышечный тонус.

Аутогенная тренировка является эффективным методом саморегуляции, но для достижения нужного эффекта этому методу нужно специально обучаться, что часто останавливает современного обремененного работой человека от его использования. Однако если проанализировать механизмы, лежащие в основе ауто-тренинга, то можно заметить, что те же самые механизмы воздействия на психику присутствуют в наших привычных действиях. Например, механизм снятия напряжения через использование мышечной релаксации Э. Джейкобсона (создание напряжения-расслабления в организме человека) наблюдается в занятиях спортом, любых физических упражнениях. Формирование ощущения тепла-холода, которое практиковал сам И. Шульц, достигается при принятии контрастного душа, посещения бани, сауны. Механизм, заложенный в позитивной психотерапии Э. Куэ (создание позитивных образов), может активизироваться, когда человек занимается интересным делом, хобби. Следовательно, для психической саморегуляции человек может использовать непосредственно аутотренинг, но при этом не забывать, что привычные для него действия могут иметь не меньший положительный эффект.

К основным средствам восстановления, саморегуляции можно также отнести медитативные техники, общение с природой, сбалансированную активность, режим дня, массаж, рациональное питание, отдых, сон и т. д.

Существуют и другие подходы к психической саморегуляции. Саморегуляция может рассматриваться

как управление своим психоэмоциональным состоянием путем воздействия человека на самого себя с помощью слов, мысленных образов, управления мышечным тонусом и дыханием. В рамках данного направления описаны и апробированы сотни упражнений, которые может использовать человек. Р. А. Кутбиддинова подробно описывает методику работы с упражнениями на саморегуляцию в ситуации стресса, например: 1) дыхательные упражнения «7 свечей», связанные с фазами вдоха и выдоха; 2) упражнения «Инвентаризация», связанные с активизацией полушарий мозга; 3) самоприказы, самоодобрения и др. [11].

Ценность такого рода упражнений определяется тем, что эмоциональное напряжение можно снижать непосредственно в условиях стресса, например в ситуации опасности, острого конфликта, т. е. регулировать эмоции в тех ситуациях, когда они не позволяют принять правильное решение.

Систематическое использование этих достаточно простых в выполнении упражнений позволит человеку регулярно снимать эмоциональное напряжение, сохранять собственную психику в гармоничном состоянии.

Выводы

Стресс — это необъемлемая часть современной жизни. Негативные последствия стресса, эмоционального напряжения отражаются на личности человека и профессиональной деятельности. Управление стрессом через психическую саморегуляцию является важным направлением жизнедеятельности человека, необходимым условием сохранения психического (ментального) здоровья. В юридической деятельности важно уметь распознавать ситуации, носящие эмоционально напряженный характер, знать, как изменяется эмоциональная сфера человека в этих условиях. Дан-

ные изменения носят, как правило, индивидуальный характер, т. е. каждый человек в ситуации стресса реагирует по-разному, поэтому важно иметь свой набор способов саморегуляции и уметь применять методы саморегуляции в ситуациях практической профессиональной деятельности. Навык работы с собственными эмоциями позволит наиболее эффективно использовать знания и умения, необходимые для достижения положительного результата в юридической деятельности.

Область применения и перспективы. Перспективы исследований в области управления стрессом являются важным направлением юридической психологии, которые могут иметь значение для анализа реальной ситуации и практического применения при решении профессиональных проблем, связанных с эмоциональным напряжением сотрудников. С учетом повышения напряженности труда это направление может стать одним из наиболее актуальных. В качестве рекомендаций для организации эффективной юридической деятельности можно предложить следующее. Во-первых, необходимо обратить внимание сотрудников на важность управления своим эмоциональным состоянием в процессе решения профессиональных задач. Во-вторых, организовать расширение знаний сотрудников о разных подходах к управлению стрессом и использование оптимальных, наиболее подходящих в разных ситуациях методов саморегуляции. В-третьих, уметь оценивать эффект использования методов управления стрессом. Дальнейшие исследования в области управления стрессом помогут разработать подробные практические рекомендации для повышения эффективности профессиональной деятельности юристов в условиях эмоционально напряженной работы.

Список источников / References

1. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М., 2022. 368 с.
2. Селье Г. Стресс без дистресса. Рига, 1992. 109 с.
3. Гринберг Дж. С. Управление стрессом. СПб., 2002. 496 с.
4. Кермани К. Аутогенная тренировка: Эффективная техника расширения потенциала возможностей сознания и снятия стрессов. М., 2002. 448 с.
5. Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М., 2006. 528 с.
6. Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции. СПб., 2006. 256 с.
7. Каменюкин А. Г., Ковпак Д. В. Антистресс-тренинг. СПб., 2004. 192 с.
8. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М., 2011. 512 с.
9. Бильданова В. Р., Бисерова Г. К., Шагивалеева Г. Р. Психология стресса и методы его профилактики. Елабуга, 2015. 142 с.
10. Кутбиддинова Р. А. Психология стресса (виды стрессовых состояний, диагностика, методы саморегуляции). Южно-Сахалинск, 2019. 124 с.
11. Водопьянова Н. Е. Стресс-менеджмент. М., 2025. 283 с.
12. Одинцова М. А., Захарова Н. Л. Психология стресса. М., 2025. 291 с.
13. Киришбаум Э. И., Еремеева А. И. Психологическая защита. М., 2000. 181 с.
14. Бережная Н. И. Стрессоустойчивость оперативных сотрудников таможенных органов // Ежегодник Российского психологического общества : мат-лы 3-го всерос. съезда психологов : в 2 т. 25–28 июня 2003 г. СПб., 2003. Т. 1. С. 453–457.
15. Мрвич Н. В., Косорукова И. С. Проблемы профессионального выгорания у юристов. *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6, № 3. С. 204–217.

Поступила 05.07.2025; повторно: 10.05.2026; одобрена после рецензирования 10.08.2026; принята к публикации 25.08.2026.

Методологические аспекты познания личности

Methodological aspects of personality cognition

Научно-практическая статья

УДК 159.9 © Падос В. Д., Сосковец А. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-313-320

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Разработка и валидация опросника для комплексной оценки психологических особенностей межнационального контингента в условиях специальной военной операции

Виталий Дмитриевич Падос, преподаватель кафедры вооружения и стрельбы¹;

padosv@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-1580-0571>

Альберт Владимирович Сосковец, старший преподаватель кафедры психологии труда и организационной психологии²;

soskovets.albert@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2542-2592>

¹ Московское высшее общевойсковое командное училище, 109380, Москва, ул. Головачева, 2, Россия

² Омский государственный технический университет, 644050, Омск, пр-кт Мира, 11, Россия

Реферат. Введение. Представлен авторский опросник для оценки психологических особенностей межнационального контингента в условиях специальной военной операции. Цель — разработка и валидизация инструмента, позволяющего оперативно выявлять психологические риски, связанные с межкультурным взаимодействием. **Материалы и методы.** Методологической основой разработки опросника послужили модель трехкомпонентной межкультурной компетентности (3CI), шкала социальной дистанции Богардуса и адаптированные методики оценки психического состояния. Валидизация проведена на пилотной выборке 312 участников специальной военной операции (представителей 14 народов). **Результаты и обсуждение.** Инструмент включает семь диагностических блоков (60 закрытых и 4 открытые позиции), охватывающих эмоционально-эффективные, физиологические и межкультурные регуляторы психического состояния военнослужащего. Особенностью методики является применение этнокорректированных нормативов, учитывающих культурно обусловленные особенности ответов. **Выводы.** Разработанный опросник позволяет оперативно выявлять психологические риски, связанные с межкультурным взаимодействием, и рекомендуется для использования в практической деятельности военных психологов и командиров.

Ключевые слова: юридическая психология, психология безопасности, межкультурная компетентность, многонациональные воинские формирования, специальная военная операция, психологическая диагностика, этнокорректированные нормативы

Для цитирования: Падос В. Д., Сосковец А. В. Разработка и валидация опросника для комплексной оценки психологических особенностей межнационального контингента в условиях специальной военной операции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 313–320. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-313-320>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9 © Pados V. D., Soskovets A. V., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-313-320

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Development and Validation of the Questionnaire for a Comprehensive Assessment of the Psychological Features of the Interethnic Contingent in the Special Military Operation

Vitaly D. Pados, Instructor at the chair of Armament and Shooting¹; padosv@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-1580-0571>

Albert V. Soskovets, senior lecturer at the chair of Psychology of Labour and Organizational Psychology²;

soskovets.albert@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2542-2592>

¹ Moscow Higher Military Command School, 2, Golovachev st., Moscow, 109380, Russia

² Omsk State Technical University, 11, Mira pr., Omsk, 644050, Russia

Abstract. Introduction. An authors' questionnaire is presented to assess the psychological features of the interethnic contingent in the special military operation. The purpose is to develop and validate a tool, which will quickly identify psychological risks associated with intercultural interaction. **Materials and Methods.** The methodological basis for the development of the questionnaire was the model of three-component intercultural competence (3CI), the Bogardus social distance scale and adapted methods for assessing the mental state. Validation was carried out on a pilot sample of 312 participants of the special military operation (representatives of 14 nationalities). **Results and Discussion.** The tool includes seven diagnostic units (60 closed and 4 open positions), covering emotionally effective, physiological and intercultural regulators of the mental state of the military serviceman. The specifics of the methodology is the use of ethnically adjusted standards that take into account the culture-based features of the answers. **Conclusions.** The developed questionnaire makes it possible to quickly identify psychological risks associated with intercultural interaction, and is recommended for use in the practical activities of military psychologists and commanders.

Keywords: legal psychology, psychology of security, intercultural competence, multinational military units, special military operation, psychological diagnostics, ethnically adjusted standards

Citation: Pados V. D., Soskovets A. V. Development and Validation of the Questionnaire for a Comprehensive Assessment of the Psychological Features of the Interethnic Contingent in the Special Military Operation. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 3(106). Pp. 313–320 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-313-320>

Основные положения

1. Современные военные конфликты характеризуются возрастающей этнокультурной неоднородностью личного состава, что создает специфические психологические риски для боеготовности и выполнения боевых задач. В условиях специальной военной операции эти риски приобретают особую остроту, так как межкультурные различия могут влиять не только на индивидуальное психическое состояние военнослужащих, но и на эффективность взаимодействия в многонациональных подразделениях. В российской военной психологической практике отсутствуют специализированные инструменты для оперативной диагностики межкультурных аспектов взаимодействия в условиях специальной военной операции, что обосновывает актуальность разработки нового диагностического инструмента.

2. Разработанный опросник представляет собой комплексный инструмент, объединяющий оценку эмоционально-аффективных, физиологических и межкультурных регуляторов психического состояния военнослужащего. Инновационность методики заключается в применении этнокорректированных нормативов, учитывающих культурно обусловленные особенности ответов, что повышает валидность диагностики в многонациональных подразделениях. Интеграция полученных данных в визуальный профиль «транспортёр риска» обеспечивает интуитивно понятную интерпретацию результатов для командиров и психологов даже в полевых условиях.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Современные военные конфликты характеризуются возрастающей этнокультурной неоднородностью личного состава, что создает специфические психологические риски для боеготовности и выполнения боевых задач. Часто в многонациональном воинском коллективе военнослужащие впервые встречаются

с представителями той или иной национальности и в большинстве случаев оказываются не подготовленными к общению с ними. Результаты различных исследований показывают, что межнациональное общение в таком воинском коллективе требует от каждого военнослужащего преодоления дополнительных психологических трудностей [1].

Актуальность указанной проблемы подтверждается данными Министерства обороны РФ, согласно которым в современных условиях до 25 % конфликтных ситуаций в подразделениях имеют этнокультурную природу, что негативно сказывается на боеготовности и психологическом климате*. В то же время, как отмечают эксперты, в российской военной психологической практике отсутствуют специализированные инструменты для оперативной диагностики межкультурных аспектов взаимодействия в условиях специальной военной операции (далее — СВО).

Важно подчеркнуть, что в современной научной среде все большее внимание уделяется вопросам психологической устойчивости, межкультурной коммуникации и управления социальной дистанцией в условиях стресса и вооруженного конфликта. А. С. Согомонян пишет: «Острая напряженность во взаимоотношениях часто возникает между военнослужащими представителями ингушской и осетинской национальностей; армянской и азербайджанской, особенно с учетом недавних событий в Карабахе. Разобщенность внутри славянского мира на фоне последних событий на Украине и проводимой информационной войны в СМИ, мессенджерах и социальных сетях внушает тревожные опасения о возможности переноса конфликта из политического пространства на уровень межличностных отношений в воинских коллективах» [2, с. 94].

Цель — разработка и валидация авторского опросника для комплексной оценки психологических особенностей межнационального контингента в условиях СВО, позволяющего выявлять потенциальные риски,

* Министерство обороны Российской Федерации. Отчет о состоянии психологического климата в воинских частях. М., 2021. С. 45–52.

связанные с межкультурным взаимодействием и эмоциональным состоянием военнослужащих.

Новизна исследования заключается в интеграции традиционных показателей психического состояния с оценкой межкультурной компетентности и социальной дистанции в рамках единого диагностического инструмента, что позволяет комплексно оценивать психологические риски в многонациональных подразделениях.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Анализ существующих методов психологической диагностики в военной сфере показывает, что большинство инструментов ориентировано преимущественно на оценку индивидуальных показателей стрессоустойчивости и эмоционального состояния, а межкультурные аспекты взаимодействия в них учитываются недостаточно [3]. При этом исследования НАТО и других международных военных структур демонстрируют, что уровень межкультурной компетентности напрямую коррелирует с эффективностью выполнения боевых задач в многонациональных коллективах [4]. В зарубежной практике активно развиваются исследования в области межкультурной компетентности военнослужащих. Так, С. А. Thomson исследовала разработку и валидацию специального опросника для оценки межкультурной компетентности военнослужащих (3CI), выявив шесть ключевых факторов на основе интеграции данных интервью с военными экспертами и обзора гражданской литературы. Она доказала, что шкала «Культурное исследование» является значимым предиктором успешного выполнения миссий, в то время как эмпатия по-разному влияет на эффективность в условиях боевых действий, что подчеркивает различия между военным и гражданским контекстами. Проведя тест-ретестное исследование, С. А. Thomson подтвердила надежность инструмента, а также предложила его практическое применение для оценки готовности войск, разработки тренировок и повышения эффективности взаимодействия с местным населением [5]. Хотя исследование проводилось в специфическом американском военном контексте, его выводы имеют важное значение для понимания групповой динамики и оптимизации взаимодействия в многонациональных воинских формированиях, так как предлагает научно обоснованный подход к подготовке личного состава для совместной операции.

Исследования RAND Corporation также подтверждают важность учета культурных различий в многонациональных военных коллективах. Авторами отмечается, что разнообразие личного состава может стать стратегическим преимуществом при условии правильного управления и учета культурных особенностей, а также подчеркивается необходимость разработки специализированных инструментов для

оценки и управления межкультурным взаимодействием в военных условиях [6].

Российские исследования подтверждают, что межкультурная коммуникация в военной среде является основой патриотического воспитания и формирования «я-идентичности» военнослужащего. Данный процесс «характеризуется универсальностью и логичностью процесса патриотического воспитания и обучения с сохранением специфики подготовки военнослужащих для формирования компетенций, необходимых для решения задач профессиональной деятельности» [7]. Правильно управляемое этнокультурное разнообразие становится источником оперативного преимущества, развивая гибкость мышления и толерантность. Ключевую роль здесь играет коммуникативный подход к изучению иностранных языков, моделирующий реальные профессиональные ситуации. Практические формы работы, например тематические конкурсы, способствуют осмыслению миротворческой миссии и ценности человеческой жизни. Таким образом, воспитание межкультурной компетентности напрямую укрепляет сплоченность многонациональных коллективов. Эта интеграция культурного просвещения и боевой подготовки создает современный фундамент для повышения эффективности Вооруженных Сил.

Однако в российской военной психологической практике до сих пор отсутствуют специализированные инструменты, позволяющие комплексно оценивать как индивидуальные психологические показатели, так и межкультурные аспекты взаимодействия в условиях СВО. Существующие методики, такие как шкала социальной дистанции Богардуса [8], модель трехкомпонентной межкультурной компетентности (3CI) и др., разработаны преимущественно для гражданских контекстов и требуют адаптации к специфике военной службы в условиях боевых действий.

Материалы и методы

Методологической основой разработки опросника послужили следующие подходы и инструменты: модель трехкомпонентной межкультурной компетентности (3CI), шкала социальной дистанции Богардуса [8]; сокращенная форма опросника реактивной тревожности (STAI-S) [9]; методика оценки самочувствия, адаптированная из Profile of Mood States (POMS) [10]; элементы General Military Support Scale (GMSS), позволяющие учитывать восприятие социальной поддержки в воинском коллективе, что особенно значимо для исследования групповой динамики в военной среде [11]. Опросник включает семь диагностических блоков (60 закрытых и 4 открытые позиции), охватывающих эмоционально-эффективные, физиологические и межкультурные регуляторы психического состояния военнослужащего. Каждый блок привязан к конкретному диагностическому индексу (BAT, RS-7, PT-P, C³I-Σ, SUP-Δ, SDI-V, SIM-RT), а суммарная

балльная матрица автоматически визуализируется на «транспортере риска».

Этапы разработки опросника:

1. Анализ существующих методик и определение ключевых психологических конструкторов, релевантных для многонациональных воинских формирований в условиях СВО.
2. Формулирование вопросов с учетом специфики межкультурного взаимодействия и военной деятельности.
3. Пилотное тестирование на выборке из 50 участников СВО для оценки понятности формулировок и временных затрат.
4. Корректировка вопросов на основе полученных данных.
5. Проведение основного этапа валидации на пилотной выборке 312 участников СВО (представителей 14 народов).

Валидация включала оценку надежности (коэффициент альфа Кронбаха), конвергентной и дискриминантной валидности, а также анализ факторной структуры. Для учета культурно-специфических особенностей ответов была разработана система этнокорректированных нормативов.

Результаты и обсуждение

Разработка опросника для оценки психологических особенностей межнационального контингента в условиях специальной военной операции. В рамках исследования был разработан авторский опросник, предназначенный для оценки психологических особенностей межнационального контингента в условиях СВО (прил.). Инструмент рассчитан на 10–12 минут самостоятельного заполнения, он может использоваться как в бумажном, так и в цифровом формате.

Опросник построен по принципу «ладьи»: после короткого входного сегмента каждый последующий блок опирается на информацию предыдущего, что повышает точность диагностики при сохранении временных ресурсов. Структура опросника включает семь диагностических блоков, содержащих 60 закрытых позиций и 4 открытых вопроса (таб.).

Особенностью разработанного инструмента является применение этнокорректированных нормативов, что позволяет учитывать культурно обусловленные особенности ответов. Нормы формировались по принципу «малая группировка» — сначала медианно-квильное сглаживание внутри этнических подгрупп, затем приведение к общей Т-метрике. Это нивелирует культурно-социальную тенденцию к экстремальным или сдержанным ответам.

Например, для индекса ВАТ среднее значение блока 2 переводится в Т-баллы. Порог ≥ 65 сигнализирует об эмоциональной перегрузке. Однако при анализе учитывается поправка ΔE , равная разнице группового медианного ВАТ для конкретного этноса и общей медианы. Если $\Delta E > 4$ Т-балла, психолог рассматривает диспозиционную тревожность как культурно обусловленную и не инициирует немедленную ротацию.

Для индекса RS-7 суммируются нормированные ответы блока 3, при этом вводится коэффициент R_k , снижающий итоговый балл на 1,5 единицы для военнослужащих, чья родная речь не русская, учитывая выявленный языковой «переводческий шум».

Особое внимание уделяется интеграции полученных данных в единую систему. Значения индексов визуализируются в профиле «транспортер риска»: ВАТ по вертикали, C^3I -Σ по горизонтали. Правый верхний сектор (высокая тревожность плюс низкая межкультурная гибкость) маркируется красным; попадание военнослужащего в него запускает двухэтапное вмешательство — стресс-менеджмент плюс тренинг межкультурного взаимодействия.

Примеры формулировок вопросов, отражающих специфику межнационального состава военнослужащих:

Блок «Межкультурная компетентность отделения»:

— «При возникновении недопонимания я переформулирую приказ, используя слова, знакомые бойцу другой национальности;

— «Перед совместным выходом я уточняю, какие религиозные ограничения по питанию могут влиять на распределение пайков»;

Таблица. Общая структура авторского опросника
(Table. The general structure of the authors' questionnaire)

Индекс	Психологический конструктор	Метод подсчета	Диагностическое назначение
BAT (Battle Affect Total)	Эмоциональное напряжение	Среднее по пунктам блока 2	Настрой подразделения перед боевым выходом
RS-7 (Reactivity Score)	Реактивная тревожность	Сумма нормированных пунктов блока 3	Определение персон с риском панической реакции
PT-P (Physio-Trigger Positive)	Физиологические предвестники срыва	Количество пунктов блока 4 с частотой $\geq$ «часто»	Отбор на углубленный медицинский скрининг
C^3I -Σ	Межкультурная гибкость	Взвешенная сумма 3 факторов блока 5	Прогноз слаженности в смешанных экипажах
SUP-Δ	Перцепция взаимной поддержки	Среднее блока 6 минус норматив подразделения	Индикатор необходимости работы с командирами
SDI-V (Squad Distance Index)	Межэтническая дистанция	Медиана рангов блока 7	Раннее выявление скрытых группировок
SIM-RT	Вероятность симуляции	Латентное время ответа > 2 SD от моды	Улавливает попытки искажения самоотчета

— «Если сослуживец переходит на родной язык в стрессовой ситуации, я сохраняю спокойствие и прошу повторить ключевую информацию на русском».

Блок «Социальная дистанция внутри взвода»:

— «Представитель другой веры — готов ли я доверить ему личное оружие для совместного патруля?»;

— «Готов ли я принять командира младше себя по возрасту, если он принадлежит к иной этнической группе?».

Блок «Дифференциал командной поддержки»:

— «На построении командир использует примеры подвигов военнослужащих разных национальностей, подчеркивая их вклад в общее дело»;

— «При распределении поощрений учитываются реальные заслуги, а не принадлежность к конкретному землячеству».

Разработанный опросник представляет собой инновационный инструмент в области юридической психологии и психологии безопасности, ориентированный на специфику многонациональных воинских формирований в условиях СВО. Его основное преимущество перед существующими методиками заключается в комплексном подходе к оценке как индивидуального психического состояния, так и межкультурных аспектов взаимодействия в боевых условиях.

Сравнение с аналогами показывает, что существующие методы, такие как STAI-S или POMS, ориентированы преимущественно на оценку индивидуальных психологических показателей, но они недостаточно учитывают культурные различия в проявлении эмоциональных состояний [12]. В то же время специализированные шкалы межкультурной компетентности, такие как Cross-cultural Competence Inventory (3CI), разработаны для гражданских контекстов и не адаптированы к специфике военной службы в условиях боевых действий [13].

Важным достижением данного исследования является разработка этнокорректированных нормативов, позволяющих учитывать культурно обусловленные особенности ответов. Этот подход соответствует современным тенденциям в психометрии, где все большее внимание уделяется культурной адаптации психологических инструментов [14]. В частности, введение коэффициента R_k для коррекции языкового «переводческого шума» решает проблему, выявленную в исследованиях межкультурной коммуникации в многоязычных средах.

Разработанный опросник учитывает специфику соматизации стресса у разных этногрупп, что подтверждается полевыми наблюдениями. Например, у представителей северокавказских этногрупп чаще наблюдается паттерн «физиологической маски тревоги», когда при высоких показателях соматизации ($\alpha \geq 65$ T) количество физиологических триггеров (PT-P) остается умеренным (PT-P = 3).

Интеграция полученных данных в визуальный профиль «транспортёр риска» делает интерпретацию результатов интуитивно понятной даже для неподготовленных пользователей, что особенно важно в полевых условиях. Такой подход соответствует рекомендациям RAND Corporation по управлению многонациональными воинскими формированиями.

Ограничения исследования включают относительно небольшой размер пилотной выборки (312 участников) и ограниченное географическое представительство национальностей. В будущих исследованиях необходимо расширить выборку и включить представителей большего числа этнических групп, а также провести лонгитюдное исследование для оценки прогностической валидности разработанного инструмента.

Выводы

1. Разработан и валидизирован авторский опросник для комплексной оценки психологических особенностей межнационального контингента в условиях СВО, включающий семь диагностических блоков (60 закрытых и 4 открытые позиции).

2. Опросник генерирует семь диагностических индексов (BAT, RS-7, PT-P, C³I-Σ, SUP-Δ, SDI-V, SIM-RT), позволяющих оценивать как эмоционально-аффективные, так и межкультурные аспекты психического состояния военнослужащих.

3. Впервые применена система этнокорректированных нормативов, учитывающая культурно обусловленные особенности ответов, что повышает валидность диагностики в многонациональных подразделениях.

4. Интеграция полученных данных в визуальный профиль «транспортёр риска» обеспечивает интуитивно понятную интерпретацию результатов для командиров и психологов даже в полевых условиях.

5. Двухязычный интерфейс (русский + графические пиктограммы) и среднее время заполнения 10–12 минут обеспечивают корректность самоотчета в многонациональном подразделении без снижения дискриминативной способности шкал.

6. Полученные результаты вносят вклад в развитие методологии психологической диагностики в сфере безопасности и могут быть использованы для повышения эффективности управления многонациональными воинскими формированиями в условиях СВО.

Область применения и перспективы. Разработанный опросник рекомендуется к использованию в следующих областях:

1. Практическая деятельность военных психологов — для оперативной диагностики психологических рисков, связанных с межкультурным взаимодействием в многонациональных подразделениях.

2. Подбор и расстановка кадров — для оценки уровня межкультурной компетентности военнослужащих.

жащих при формировании многонациональных подразделений.

3. Психологическая подготовка личного состава — для выявления групп риска и организации целевых тренингов по межкультурной коммуникации.

4. Оценка эффективности психологических программ — для мониторинга изменений в межкультурной компетентности до и после проведения тренингов.

Планируется расширение выборки для увеличения репрезентативности этнических групп; проведе-

ние лонгитюдного исследования для оценки прогностической валидности разработанного инструмента; адаптация опросника для использования в других экстремальных профессиях (в МЧС, правоохранительных органах и специальных службах); разработка мобильного приложения для упрощения процедуры заполнения и анализа результатов в полевых условиях; интеграция с системами искусственного интеллекта для автоматизированной интерпретации результатов и генерации рекомендаций.

Список источников / References

1. Назаров Г. Ю. Социально-психологическая адаптация военнослужащих в условиях межкультурного взаимодействия // Пензенский психологический вестник. 2019. № 2(13). С. 2–8.
2. Согомонян А. С. Типология межэтнических взаимодействий в воинских коллективах военнослужащих по призыву // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 3(848). С. 93–99.
3. Van de Vijver F. J. R., Leung K. Methods and Data Analysis for Cross-Cultural Research. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1997. 186 p.
4. Earley P. C., Mosakowski E. Creating hybrid team cultures: an empirical test of transnational team functioning. *Academy of Management Journal*. Briarcliff Manor, NY. 2000. Vol. 43. No. 1. Pp. 26–38.
5. Thomson C. A. Development and Validation of the Cross-cultural Competence Inventory [PhD dissertation]. University of Central Florida. Orlando (FL), 2010. 181 p. URL: <https://stars.library.ucf.edu/etd/1685> (дата обращения: 12.11.2025).
6. Burke C. S., & Durning A. M. Leveraging Diversity for Military Effectiveness: Diversity, Inclusion and Belonging in the UK and US Armed Forces. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2022. 172 p.
7. Даниленко И. Р., Некрасова Т. В. Межкультурная коммуникация как основа военно-патриотического воспитания курсантов // Наследие святого князя Александра Невского. 2021. № 1(10). С. 160–165.
8. Bogardus E. S. A Social Distance Scale. *Sociology and Social Research*. 1933. Vol. 17, № 3. Pp. 265–271.
9. Spielberger C. D. State-Trait Anxiety Inventory (STAI). The Corsini Encyclopedia of Psychology. 4th ed. / Eds. I. B. Weiner, W. E. Craighead. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2010. Pp. 1698–1699.
10. McNair D. M., Lorr M., Droppleman L. F. Profile of Mood States (POMS): Manual. San Diego, CA: Educational and Industrial Testing Service, 1992. 58 p.
11. Sundberg R., Ruffa C. Measurements for the institutional cohesion dimension of the standard model of military group cohesion. *Military Psychology*. 2021. Vol. 33, No. 2. Pp. 92–103.
12. Van de Vijver F. J. R., Leung K. Methods and data analysis for cross-cultural research. Newbury Park: Sage Publications. 1997. 186 p.
13. Earley P. C., Mosakowski E. Creating hybrid team cultures: an empirical test of transnational team functioning. *Academy of Management Journal*. 2000. Vol. 43, No. 1. Pp. 26–49.
14. Van de Vijver F. J. R. Methodological issues in the assessment of cultural differences. Cross-cultural research at the crossroads: Multidisciplinary perspectives on the changing world. New York. 2003. Pp. 25–50.

Приложение

Опросник психического состояния и межкультурной совместимости военнослужащих в условиях специальной военной операции

Инструкция для обследуемого	
Заполнение занимает около десяти минут. Отвечайте честно; индивидуальные результаты доступны только специалисту-психологу. Отметьте один вариант в каждой строке, если не указано иное	
Блок 1. Служебный и этнокультурный профиль (6 пунктов)	
1. Военное звание: ☐ рядовой ☐ сержант ☐ офицер	
2. Срок участия в СВО (месяцев) ____	
3. Национальная принадлежность (самоопределение) _____	
4. Родной язык _____	
5. Второй язык, на котором свободно общаюсь _____	
6. Род подразделения ☐ мотострелки ☐ артиллерия ☐ спецназ ☐ связь ☐ другой _____	
Блок 2. Боевое самочувствие (10 утверждений)	
Шкала 1–5: 1 — совсем не ощущаю, 5 — крайне выражено	
1. Чувствую внутреннее напряжение	
2. Раздражение растёт быстрее обычного	

3. Уверенность в своих силах сохраняется	
4. Мысли путаются	
5. Сон приносит полноценный отдых	
6. Появляется чувство усталости уже к полудню	
7. Легкость в принятии решений остается	
8. Настроение близко к подавленному	
9. Интерес к повседневным делам не пропадает	
10. Отмечаю снижение бодрости по утрам	
Блок 3. Индекс реактивной тревожности (8 утверждений)	
<i>Шкала 1–7: 1 — совсем нет, 7 — чрезвычайно</i>	
1. Испытываю страх потерять контроль	
2. Возникает дрожь в руках	
3. Сохраняю спокойствие (обратное утверждение)	
4. Легко вздрагиваю от резкого звука	
5. Внутри ощущается тяжесть	
6. Способен действовать хладнокровно (обратное)	
7. Чувство тревоги накатывает внезапно	
8. Сердцебиение учащается без видимой причины	
Блок 4. Психофизиологические триггеры (6 симптомов)	
<i>Как часто за последнюю неделю? 0 — ни разу, 1 — редко, 2 — иногда, 3 — часто, 4 — почти постоянно</i>	
1. Головокружение	
2. Приступы резкой слабости	
3. Потливость без нагрузки	
4. Боли в груди	
5. Звон в ушах	
6. Ощущение «ватных» ног	
Блок 5. Межкультурная компетентность отделения (12 утверждений)	
<i>Шкала 1–5: 1 — совершенно не согласен, 5 — полностью согласен</i>	
1. Легко понимаю шутки сослуживцев иной национальности	
2. Замечаю, когда слова товарища теряются из-за акцента	
3. Переход на другой язык не сбивает меня с толку	
4. В конфликте стараюсь учесть культурные различия сторон	
5. Охотно спрашиваю о традициях коллеги иной культуры	
6. Способен объяснить приказ, используя примеры из другой культуры	
7. При напряжении ориентируюсь на общие для всех ценности подразделения	
8. Обращаю внимание на невербальные сигналы (жесты, мимику) собеседника	
9. Спокойно воспринимаю необычные бытовые привычки товарища	
10. Готов выступить медиатором между землячествами	
11. Умею менять стиль речи, чтобы быть понятнее	
12. Считаю различие культур ресурсом при выполнении задачи	
Блок 6. Командная поддержка (8 утверждений)	
<i>Шкала 1–5: 1 — решительно не согласен, 5 — полностью согласен</i>	
1. Командир обращается ко всем беспристрастно	
2. Старшие по званию открыты для обратной связи	
3. Взвод проявляет солидарность при трудностях	
4. Ошибки разбираются без унижения	
5. Помощь раненому товарищу оказывается оперативно	
6. Поощрения распределяются справедливо	
7. Информация о рисках доводится своевременно	
8. Критика воспринимается конструктивно	

Блок 7. Социальная дистанция внутри взвода (10 строк)	
Для каждой строки расставьте ранг 1–7, где 1 — «как родного брата, прикрою первым», 7 — «лучше держаться в стороне». Если группы с указанным признаком нет, оставьте пусто.	
1. Представитель большинства взвода	
2. Представитель моей национальности	
3. Представитель другой национальности, с которой имею общий язык	
4. Представитель другой национальности, языка которого не знаю	
5. Служивец иной веры	
6. Служивец, говорящий на диалекте	
7. Служивец, чьи традиции питания отличаются	
8. Недавно прибывший новобранец	
9. Женщина-военнослужащий	
10. Старший по званию иной национальности	
Блок 8. Открытые ответы (4 вопроса)	
1. Что в поведении сослуживцев сильнее всего помогает Вам оставаться спокойным?	
2. Какие различия в быту вызывают наибольшее напряжение?	
3. Опишите прием, который каждый из нас может применить для повышения взаимного доверия	
4. Замечания или предложения по улучшению условий службы	

Схема подсчета индексов

Подробные формулы приведены в ключе для психолога.
 BAT — среднее значение блока 2, переведенное в Т-баллы.
 RS-7 — сумма нормированных ответов блока 3 (обратные утверждения реверсируются).
 PT-P — количество симптомов блока 4 с частотой ≥ 3 .
 C³I-Σ — взвешенная сумма пунктов блока 5 (метакогниция 40 %, саморегуляция 30 %, социальная инициатива 30 %).
 SUP-Δ — среднее блока 6 минус норматив подразделения.
 SDI-V — медиана рангов блока 7.
 SIM-RT — определяется автоматизированной формой: ответы с латентным временем > двух стандартных отклонений от моды помечаются.

Оценочные пороги (для взрослого состава)

Индекс	Зеленая зона	Желтая зона	Оранжевая зона	Красная зона
BAT (Т)	≤ 55	56–64	65–74	≥ 75
RS-7	≤ 22	23–28	29–34	≥ 35
PT-P (шт.)	0–1	2	3	≥ 4
C ³ I-Σ	≥ 48	41–47	34–40	≤ 33
SUP-Δ	≥ 0	–0,1...–0,5	–0,6...–1,0	$< -1,0$
SDI-V	≤ 3	4	5	≥ 6
SIM-RT	0	1	2	≥ 3

Примечание. При попадании любого показателя в оранжевую или красную зону психолог проводит уточняющее интервью; если три показателя и более находятся в оранжевой зоне и выше, рекомендуется срочная ротация и дополнительное медико-психологическое обследование.

Поступила 12.08.2025; одобрена после рецензирования 14.10.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 378.147 © Мельников В. И., Баданов А. А., 2026

doi: 10.24412/1999-6241-2026-3106-321-327

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Определение психологического климата в коллективах

Владимир Иванович Мельников, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии управления¹; mvi-377@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0725-134X>

Александр Анатольевич Баданов, кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры робототехники и противодействия робототехническим комплексам (системам), математики и информатики²; badasan@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-4007-3670>

¹ Сибирский государственный университет путей сообщения, 630049, Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, 191, Россия

² Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2, Россия

Реферат. Введение. Цель — разработать технологию оценки психологического климата в коллективах на основе применения методики Фидлера, социометрии и U-критерия Манна-Уитни с использованием компьютерных практикумов, выполненных в MS Excel. **Материалы и методы.** Для оценки психологического климата использовались методика Фидлера в качестве основной и метод социометрии как дополнительный метод в оценке психологического климата. Методом социометрии вычислялся индекс групповой сплоченности, выявлялся социометрический статус каждого обследуемого, а также взаимоотношения в группе. U-критерий Манна-Уитни применялся для установления различий выборок по уровню выраженности десяти признаков психологического климата в коллективах, определенных по методике Фидлера. **Результаты и обсуждение.** Для исследования психологического климата в коллективах были выбраны две группы одного из факультетов университета г. Новосибирска. По десяти психологическим признакам методики Фидлера оценивалась структура психологического климата коллектива. Методом социометрии выяснялись оценка групповой сплоченности и взаимоотношения среди обследуемых групп. Посредством U-критерия Манна-Уитни выявлены статистические различия психологических климатов коллективов, определенных методикой Фидлера. **Выводы.** Разработанная технология оценки психологического климата коллектива с применением методики Фидлера способствует надежной оценке данного показателя.

Ключевые слова: методика Фидлера, психологический климат, компьютерный практикум, социометрия

Для цитирования: Мельников В. И., Баданов А. А. Определение психологического климата в коллективах // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 321–327. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-321-327>

Scientific and Practical Article

UDC 378.147 © Mel'nikov V. I., Badanov A. A., 2026

doi: 10.24412/1999-6241-2026-3106-321-327

5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

Survey of the Psychological Climate in Teams

Vladimir I. Mel'nikov, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Social Psychology of Management¹; mvi-377@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0725-134X>

Alexandr A. Badanov, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, chief of the chair of Robotics and Counteraction to Robotic Complexes (Systems), Mathematics and Informatics²; badasan@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-4007-3670>

¹ Siberian State Transport University, 191, Dusi Kovalchuk st., Novosibirsk, 630049, Russia

² Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of Troops of the National Guard of the Russian Federation named after Army General I. K. Yakovlev, 6/2, Klyuch-Kamyshenskoye plateau st., Novosibirsk, 630114, Russia

Abstract. Introduction. The goal is to develop a technology for assessing the psychological climate in teams based on the use of the Fiedler technique, sociometry and the Mann-Whitney U-test using computer workshops performed in MS Excel. **Materials and Methods.** To assess the psychological climate, Fiedler's method was used as the main one and the sociometry method as an additional method in assessing the psychological climate. By the method of sociometry, the group cohesion index was calculated, the sociometric status of each respondent was revealed, as well as relationships in the group. The Mann-Whitney U-test was employed to establish the differences in samples by the level of intensiveness of ten signs of the psychological climate in teams determined by the Fiedler method. **Results and Discussion.** To study the psychological climate in the teams, two groups of one of the faculties of the University of Novosibirsk were selected. According to ten psychological features of Fiedler's methodology, the structure of the psychological climate of the team was assessed. By the method of sociometry, the assessment of group cohesion and relationships among the groups under examination were clarified. By the Mann-Whitney U-test, statistical differences in the psychological climates of collectives determined by Fiedler's method were revealed. **Conclusions.** The developed technology for assessing the psychological climate of the team using the F. Fiedler methodology contributes to a reliable assessment of this indicator.

Keywords: Fiedler method, psychological climate, computer workshop, sociometry

Citation: Mel'nikov V. I., Badanov A. A. Survey of the Psychological Climate in Teams. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 3(106). Pp. 321–327 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-321-327>

Основные положения

1. Компьютерные практикумы — это компьютерные авторские программы в MS Excel, объемом не более 100 Кб, которые могут устанавливаться на любой компьютер и способствовать обработке примененных методик с представлением ее результатов в виде таблиц и графиков.

2. Компьютерный практикум способствует определению индекса групповой сплоченности коллектива, социометрического статуса каждого обследуемого, взаимоотношений среди членов коллектива и проверке статистической гипотезы о различии выборок (двух распределений психологических признаков, измеренных по методике Ф. Фидлера в двух коллективах), представлению статистических выводов в виде текста и рисунка.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Психологический климат коллектива — это «устойчивое состояние его внутренних связей, которое проявляется в эмоционально-этическом настроении коллектива, его результатах деятельности, формировании общественного мнения» [1, с. 241]. Уровень психологического климата влияет на результаты деятельности работников, поэтому следует его точно измерить с применением информационных технологий для дальнейшей работы психологов в целях организации его поддержания на должном уровне или его улучшения [2].

Методики по измерению психологического климата коллектива имеются, но отсутствуют наборы методик (батареи методик) по оценке психологического климата коллективов. Недостаточно изучена проблема по определению статистической гипотезы о различии психологических климатов в разных коллективах по признакам методики Ф. Фидлера.

Цель — разработать технологию оценки психологического климата в коллективах на основе применения методики Фидлера, социометрии и U-критерия Манна-Уитни с использованием компьютерных практикумов, выполненных в MS Excel.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Считается, что первым термин «психологический климат» применил Н. С. Мансуров и указал, что это эмоциональная окраска психологических связей членов коллектива, возникающая на основе симпатии, совпадения характеров, интересов, склонностей [3]. В. В. Бойко с соавторами определяет социально-психологический климат как результат совместной деятельности людей, их межличностного взаимодействия, проявляющийся в групповых эффектах как настроение и мнение коллектива, индивидуального самочувствия и оценки условий жизни и профессиональной деятельности работника и коллектива [4]. И. Г. Морчиладзе, М. М. Соколов не разделяют понятия «социально-психологический климат» и «психологи-

ческий климат» [5]. Г. А. Виноградова приводит определение понятиям эмоционально-психологический, социально-психологический и нравственно-психологический климат [6]. В. В. Жовтоножко провел исторический анализ термина «социально-психологический климат» [7]. Американский ученый М. Армстронг определяет климат как относительно устойчивый набор ощущений, испытываемых членами организации по поводу характеристик и качества культуры организации [8]. По мнению американского психолога Р. Татжури, климат — относительно устойчивое качество внутренней среды организации, которое чувствуется членами этой организации, влияет на их поведение, может быть описано в ценностных понятиях, принятых организацией [9]. Как полагают М. Топрак и М. Каракуш, психологический климат измеряется на индивидуальном уровне и относится к когнитивной оценке работниками рабочей среды [10]. В результате анализа литературы для обозначения групповых эффектов, проявляющихся при совместной профессиональной деятельности работников, применяются понятия «психологическая атмосфера», «психологический климат», «нравственная атмосфера», «морально-психологический климат», «социально-психологический климат» и др. [4].

Влиянию психологического климата на эффективную работу производственных и силовых структур уделяли внимание М. В. Алюшин, Л. В. Колобашкина, В. М. Алюшин [11], О. В. Остапенко, Н. Р. Аблязов [12], Е. А. Соколов, В. И. Мельников, Е. В. Соколова [13–15] и др.

В работах названных ученых говорится, что улучшение психологического климата является резервом для повышения групповой деятельности; слаженность и уровень взаимодействия в коллективе служат важным фактором, влияющим на надежность и безаварийность функционирования потенциально опасных объектов; для снижения психоэмоционального перенапряжения необходимо создание благоприятного социально-психологического климата в коллективе; следует формировать коллективы с учетом психологической совместимости; а также рассматривается благоприятный социально-психологический климат в группе с точки зрения особенностей, стиля взаимоотношений людей в процессе непосредственного контакта, характера межличностных отношений.

Психологический климат в производственных коллективах изучали психологи Е. Л. Пожарская, Н. А. Дебердеева, Л. В. Шукшина [16], О. И. Крушельницкая, А. Н. Третьякова [17], Н. Е. Ширинская [18] А. А. Русалинова [19], Р. С. Немов [20], А. Н. Лутошкин [21] и др.

Большинство из авторов сходятся в том, что изучение климата в коллективе невозможно без исследования механизмов совместимости, срабатываемости и межличностной привлекательности конкретных

работников, анализа документов по производственной деятельности. Для изучения психологического климата предлагают использовать методики наблюдения; интервью с руководителем группы и представителями общественных организаций; анкетирования производственной группы; методику Фидлера; методику Л. Н. Лутошкина; социометрию с определением индексов групповой оценки по каждому выбранному показателю; экспериментальное исследование психологического климата в коллективе с применением метода группового решения задач; выбор цветовых предпочтений как прием эмпирического изучения психологического климата коллектива. Приводятся примерные варианты социометрического изучения личных избирательных отношений в производственной группе. В целях обработки результатов по изучению психологического климата рекомендуется составлять матрицу данных (таблицу) социометрического опроса для определения индексов оценки каждого работника.

Таким образом, в доступной литературе предлагаются бланковые методики исследования социометрического статуса коллектива, однако мы не обнаружили специальных практикумов для оперативной обработки результатов исследования психологического климата в коллективах с выборкой до 100 и более человек.

Материалы и методы

Для оценки психологического климата применялись две методики: в качестве основной методика Фидлера и как дополнительный метод социометрии в оценке психологического климата. После обследования всех членов коллектива создается усредненный профиль, определяющий психологический климат в коллективе.

Методом социометрии вычислялся индекс групповой сплоченности, социометрический статус каждого обследуемого, выявлялись взаимоотношения в группе. Метод социометрии применялся как дополнительный метод в оценке психологического климата и для увеличения надежности оценки.

U-критерий Манна-Уитни использовался для подтверждения гипотезы о различии выборок по уровню выраженности десяти признаков психологического климата, определенных по методике Фидлера в двух коллективах.

Методика Ф. Фидлера применялась для оценки психологического климата в коллективе и проверки статистической гипотезы о различии показателей двух психологических климатов коллективов, представляемых десятью психологическими признаками в каждом. После обследования всех членов коллектива создавался усредненный профиль психологического климата в коллективе.

Анализ всех трех методик осуществлялся компьютерными практикумами, которые способствуют обработке бланков обследуемых лиц.

Результаты и обсуждение

Измерение психологического климата студенческого коллектива производилось с применением методики Фидлера и метода параметрической социометрии. Для сравнения десяти психологических признаков у различных студенческих групп методом Фидлера применялся U-критерий Манна-Уитни в целях определения различий этих выборок [22].

Бланк методики Фидлера с психологическими признаками приведен в таблице 1.

Таблица 1. Бланк методики Фидлера для определения психологической атмосферы в коллективе с выделенными оценками признаков одним обследуемым (пример)
(Table 1. Fiedler method form for determining the psychological atmosphere in a team with selected assessments of features by one respondent (example))

Признак	1	2	3	4	5	6	7	8	Признак
Дружелюбие			*						Враждебность
Согласие		*							Несогласие
Удовлетворенность			*						Неудовлетворенность
Продуктивность		*							Непродуктивность
Теплота			*						Холодность
Сотрудничество		*							Рассогласованность
Взаимоподдержка			*						Недоброжелательность
Увлеченность		*							Равнодушие
Занимательность			*						Скука
Успешность		*							Безуспешность

В таблице 1 расположены противоположные по смыслу пары слов, способствующих оценке психологической атмосферы в коллективе. Обследуемый должен выделить любым знаком справа или слева слово, обозначающее психологический признак в коллективе.

Ответ по каждому из 10 пунктов оценивается слева направо от 1 до 8 баллов. Чем ниже балл, тем благоприятнее психологическая атмосфера в коллективе.

Итоговый показатель находится в диапазоне от 10 (очень высокий уровень психологической атмосферы) до 80 баллов (очень низкий уровень). Индивидуальные и усредненные результаты группы представляются в виде таблицы и лепестковой диаграммы [23].

Дополнительным методом для измерения психологического климата в группе был выбран метод параметрической социометрии, для обработки которого, как и для методики Фидлера, были применены соответствующие компьютерные практикумы. Компьютерный практикум — «это компьютерная программа, выполненная в MS Excel, способствующая обработке сложной социометрической процедуры» [24, с. 4].

Параметрический метод социометрии предполагает выбор обследуемыми по заданным количественным критериям других членов коллектива [25, с. 274].

Обучающимся из исследуемой группы были даны социометрическая анкета и список социометрической группы, где указано, что против своей фамилии никаких отметок не нужно делать.

Каждый обучающийся должен был ответить на три вопроса социометрической анкеты:

1. С кем Вы хотели бы пойти в трудный туристический поход?

2. С кем Вы хотели бы провести свободное время (сходить в кино, на прогулку и т. д.)?

3. К кому Вы обратитесь за помощью по учебе?

Обследуемый должен был определить свое отношение к другим членам группы по каждому вопросу цифрами: «1» — положительный выбор; «2» — не определился с выбором; «3» — отрицательный выбор (не выбираю данного человека). После проведения социометрической процедуры все результаты обрабатывались при помощи компьютерного практикума «Социометрическая оценка групповой сплоченности».

Компьютерный практикум рассчитывал социометрические индексы:

1. Персональный социометрический статус обучающегося по формуле:

$$C_i = \frac{P_i - O_i}{N - 1} \times 100 \%, \quad (1)$$

где P_i — число положительных выборов, полученных i -м членом коллектива; O_i — число отрицательных выборов, полученных i -м членом коллектива; N — количество членов группы.

2. Социометрический индекс групповой сплоченности (референтности) определялся по формуле:

$$R = \frac{K_{ВП}}{K_{П}}, \quad (2)$$

где $K_{ВП}$ — количество взаимных положительных связей (выборов); $K_{П}$ — количество положительных выборов.

На каждого обучающегося представлялась таблица, в которой отражались выявленные взаимоотношения во всей группе (табл. 2).

Таблица 2. Социометрическая информация по студенту «Фамилия-1»

(Table 2. Sociometric information on the student "Surname-1")

Анализ по «Фамилия-1» Социометрический статус = 25 %							
	Вопросы				Вопросы		
Получил оценки	«1»	«2»	«3»	Оценил других	«1»	«2»	«3»
Получил 1	4	2	7	Сделал 1	4	4	2
Получил 2	7	7	3	Сделал 2	2	3	3
Получил 3	1	3	2	Сделал 3	6	5	7
Фамилия-1	<+>	Фамилия-6; Фамилия-8					
	<+>	Фамилия-4; Фамилия-6; Фамилия-8; Фамилия-13					
	+>	Фамилия-5; Фамилия-6; Фамилия-8; Фамилия-11					
	<- ->	Фамилия-12					
	<- -	Фамилия-12					
	- ->	Фамилия-2; Фамилия-3; Фамилия-4; Фамилия-7; Фамилия-12; Фамилия-13					

Из таблицы 2 видно, что социометрический статус студента «Фамилия-1» положителен и равен 25 %. Так как социометрический статус обследуемого может находиться в диапазоне от -100 % до 100 %, то вычисленный социометрический статус обследуемого

«Фамилия-1» по формуле 1 способствует определению, что с ним пойдут отдельные студенты в трудный туристический поход, он пользуется уважением в группе.

Из этой таблицы можно определить взаимные отношения студента «Фамилия-1» с другими членами группы с использованием специальных знаков, выводимых компьютерным практикумом:

— выбрали друг друга для осуществления трудного туристического похода студенты, обозначенные знаком <+>;

— выбрали анализируемого студента другие студенты, которые обозначены в строке выбора знаком <+>;

— анализируемый студент выбрал для похода студентов, обозначенных в строке знаком <+>;

— в строке, обозначенной знаком <- ->, определяется взаимный невыбор для осуществления туристического похода, нет фамилий;

— знак <- -> обозначает фамилии студентов, не желающих идти в туристический поход со студентом «Фамилия-1»;

— знак - -> указывает, с кем не хочет идти в туристический поход студент Фамилия-1.

Для полного анализа всех ответов обучающихся группы компьютерный практикум представляет таблицу данных с оценками по трем задаваемым вопросам, какие выборы сделали обучающиеся и какие оценки они получили.

Изучив такие данные, можно выявить взаимоотношения обучающихся, определить лиц, к кому они тянутся в целях эффективного отдыха, кто из них способен оказать помощь в получении новых знаний, уяснении нового учебного материала.

В таблице 3 представлен фрагмент полной таблицы данных, который включает двух студентов с результатами, как они оценили других студентов и как студенты группы оценили этих студентов по вопросу 1.

Таблица 3. Социометрический статус и результаты обследуемых студентов (пример)

(Table 3. Sociometric status and results of examined students, (example))

Фамилия И. О.	Социометрический статус	1-й вопрос «С кем Вы пошли бы в трудный туристический поход?»					
		получил оценки			выбрал		
		«1»	«2»	«3»	«1»	«2»	«3»
1. Фамилия-1	25,00 %	4	7	1	4	2	6
2. Фамилия-3	0,00 %	3	6	3	12	0	0

Из таблицы 3 видно, какое количество выборов («1»; «2»; «3») сделали обучающиеся и какое количество таких оценок они получили от членов группы.

Например, студент «Фамилия-1» по социометрическому вопросу 1 «С кем Вы пошли бы в трудный туристический поход?» получил оценки:

- «1» — 4 выбора, т. е. с ним идут в туристический поход четыре человека;
- «2» — 7 выборов, т. е. семь человек не определились по совместному туристическому походу с ним;
- «3» — 1 выбор, т. е. с ним не желает идти в туристический поход один человек.

Сам он выбрал четырех человек для осуществления туристического похода (сделал «1» — 4 выбора); по кандидатурам двух человек он не определился для похода с ними в туристический поход («2» — 2 выбора); не желает идти в туристический поход с шестью членами группы («3» — 6 выборов, определяющих, что он не желает идти в поход с шестью студентами).

Компьютерный практикум определяет результаты обследуемых лиц по второму и третьему вопросам социометрического обследования, представляя данные для психологической оценки студенческой группы, вычисляет и социометрический индекс групповой сплоченности по формуле 2.

Для определения психологического климата в коллективах были выбраны две группы одного из факультетов университета: П-1 (17 чел.), П-2 (13 чел.). Обследовались все студенты групп, т. е. выборка была сплошная, методикой Фидлера и методом социометрии. Результаты проведенного обследования по методике Фидлера и методу социометрии сведены в таблицу 4.

Таблица 4. Усредненные результаты двух групп студентов по признакам методики Фидлера и метода социометрии
(Table 4. Averaged results of two groups of students according to Fiedler's method and sociometry method)

Показатели	Учебные группы	
	П-1	П-2
Количество анкет	12	10
1. Дружелюбие-враждебность	2,10	2,40
2. Согласие-несогласие	2,70	2,90
3. Удовлетворенность-неудовлетворенность	2,50	2,80
4. Продуктивность-непродуктивность	2,60	3,40
5. Теплота-холодность	3,00	3,10
6. Сотрудничество-рассогласованность	3,05	2,75
7. Взаимоподдержка-недоброжелательность	2,30	3,20
8. Увлеченность-равнодушие	2,85	4,40
9. Занимательность-скука	3,15	4,10
10. Успешность-безуспешность	2,00	2,95
Итого:	26,25	32,00
Социометрический индекс групповой сплоченности	0,35	0,25

Как следует из таблицы 4, итоговая оценка психологического климата, определенная по методике Фидлера, в студенческой группе П-1 равна 26,25 балла; П-2 — 32,00 балла. Так как итоговая оценка психологического климата коллектива по Фидлеру может находиться в диапазоне от 10 до 80 баллов, следовательно, психологический климат в указанных группах можно оценить как хороший, благожелательный. Лучше психологический климат из двух групп в группе П-1,

поскольку итоговый показатель по методике Фидлера данной группы равен 26,25 балла, что меньше показателя группы П-2, равного 32,00 балла.

Из данных таблицы 4 видно, по каким психологическим признакам отличаются рассматриваемые студенческие коллективы. Например, признак «увлеченность-равнодушие» лучше в группе П-1 (2,85 балла), чем в группе П-2 (4,40 балла), так как чем меньше балл, тем более выражен уровень «увлеченность».

Кроме того, социометрический индекс групповой сплоченности в группе П-1, равный 0,35 балла, выше, чем в студенческой группе П-2, равный 0,25 балла. Так как социометрический индекс определяет отношение количества взаимных положительных выборов к количеству положительных выборов, следовательно, в студенческой группе П-1 больше студентов, относящихся друг к другу с взаимным уважением, стремящихся оказать помощь друг другу, по сравнению с коллективом П-2. Таким образом, психологический климат в группе П-1 лучше, чем в группе П-2, о чем можно судить на основании двух примененных методик — методики Фидлера и метода социометрии.

Проверим гипотезу о том, что эти распределения показателей признаков по методике Фидлера для групп П-1 и П-2 существенно отличаются друг от друга. Поскольку показателей признаков мало (в каждой выборке всего по 10), поэтому применим U-критерий Манна-Уитни для сравнения этих двух независимых выборок.

Для этих целей воспользуемся компьютерным практикумом «U-критерий Манна-Уитни», в который введем показатели признаков по методике Фидлера для П-1 и П-2, приведенных в таблице 4. Результаты сравнения показателей двух независимых выборок представляются компьютерным практикумом «U-критерий Манна-Уитни» в виде рисунка.

Из рисунка видно, что рассчитанный показатель Уэмп, равный 22 баллам, находится в зоне значимости $p < 0,05$, следовательно, принимается гипотеза H_1 о наличии различий и отклонений H на уровне выше $p < 0,05$.

Следовательно, два определенных психологических климата в коллективах П-1 и П-2 существенно отличаются друг от друга и выше уровня $p < 0,05$, поэтому влияние психологического климата на обучение в студенческой группе П-1 значительно существеннее, чем в студенческой группе П-2. Это подтверждено показателями по обучению студентов в группах, которые существенно ниже в группе П-2, чем в группе П-1.

Обработка вручную проведенного исследования с применением указанных трех методик за короткий период очень затруднительна, ранее она заняла бы значительное время, к ней были бы привлечены и специалисты-математики.

Зона незначимости (H_0)		Значимость H_1 , отклонение H_0 ($P \leq 0,05$)		Зона значимости (H_0)	
$P > 0,05$		0,05		0,01	$P < 0,01$
		$\cup$		$\cap$	
$U_{ЭМП.}$		$U_{КР-1}$		$U_{КР-2}$	$U_{ЭМП.}$
		23		16	
		—		—	
			$U_{ЭМП.}$		
			22		

Рис. Вид зон значимостей с показом результатов обработки различий выборок, представляемых компьютерным практикумом «U-критерий Манна-Уитни»

(Fig. Type of significance zones showing results of processing differences in samples submitted by the "U-criterion Mann-Whitney" computer workshop)

Таким образом, проведенная работа направлена на изучение характеристик группы лиц для составления коррекционной и развивающей работы психолога [26]. Полученные результаты будут способствовать более эффективной деятельности сотрудников психологической службы [27]. Полагаем, в настоящее время применение цифровых технологий в образовании поможет специалисту-психологу в обработке и интерпретации результатов психологических исследований в короткое время с большой точностью и надежностью [28]. Выявление уровня психологического климата коллектива будет способствовать более эффективной воспитательной и психологической работе с членами коллектива, формированию у них лояльности к организации [29].

Выводы

1. Методика оценки психологического климата коллектива с применением методики Ф. Фидлера

и метода социометрии способствует более надежной оценке данного показателя.

2. Компьютерный практикум по обработке методики Ф. Фидлера способствует обработке бланков методики трех коллективов до ста человек в каждом и представлению результатов в виде таблицы и лепестковой диаграммы.

Область применения и перспективы. Внедрение методики оценки психологического климата сотрудников организации будет способствовать оперативной оценке показателя психологического климата, улучшению управления сотрудниками и коллективом. Методика оценки психологического климата в коллективах с использованием компьютерных практикумов, выполненных в MS Excel, может в дальнейшем быть полезной психологам, изучающим психологический климат в коллективе.

Список источников / References

- Кибанов А. Я. Основы управления персоналом : учебник. М., 2008. 447 с.
- Информационные технологии в менеджменте (управлении) : учебник и практикум для вузов / под ред. Ю. Д. Романовой. М., 2025. 467 с.
- Мансуров Н. С. Морально-психологический климат и его изучение. М., 2004. 235 с.
- Бойко В. В., Ковалев А. Г., Панферов В. В. Социально-психологический климат коллектива и личность. М., 1983. 207 с.
- Морчиладзе И. Г., Соколов М. М. Душевные основы инженерной педагогики : монография. М., 2012. 368 с.
- Виноградова Г. А. Теоретические основы формирования нравственно-психологического климата в профессионально-педагогических коллективах : дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1998. 343 с.
- Жовтоножко В. В. Исторический анализ термина «социально-психологический климат» в отечественной науке // Власть. Общественно-политический журнал. 2016. № 3. С. 163–167.
- Армстронг М. МБА. Практика управления человеческими ресурсами. 10-е изд. Серия «Классика МБА» / пер. с англ. И. Малкова. СПб., 2012. 846 с.
- Tagiuri R. Executive climate.-In: Tagiuri R., Litwin G. H. Organizational climate: exploration of a concept. Gambridge, 1968. Pp. 11–32.
- Toprak M., & Karakuş M. Psychological Climate in Organizations: A Systematic Review. *European Journal of Psychology and Educational Research*. 2018. Pp. 45–60.
- Алюшин М. В., Колобашкина Л. В., Алюшин В. М. Система автоматизированного мониторинга психоэмоционального состояния обучающихся // Вопросы психологии. 2016. № 5. С. 145–153.
- Остапенко О. В., Аблязов Н. Р. Влияние социально-психологического климата на здоровье человека // Безопасность жизнедеятельности. 2018. № 1(205). С. 3–6.
- Соколов Е. А., Мельников В. И. Стратегия преодоления стресса в экстремальных ситуациях : монография. Новосибирск, 2006. 368 с.
- Соколов Е. А., Мельников В. И. Формирование психологической готовности личности к действиям в экстремальных условиях : монография. Новосибирск, 2008. 388 с.
- Соколов Е. А., Соколова Е. В., Мельников В. И. Профилактика и коррекция психической напряженности личности : монография. Новосибирск, 2005. 220 с.
- Пожарская Е. Л., Дебердеева Н. А., Шукина Л. В. Межличностные отношения и социально-психологический климат в трудовом коллективе // Проблемы теории и практики управления. 2020. № 11. С. 216–225.

17. Крушельницкая О. И., Третьякова А. Н. Социально-психологический тренинг как инструмент адаптации первокурсников. *Alma mater // Вестник высшей школы*. 2015. № 6. С. 116–120.
18. Ширинская Н. Е. Специфика групповых процессов и поведения личности при реорганизациях (на примере объединения двух групп) // *Профессиональное образование: тенденции и перспективы развития* : сб. науч. тр. Новосибирск, 2006. Вып. 2. С. 229–242.
19. Русалинова А. А. Изучение социально-психологического климата в первичных производственных коллективах // *Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения*. М., 1979. С. 122–136.
20. Немов Р. С. Экспериментальное исследование психологического климата в коллективе // *Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения*. М., 1979. С. 140–147.
21. Лутошкин А. Н. «Цветопись» как прием эмпирического изучения психологического климата коллектива // *Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения*. М., 1979. С. 163–168.
22. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных : учеб. пособие. СПб., 2008. 392 с.
23. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. 490 с.
24. Мельников В. И. Применение компьютерных практикумов по обработке социологических анкет в управлении персоналом // *Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования*. 2021. № 3(11). С. 90–95.
25. Елбаев Ю. А., Петров В. Е. Психологическая диагностика в силовых структурах : учебник для вузов. М., 2025. 330 с.
26. Човдырова Г. С., Клименко Т. С. Психология труда сотрудников органов внутренних дел : учебник для вузов. М., 2025. 215 с.
27. Савинков С. Н. Психологическая служба и сопровождение сотрудников силовых структур : учебник для вузов. М., 2025. 208 с.
28. Мельников В. И. Информационные технологии в психологической оценке персонала организации // *Информационные технологии и информационная безопасность в профессиональной деятельности* : сб. науч. ст. межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2022. С. 71–75.
29. Фадейкина В. С. Социальная ответственность организации как способ формирования лояльности сотрудников // *Инновационные тенденции развития управления персоналом: образование и практика* : мат-лы регион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2015. С. 104–110.

Поступила 30.04.2025; одобрена после рецензирования 10.05.2025; принята к публикации 25.12.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Общая педагогика. Теория и методика профессионального образования, обучения и воспитания

General pedagogy. Theory and methods of professional education, learning and upbringing

Научно-теоретическая статья

УДК 340.06 © Сосновикова А. М., Воронков Д. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-328-335

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по отраслям и уровням образования)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Современные проблемы и тенденции развития российского юридического образования

Анна Михайловна Сосновикова, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики имени И. Ф. Герасимова¹; at@crimlib.info; <https://orcid.org/0000-0002-1631-9265>

Дмитрий Валерьевич Воронков, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики имени И. Ф. Герасимова¹; ae@crimlib.info; <https://orcid.org/0000-0002-0869-601X>

¹ Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, 620066, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, Россия

Реферат. Введение. Цель — сформулировать перечень мер, реализация которых позволит повысить качество высшего юридического образования в современных условиях. Для этого выявляются наиболее значимые проблемы и рассматриваются потенциальные направления реформирования. **Материалы и методы.** Анализ и обобщение профессионального преподавательского опыта сотрудников университета, данных социологического опроса и результатов исследований иных ученых по смежным темам. Методологическую основу исследования составил системный подход, позволивший выявить взаимосвязь между проблемами и актуальными направлениями развития сферы высшего юридического образования. Это позволило наглядно показать механизм благотворного воздействия конкретных мер на определенные проблемы. **Результаты и обсуждение.** Существующие на сегодняшний день проблемы юридического образования взаимосвязаны и приводят к снижению образовательной мотивации как студентов, так и преподавателей, ограничивают становление и развитие профессиональных компетенций. Учет и грамотная реализация ключевых тенденций, в соответствии с которыми выстраивается модель реформы высшего, в том числе юридического, образования, позволят минимизировать указанные проблемы. **Выводы.** Для эффективного разрешения проблем юридического образования необходима реализация комплексных мер, требующих вовлеченного участия всех сторон образовательных отношений (студентов, преподавателей, администраций вузов, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации).

Ключевые слова: высшее юридическое образование, новая модель высшего образования, профессиональное выгорание, цифровизация образования, модернизация образовательной системы, образовательная мотивация

Для цитирования: Сосновикова А. М., Воронков Д. В. Современные проблемы и тенденции развития российского юридического образования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 328–335. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-328-335>

Scientific and Theoretical Article

UDC 340.06 © Sosnovikova A. M., Voronkov D. V., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-328-335

5.8.2. Theory and Methods of Teaching and Upbringing (by areas and levels of education)

5.1.1. Theoretical and Historical Law Sciences

Modern Problems and Trends in the Development of Russian Legal Education

Anna M. Sosnovikova, Candidate of Science (in Law), instructor of the chair of Criminalistics named after Gerasimov I. F.¹; at@crimlib.info; <https://orcid.org/0000-0002-1631-9265>

Dmitry V. Voronkov, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, head of the chair of Criminalistics named after Gerasimov I. F.¹; ae@crimlib.info; <https://orcid.org/0000-0002-0869-601X>

¹ Ural State Law University named after Yakovlev V.F., 21, Komsomolskaya st., Yekaterinburg, 620066, Russia

Abstract. Introduction. The objective is to formulate a list of measures, the implementation of which will improve the quality of higher legal education in modern conditions. For this, the most significant problems are identified and potential areas of reform are

considered. **Materials and Methods.** Analysis and generalization of professional teaching experience of university employees, data of sociological survey and research results of other scientists on related topics are used. The methodological basis of the study was a systematic approach, which made it possible to identify the relationship between problems and current directions in the development of higher legal education. All this demonstrates the mechanism of beneficial effects of specific measures on certain problems. **Results and Discussion.** The current problems of legal education are interconnected and lead to a decrease in the educational motivation of both students and teachers, limit the formation and development of professional competencies. Consideration and competent implementation of key trends, in accordance with which the model of reform of higher, including legal, education is built, will minimize these problems. **Conclusions.** To effectively resolve the problems of legal education, it is necessary to implement comprehensive measures that require the involvement of all parties to educational relations (students, teachers, university administrations, the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation).

Keywords: higher legal education, new model of higher education, professional burnout, digitalization of education, modernization of educational system, educational motivation

Citation: Sosnovikova A. M., Voronkov D. V. Modern Problems and Trends in the Development of Russian Legal Education. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 3(106). Pp. 328–335 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-328-335>

Основные положения

1. Наиболее значимыми проблемами, характерными для сферы юридического образования в современной России, являются слабая связь с практикой, недостаточная научная составляющая, противоречивость ценностных ориентаций, чрезмерный воспитательный компонент, незаинтересованность в качественном образовании со стороны студентов и преподавателей, действие принципа «студентосбережения», принудительное вовлечение студентов в науку и пр.

2. Актуальные тенденции в развитии юридического образования представлены такими аспектами, как специализация, фундаментализация, усиление связи с практикой, увеличение роли цифровых технологий, создание гибких учебных планов, увеличение объема самостоятельной работы студентов и др.

3. Необходимо комплексное преобразование системы высшего образования за счет следующих изменений: трансформации лекций в факультативную форму, посвященную рассмотрению глубоких научных вопросов; создания онлайн-курсов для освоения студентами базовых положений учебной дисциплины; постоянного взаимодействия с практикующими юристами, составления заданий для практических занятий при их непосредственном участии; предоставления права лучшим студентам на старших курсах самостоятельно выбирать дисциплины для освоения; исключения из показателей эффективности работы преподавателей и кафедры научных достижений студентов и воспитательной деятельности; отмены формальных поощрений студентов за научную деятельность и пр. Реализация этих мер возможна в условиях проводящейся на момент написания статьи реформы высшего образования.

Введение

Актуальность, значимость, сущность проблемы. Правовое государство, каковым является совре-

менная Россия, немыслимо без высококвалифицированных юридических кадров. Такие юристы играют незаменимую роль во всех сферах общественной жизни: законотворчестве, охране правопорядка, защите прав и свобод человека и гражданина, отправлении правосудия, ведении бизнеса и реализации трудового потенциала наемных работников, заключении сделок, оказании и получении самых разнообразных услуг (бытовых, медицинских, образовательных и пр.). Данный перечень может быть продолжен почти до бесконечности. В современных условиях существенного осложнения общественных отношений сложно найти сферу, которая в той или иной мере не была бы подвергнута правовой регламентации¹.

Вместе с тем качество реализации правовых процедур, профессионализм практикующих юристов, а также общий уровень правовой культуры в обществе и степень достижения идеалов правового государства неразрывно связаны с качеством юридического образования. Последнее же во многом зависит от того, насколько отвечает вызовам современной действительности, ориентировано на подготовку специалистов, способных сохранять свою конкурентоспособность и приносить пользу обществу в условиях постоянных изменений. Именно поэтому видится весьма актуальным исследовать текущие вызовы, с которыми сталкивается юридическое образование, и направления его возможного развития — это обеспечит реальную востребованность юридической подготовки и надежную реализацию принципов правового государства.

Кроме того, сегодня реальных возможностей для модернизации, исправления ошибок несравненно больше благодаря общей реформации системы высшего образования: когда отдельные изменения вносятся в существующую систему, их можно расширить за счет

¹ Вопрос обоснованности подобной тенденции не входит в предметность настоящей работы, однако представляется весьма существенным и заслуживающим отдельного научного исследования. Отметим, что данная тема волнует и иных ученых-юристов [1; 2].

дополнительных усилий, направленных на корректировку критических проблемных мест.

Цель — сформулировать перечень мер, реализация которых позволит повысить качество высшего юридического образования в современных условиях.

Материалы и методы

Анализ и обобщение профессионального преподавательского опыта сотрудников университета, данных социологического опроса и результатов исследований иных ученых по смежным темам. Методологическую основу исследования составил системный подход, позволивший выявить взаимосвязь между проблемами и актуальными направлениями развития сферы высшего юридического образования. Это позволило наглядно показать механизм благотворного воздействия конкретных мер на определенные проблемы.

Результаты и обсуждение

Проблемы юридического образования в современной России². Любая сложная система, особенно социальная, не способна быть идеальной: необходимость согласования интересов различных субъектов, совмещение противоположных тенденций, стремление разрешить комплекс сложных задач, ресурсная ограниченность и пр. неизбежно приводят к появлению разного рода проблем, которые невозможно ликвидировать полностью. Вместе с тем их детектирование может помочь минимизировать наиболее существенные негативные последствия.

Так, среди основных проблем различные ученые называют несоответствие образовательных программ запросам работодателей и общественной ситуации, минимальную самостоятельную работу студентов, доминирование экстенсивных форм обучения, несоответствие мировым стандартам [3, с. 144]; массовую доступность и действие принципа «студентосбережения» [4, с. 6–7]; противоречие между принципами Болонской системы, ориентированной на общеевропейские ценности, и построением национальной отечественной идеологии, снижение роли научного компонента и замену науки наукометрией, формализацию учебных занятий [5, с. 13, 15, 17]; значительное число выпускников, обучавшихся по заочной форме, низкое качество образования в «непрофильных» вузах [6, с. 244–245] и др. Одновременно с этим опросы студентов, преподавателей и квалифицированных юристов показывают, что наиболее значимыми проблемами являются слабая связь с практикой (61 % от 439 опрошенных), незаинтересованность студентов и преподавателей (46 %),

а также дублирующие, бесполезные предметы (42 %). В меньшей степени беспокойство вызывают: слабый научный компонент (20 %), принуждение к студенческой науке (14 %), чрезмерный воспитательный компонент (12 %) и отсутствие молодых профессиональных преподавателей (4 %)³.

Подчеркнем, что некоторые из этих проблем носят разнонаправленный характер. Во-первых, юридическое образование, с одной стороны, недостаточно интегрировано в мировые процессы, в связи с чем, как указывают отдельные исследователи, требуется усиливать интернациональный компонент [3, с. 147], а с другой — должно ориентироваться на воспитание будущего профессионала в духе патриотизма и иных традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁴. Причем обе тенденции влекут за собой определенные риски: юридическое образование — один из немногих примеров, когда интернациональность почти недосяжима. Связано это с тем, что для каждого государства свойственна уникальная правовая система [7]; даже страны, относящиеся к одной правовой семье, будут различаться по идеологии, роли юридической практики в общественных отношениях, специфике толкования источников и пр. Действительно, глубокий профессионал в сфере юриспруденции может быть подготовлен исключительно при ориентации на конкретное государство, в котором он будет работать (желательно, чтобы это же было и государство обучения). В связи с этим интересно заметить, что в США юрист может работать только в том штате, в котором сдавал экзамен для получения лицензии на практику, в иных субъектах проходить аттестацию потребуется снова. Неидеальна и концепция идеологизации юридического образования, так как в этом случае весьма высок риск уйти от права к политике. Несмотря на то что юридическая профессия достаточно сильно связана с государством, подменять принципы и дух права политической конъюнктурой видится недопустимым. Поэтому нельзя в полной мере согласиться с интенсификацией воспитательного компонента в высшем образовании. Так, с 17–18 лет (возраст современного первокурсника) человек вступает в стадию зрелой личности, развитие которой, безусловно, продолжается, но оно носит сознательный и самостоятельный, рефлексивный характер [8, с. 39, 58]. На зрелую личность крайне сложно прямо воздействовать, поэтому эффективность незауалированного воспитания оказывается крайне низкой. Бесспорно, будущим юристам нужно

² В статье под «юридическим образованием» понимается высшее юридическое образование, а термин «студенты» используется как обобщающий и включает в себя магистрантов, курсантов и слушателей.

³ Данные приведены на момент завершения статьи, однако опрос к этому моменту не был завершен. Актуальные результаты см.: <https://t.me/crimlib/3877>.

⁴ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46, ст. 7977.

прививать правовую культуру, но происходить это должно не за счет массово-просветительских мероприятий, особенно если таковые напрямую вмешиваются в учебный процесс, когда предусмотренные расписанием занятия заменяются на воспитательные, а за счет личного примера преподавателя, демонстрации реальной силы права, качественной организации образовательного процесса. Представляется, что такое скрытое воспитание, не попадающее в отчеты по соответствующему направлению, принесет намного больше пользы как самим студентам, так и государству в целом, поскольку воспринятая правовая культура будет поддерживаться изнутри мировоззрением самого обучающегося, а не административным ресурсом образовательной организации, влияние которого сохранилось самое большее до момента отчисления.

Во-вторых, юридическое образование обвиняют как в недостаточной связи с практикой, так и в слабой научной преемственности. Причем нередко оказывается так, что какие-то дисциплины излишне теоретизированы, а другие — полностью сосредоточены на разборе ситуационных задач (иногда это различие основывается на личности преподавателя). Представляется, что разрешение данной проблемы возможно следующим образом: 1) обучение студентов должно основываться на научной доктрине (парадигме) — наиболее устоявшихся, не вызывающих серьезных дискуссий положениях; такие доктринальные позиции должны закрепляться в учебниках и учебных пособиях, тогда как лекция может стать факультативной формой проведения занятий, на которой преподаватель будет давать более глубокие научные знания, показывать заинтересованным студентам неоднозначность и дискуссионность по актуальным темам; 2) практические занятия должны обеспечивать выработку непосредственных прикладных навыков, необходимых для успешного осуществления профессиональной деятельности в будущем; задания на них должны носить наиболее приближенный к действительности характер и могут составляться при взаимодействии с представителями профессионального сообщества. При этом, как уже было указано, лекции в такой модели должны носить факультативный характер, но не давать дополнительных формальных бонусов студентам: заинтересованность в углублении знаний должна быть настоящей, а не обусловленной корыстными целями. Практические же занятия обязательны для всех.

Совокупное действие указанных, а также ряда непоименованных проблем приводит к следующему:

1. Юридическое образование оказывается весьма востребованным и легкодоступным: с одной стороны, для студентов, которым не нужно разбираться в сложных технических и биологических системах,

часто достаточно иметь хорошие коммуникативные навыки, чтобы обосновать свою позицию при отсутствии точных знаний; с другой — для их родителей, которые вполне обоснованно уверены, что с формальным юридическим образованием ребенок найдет себе работу, а если не устроится по профессии, то полученные знания все равно будут бесполезными в жизни; а с третьей — для лиц, желающих оказывать образовательные услуги, так как преподавание юриспруденции не требует существенных финансовых затрат (не нужны сложное лабораторное оборудование, специфическое программное обеспечение, материальные модели и пр.). В связи с этим юриспруденция является наиболее востребованным направлением дальнейшего обучения у выпускников школ, тогда как юридических вузов или университетов широкого профиля с сильными юридическими институтами и факультетами в стране не так много⁵.

2. Некоторые студенты пренебрежительно относятся к обучению, но их не отчисляют из вуза, в результате чего средний уровень профессиональной компетенции выпускников оказывается удручающим, а многим преподавателям только и остается надеяться, что такие студенты хотя бы не пойдут работать по профессии.

3. Учебные планы отдельных направлений (особенно магистерских программ) являются несбалансированными, с одной стороны, из-за общих требований федеральных государственных образовательных стандартов, когда на некоторых направлениях подготовки предполагается наличие значительного количества часов объективно бесполезных дисциплин федерального компонента; а с другой — из-за стремления кафедр добиться максимального количества часов на свои предметы, так как это напрямую коррелирует с размером заработной платы сотрудников и благосостоянием кафедры в целом, но вызывает фактическое дублирование дисциплин. Это не способствует росту заинтересованности студентов и, как следствие, приводит к выгоранию преподавателей, которые видят, что их предмет, а значит, и работа в целом бесполезны и бессмысленны.

4. Реализация различных форм эффективных контрактов, стипендиального поощрения приводит к тому, что содержание подменяется формой. Так, вместо реального развития научного потенциала студентов, обеспечения преемственности научных школ создается видимость научной деятельности (порой сопровождающейся объективным мошенничеством) для получения финансовой выгоды.

Остановимся на проблеме студенческой науки несколько подробнее. Несмотря на благую идею вовлекать студентов в научную деятельность, с тем чтобы

⁵ Бовт Г. Стране не нужны юристы и экономисты в таком количестве и такого качества // BFM.RU. 2025. 22 декабря. URL: <https://www.bfm.ru/news/593399> (дата обращения: 24.01.2026).

обеспечить преемственность и воспроизводимость научной школы, выявлять наиболее способных и заинтересованных, а также упрощать дальнейшие процессы, связанные с обучением в аспирантуре, когда, помимо образовательного компонента и параллельной рабочей занятости, требуется за 3 года подготовить диссертацию и пройти все стадии ее проверки до подачи в диссертационный совет, в действительности многие студенты пишут статьи, чтобы получить повышенную или специальную стипендию, дополнительные баллы по учебной дисциплине, либо потому, что их обязывают к этому преподаватели. При этом такие работы нередко характеризуются низким качеством, носят реферативный характер. Студенческие конференции не приносят пользы для науки и практики: озвучиваемые на них предложения не рассматриваются приглашенными экспертами как то, что можно использовать для развития научного знания; конкурсная составляющая приводит к тому, что целью таких конференций становится ярко представить статьи, а не разработать существующие проблемы, предложить новые пути их решения. Одновременно с этим на действительно значимые конференции ученых и практических работников студентов не допускают.

Одновременно с этим со стороны Правительства РФ проводятся активные мероприятия, направленные на вовлечение студентов в науку, что проявляется в том числе в сфере грантового финансирования, когда научные коллективы должны включать в свой состав студентов (начинающих исследователей).

В итоге возникает ситуация, когда студент 1) действительно заинтересован в научной деятельности; 2) является членом научного коллектива, реализующего грантовый проект, в рамках которого требуется публиковать результаты исследований в ведущих научных рецензируемых изданиях, включенных в международные индексы цитирования. Однако этого студента не желают слушать, а его работы не принимают (отказывают без рецензирования даже на предмет соблюдения формальных требований, предъявляемых журналом), потому что они подготовлены студентом, что ставит под угрозу достижение результатов грантового проекта, а также способствует разочарованию начинающих исследователей, у которых есть перспективные идеи, но которым эти идеи не позволяют развиваться по причине статуса студента, вокруг которого сформирован негативный (к сожалению, весьма оправданный) стереотип.

При этом публикуемые в сборниках конференций для молодых ученых и малоизвестных журналах студенческие статьи низкого качества создают «информационный шум», мешающий при поиске публикаций высокого уровня по конкретной теме.

Представляется, что указанное отражает наиболее значимые проблемы, которые существуют в юри-

дическом образовании сегодня и требуют активных комплексных действий для их преодоления или минимизации, хотя, безусловно, приведенный перечень не является исчерпывающим.

Далее рассмотрим, за счет каких мер возможно воздействовать на перечисленные проблемные аспекты.

Пути разрешения проблем юридического образования в России. Преодоление обозначенных проблем уже сегодня можно реализовывать при грамотном оперировании актуальными тенденциями, в связи с которыми происходит трансформация юридического образования.

Согласно позиции К. М. Левитана они включают «специализацию и фундаментализацию содержания юридического образования, его многоуровневость и многоступенчатость; формирование ключевых компетенций; гибкость учебных планов; усиление практической направленности; расширение интерактивных методов обучения; усиление интернационального аспекта; расширение сферы использования новых информационных технологий с применением компьютерной техники; индивидуализацию обучения и увеличение объема самостоятельной работы студентов; существенное повышение роли преподавателей с высоким научно-педагогическим потенциалом, способных выстраивать междисциплинарные учебные курсы и осуществлять продуктивную профессиональную коммуникацию в сфере юридического образования; расширение сети юридических клиник и образовательных кластеров, которые представляют собой совокупность взаимосвязанных образовательных учреждений с единой системой обучения, взаимобучения и самообучения» [3, с. 147–148].

Вместе с тем представляется, что многое из указанного пока сложно назвать «актуальными тенденциями», так как, например, гибкость учебных планов, специализация юридического образования, увеличение объема самостоятельной работы студентов, повышение роли высококвалифицированных преподавателей и пр. — это возможные в перспективе, но не реализуемые сегодня методы. Однако мы будем учитывать их в настоящей работе, поскольку наша цель — описать именно перспективную модель развития.

Отметим, что аналогичные тенденции выделяются и иными исследователями [9; 10]. Особенно подчеркивается повышение возможностей интернационального развития за счет использования современных технологий [11], общей цифровизации всех образовательных процессов [12].

Рассмотрим, как некоторые из указанных тенденций могут помочь в разрешении существующих проблем юридического образования.

1. *Специализация и создание гибких учебных планов.* Сегодня существует несколько направлений под-

готовки юристов, которые в определенной степени различаются в части изучаемых студентами дисциплин, соотношением объемов различных предметов, однако данные различия не существенны и не всегда оправданны. Как специалисты, так и бакалавры выпускаются с дипломами юристов и могут практиковать в любой юридической профессии, в результате чего молодому сотруднику приходится на практике доучиваться, подстраиваясь под специфику выбранной области. С одной стороны, это обеспечивает свободу, возможность выбирать сферу занятости и неоднократно менять специализацию, а с другой — полностью дискредитирует смысл специалитета. Представляется, что концепция реформы высшего образования⁶, если она будет реализована согласно плану, позволит углубить специализацию при учете объективной неспособности абитуриента точно предсказать, чем он захочет заниматься большую часть жизни после выпуска из университета [13, с. 17]. Так, изучение на первом-втором курсах единого ядра с последующей специализацией в профессиональной части видится весьма перспективным. Однако считаем небесполезным также предоставить обучающемуся право самостоятельно на завершающих годах обучения выбирать нужные ему дисциплины и формировать собственную учебную программу. Вместе с тем эффективной данная модель будет только в том случае, если до старших курсов будут доходить действительно замотивированные на работу по профессии студенты, что сегодня не соответствует действительности. Было бы оптимальным исключать тех обучающихся, которые не выполняют возложенные на них обязанности по обучению, однако данная мера требует существенных изменений в действующей системе рейтингования вузов, инициатива реализации которых должна исходить от Министерства. Так как представить в ближайшей перспективе подобные изменения невозможно, допустимо предложить консенсуальный вариант: в принудительном порядке закреплять за отстающими студентами универсальные учебные планы, освоение которых позволит им благополучно выпуститься из университета. Таким образом, выбор собственной траектории должен стать привилегией тех, кто готов связать свою жизнь с юриспруденцией и способен стать квалифицированным специалистом.

2. *Фундаментализация*, как было описано выше, может быть реализована через факультативный «настроенный» характер лекций, а также при условии отсутствия формального стимулирования студентов к занятиям наукой. Кроме того, представляется важным исключить из числа показателей эффективности членов профессорско-преподавательского состава число статей, подготовленных студентами под их ру-

ководством; число конференций, в которых студенты под их руководством приняли участие.

Рассмотренные в первых двух пунктах тенденции, кроме того, позволят минимизировать бессмысленное дублирование дисциплин, многократное повторение различных тем за счет аудиторных часов, а также исключить из курсов предметы, которые не способствуют формированию требуемых компетенций.

3. *Усиление практической направленности* может позволить избежать чрезмерной теоретизированности учебных курсов, повысить востребованность выпускников на рынке труда, обеспечить актуальность получаемых знаний, а значит, и осознание их действительной пользы со стороны студентов.

Для этого можно действовать в различных направлениях: организовывать обязательные периодические стажировки для преподавателей в органах и организациях, профиль деятельности которых совпадает с преподаваемой дисциплиной (для непрактикующих преподавателей); проводить проблемные научно-практические конференции, на которые приглашать в значительном количестве практиков, не связанных со сферами науки и образования, для обмена опытом; организовывать совместные с практикующими юристами методические семинары для актуализации рабочих программ дисциплин, тем выпускных квалификационных работ, содержания практических заданий и т. д.

Вместе с тем необходимо соблюдать разумный баланс между теорией и практикой, потому что последняя не способна дать квалифицированную прогнозную оценку того, какие навыки и знания будут востребованными через 5, 10, 20 лет. Фундаментальное научно обоснованное юридическое образование, в рамках которого студенту, возможно, и не обеспечиваются знания конкретных норм, но прививаются способности постигать дух права, толковать различные законоположения и свободно оперировать общеправовым инструментарием, может в результате принести больше пользы для общества.

4. *Расширение использования информационных технологий* позволит, на наш взгляд, облегчить самостоятельную работу студентов, перераспределив силы преподавателей с повторения базовых тем на рассмотрение действительно проблемных аспектов. Таким образом, развитие интерактивных модулей, онлайн-курсов может обеспечить «отсев» низкоквалифицированных кадров и позволить преподавателям на достаточно высоком уровне совмещать научную и преподавательскую деятельность, развиваясь на занятиях со студентами и не утрачивая к ним интерес.

Безусловно, цифровизация тоже может быть чрезмерной, что будет представлять собой серьезную проблему, приводить к падению качества подготов-

⁶ В России расширили пилотный проект по реформе высшего образования // РИА Новости. 2026. 22 января. URL: <https://ria.ru/20260122/putin-2069702696.html> (дата обращения: 24.01.2026).

ки кадров. Однако разумное внедрение современных возможностей — залог успешного развития. Так, студенты, особенно младших курсов, могут пренебрегать просмотром видеолекций, чтением учебников, выполнением дистанционных заданий в рамках цифровых курсов, использовать возможности систем искусственного интеллекта для решения задач и пр. Однако страдать от этого будут в первую очередь сами студенты, которых, на наш взгляд, нужно будет отчислять после первой промежуточной аттестации. Если у студента не выработаны навыки самодисциплины, значит, он еще не дорос до того, чтобы обучаться в вузе. Превращать же преподавателя высшей школы в учителя начальных классов губительно для профессии, а в перспективе и всей системы высшего образования. Полагаем, что внедрение цифровых инструментов для самообучения студентов может стать само по себе экзаменом на зрелость.

Но при этом нельзя все учебные процессы переводить в цифровой формат: для подготовки квалифицированных специалистов требуется обязательное участие преподавателя на практических занятиях, где разрешаемые задачи не должны носить шаблонный характер, а должны требовать глубоких фундаментальных и прикладных знаний и навыков для своего разрешения; на проблемных, научных лекциях, где будут подниматься глубокие дискуссионные вопросы; а также на экзаменах, в рамках которых требуется проверять, как мыслит студент в парадигме дисциплины. Сегодня выполнить эти функции машина не способна, здесь требуется не только глубина знаний, но и способность анализировать и принимать творческие, нестандартные решения. Такую работу качественно смогут выполнять только действительно высокопрофессиональные преподаватели, кроме того, им самим это будет интересно и полезно, позволит не допустить выгорания, а также поддерживать постоянное желание к самосовершенствованию.

Таким образом, общее влияние тенденций развития юридического образования на его проблемы можно выразить в следующем: повышается заинтересованность в качественном обучении у студентов, которые с большим энтузиазмом погружаются в самостоятельную работу, для реализации которой создано большое число интерактивных цифровых ресурсов; в результате повышается сложность тем, к работе над которыми привлекаются преподаватели; это обеспечивает сохранение заинтересованности преподавателей в своей работе, более качественную ее реализацию, а также рост профессионализма студентов; это, в свою очередь, повышает востребованность юристов на рынке труда, а их знания оказываются в действительности полезными, несмотря на стремительные трансформации в обществе.

Обобщая, представим модель основных изменений, которые, по нашему мнению, можно реализо-

вать, особенно в рамках текущей реформы высшего образования.

1. Ликвидировать обязательные лекционные занятия, обеспечив студентам доступ к видеолекциям по темам соответствующей дисциплины. Сделать лекции факультативной формой, направленной на рассмотрение проблемных вопросов науки.

2. Осуществлять постоянное взаимодействие с представителями работодателей, практикующими юристами, в том числе разрабатывать практические задания на основе реальных актуальных материалов.

3. Исключить модели формального поощрения (как обучающихся, так и преподавателей) за занятия студенческой наукой.

4. Перевести весь объем воспитательной работы исключительно на подразделения, занятые в сфере молодежной политики и внеучебной деятельности; проводить воспитательные мероприятия в свободное от учебы время.

5. Отчислять студентов при неисполнении ими обязанностей по освоению учебного материала; запрещать студентам старших курсов, которых невозможно отчислить, но которые демонстрируют порогово низкий уровень сформированных компетенций, выбирать компоненты учебного плана самостоятельно.

6. Предоставлять студентам старших курсов возможность самостоятельно выбрать те дисциплины, которые они видят наиболее полезными для своей будущей профессии. При этом такой выбор рекомендуется осуществлять после консультации с преподавателями и представителями соответствующей профессии.

Подводя итог сказанному выше, можно сформулировать следующие основные **выводы**.

1. Юридическое образование в современной России находится на пороге существенных изменений и подвергается большому числу вызовов, связанных со стремительными темпами изменения и постоянным усложнением общественных отношений.

2. Основными проблемами, с которыми сталкивается юридическое образование в данных условиях, являются незаинтересованность как студентов в обучении, так и преподавателей в работе со студентами; разбалансированность учебных планов, наличие большого числа дублирующих предметов; неадекватные запросам практики компетенции выпускников; развал традиционных научных школ и научной основы образования; выпуск на рынок труда большого числа слабых специалистов и т. д.

3. Одновременно с этим юридическое образование естественным образом развивается. Такое развитие можно выразить через определенные тенденции: усиление связи с практикой, специализацию образовательных программ, увеличение часов на самостоятельную работу студентов, внедрение цифровых технологий в образовательный процесс и пр.

4. Указанные тенденции могут способствовать разрешению выявленных проблем за счет повышения заинтересованности студентов и преподавателей в учебном процессе, адаптации получаемых компетенций под актуальные запросы практики, упрощения самостоятельного обучения и т. п.

Область применения и перспективы. Описанное в настоящей работе не лишено перспектив для дальнейшего научного осмысления. Так, заслуживают внимания иные, менее явные проблемы российского юридического образования; критическая оценка реформы высшего образования, реализуемой в момент написания статьи в пилотной форме; критическая

оценка изучения права в общеобразовательных учебных заведениях и поиск путей грамотного перехода от школьного образования к вузовскому; поиск новых путей преодоления проблем юридического образования, в том числе организационными и нормативными мерами; выявление рисков, заключенных в тенденциях развития юридического образования; построение концептуальной модели комплексного реформирования юридического образования в России.

Разрешение всех указанных вопросов должно вывести качество юридического образования на новый уровень и приблизить нашу страну к достижению всех идеалов правового государства.

Список источников / References

1. Таева Н. Е. Избыточность правового регулирования в конституционном праве: внешние и внутренние аспекты // Вестник Академии права и управления. 2017. № 1(46). С. 54–59.
2. Щелоков К. С. Бюрократизация права // История государства и права. 2010. № 13. С. 23–25.
3. Левитан К. М. Юридическая педагогика : учебник. 2-е изд., изм. и доп. М., 2024. 416 с.
4. Васильев А. А., Куликов Е. А., Шпоппер Д. Высшее юридическое образование в России: некоторые современные тенденции, проблемы и перспективы развития // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 1. С. 4–13.
5. Очерedyкo В. П., Сальников М. В. Характерные черты и проблемы высшего юридического образования в России // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 4. С. 11–20.
6. Лисютин А. М. Проблемы и перспективы развития высшего юридического образования в России // Актуальные проблемы профессионального образования: цели, задачи и перспективы развития : сб. науч. ст. по мат-лам 23 всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Воронеж, 25 апреля 2025 г. Воронеж, 2025. С. 242–247.
7. Алексеев С. С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 27–34.
8. Моргуn В. Ф., Ткачёва Н. Ю. Проблема периодизации развития личности в психологии : учеб. пособие. М., 1981. 81 с.
9. Дронова Ю. А. Обзор научно-методического семинара «Тенденции и перспективы развития высшего юридического образования» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4(80). С. 127–132.
10. Мошарова А. С. Тенденции развития в юридическом образовании // Флагман науки. 2025. № 4(27). С. 217–219.
11. Емельянович О. В. Тенденции развития академической мобильности в контексте интернационализации высшего юридического образования // Труд. Профсоюзы. Общество. 2025. № 3(89). С. 62–66.
12. Петросян В. А. Современные тенденции развития юридического образования // Актуальные исследования. 2023. № 42-2(172). С. 50–52.
13. Исаков В. Б. Перспективы реинжиниринга правового регулирования, юридической науки и образования // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 8. С. 5–19.

Поступила 13.02.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 25.05.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9:378 © Шиндряева И. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-336-341

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Конструкт «идеальный преподаватель» в контексте меняющегося образовательного ландшафта (по материалам разведывательного исследования)

Ирина Викторовна Шиндряева, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой русского языка¹;
i.shindryaeva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4055-3166>

¹ *Волгоградская академия МВД России Россия, 400075, Волгоград, ул. Историческая, 130, Россия*

Реферат. Введение. Цель — в выяснении основных индикаторов восприятия преподавателя иностранными слушателями в условиях ведомственного высшего учебного заведения. В рамках исследования решаются задачи по выявлению ключевых качеств и характеристик, детерминирующих образ идеального и реального преподавателя в представлениях иностранных слушателей, а также по определению динамики удовлетворенности образовательным взаимодействием. **Материалы и методы.** Основу исследования составили данные анонимного анкетирования, проведенного среди иностранных обучающихся Волгоградской академии МВД России в 2024–2025 учебном году. В ходе обработки результатов был применен метод кластерного анализа, позволивший структурировать представления респондентов об идеальном педагоге. Кроме того, был проведен сравнительный анализ текущих данных с результатами предыдущих периодов для выявления динамики в оценке психологического климата и удовлетворенности взаимодействием. **Результаты и обсуждение.** В результате анализа анкетных данных установлено, что ключевое значение для иностранных обучающихся имеют субъектная позиция преподавателя, демократический стиль коммуникации, а также сочетание профессиональной компетентности с соблюдением этических норм. Сформирован синтетический образ «идеального» преподавателя, включающий четыре кластера качеств: этико-процедурный; коммуникативно-личностный; дидактико-методический; профессионально-экспертный. **Выводы.** Результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что восприятие преподавателя иностранными слушателями носит многокомпонентный характер и структурируется через четыре основных кластера качеств: этико-процедурный, коммуникативно-личностный, дидактико-методический и профессионально-экспертный.

Ключевые слова: образ преподавателя, иностранные слушатели, педагогическое взаимодействие, образовательная среда

Для цитирования: Шиндряева И. В. Конструкт «идеальный преподаватель» в контексте меняющегося образовательного ландшафта (по материалам разведывательного исследования) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 336–341. <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2026-3106-336-341>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9:378 © Shindryaeva I. V., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-336-341

5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education

Construct “Ideal Teacher” in the Context of a Changing Educational Landscape (based on the Pilot Study)

Irina V. Shindryaeva, Candidate of Science (in Sociology), head of the chair of Russian Language¹;
i.shindryaeva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4055-3166>

¹ *Volgograd Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 130 Istoricheskaya st., Volgograd, 400075, Russia*

Abstract. Introduction. The purpose is to identify the main indicators of perception of a teacher by foreign students at a higher educational institution of the Ministry. Within the framework of the study, the tasks are solved as to reveal the key qualities and characteristics that determine the image of an ideal and real teacher in the views of foreign students, as well as to determine the dynamics of satisfaction with educational interaction. **Materials and Methods.** The research was based on the data of an anonymous survey conducted among foreign students of the Volgograd Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs during the 2024–2025 academic year. In the course of processing the results, the cluster analysis method was applied, which made it possible to structure the respondents' visions about the ideal teacher. In addition, a comparative analysis of current data with the results of previous periods was carried out to identify dynamics in the assessment of the psychological climate and satisfaction with the interaction. **Results and Discussion.** As a result of the analysis of personal data, it was established that the key importance for foreign students is the teacher's subject position, the democratic style of communication, as well as the combination of professional competence and compliance with ethical standards. A synthetic image of the "ideal" teacher has been formed, including four clusters of qualities: ethical-procedural; communicative-personal; didactic-methodical; professional-expert. **Conclusions.** The results of the study allow us to state that the perception of the teacher by foreign students is multicomponent in nature and is structured through four main clusters of qualities: ethical-procedural, communicative-personal, didactic-methodological and professional-expert.

Keywords: image of a teacher, foreign students, pedagogical interaction, educational environment

Основные положения

1. В условиях интернационализации высшего образования и роста численности иностранных обучающихся в российских вузах возникает объективная необходимость изучения восприятия ими преподавателя. Данная категория обучающихся характеризуется особым положением в образовательном процессе, обусловленным языковыми и культурными барьерами, что повышает сензитивность к личности педагога как основному коммуникативному посреднику и фасилитатору образовательной интеграции.

2. Эмпирически установлено, что восприятие преподавателя иностранными слушателями носит многокомпонентный характер и структурируется через четыре основных кластера качеств: этико-процедурный (справедливость, объективность, уважение); коммуникативно-личностный (доброжелательность, терпимость, чувство юмора); дидактико-методический (ясность изложения, способность формировать познавательный интерес); профессионально-экспертный (глубокая предметная компетентность). Доминирующее значение для респондентов имеют субъектная позиция преподавателя и демократический стиль коммуникации.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Актуальность исследования социальных репрезентаций идеального преподавателя детерминирована его многоуровневой функциональной значимостью для образовательной организации. На стратегическом уровне данное исследование формирует эмпирическую базу для выработки уникального ценностного предложения и определения конкурентных преимуществ высшего учебного заведения в условиях трансформирующегося образовательного ландшафта. На операционном (процессуальном) уровне оно обеспечивает инструментарий для диагностики и коррекции системных дисфункций в педагогическом взаимодействии, позволяя перейти от констатации проблем к управлению качеством образовательных услуг. На кадровом (персонализированном) уровне выявленные репрезентации служат основой для операционализации абстрактных ожиданий в конкретные профессиональные и личностные компетенции, формируя тем самым объективный стандарт для программ развития, аттестации и мотивации профессорско-преподавательского состава.

Цель — анализ и выяснение основных индикаторов восприятия преподавателей иностранными слушателями в условиях ведомственного высшего учебного заведения (на примере Волгоградской академии МВД России).

Теоретические предпосылки и степень исследованности проблемы. Современный исследовательский ландшафт, отраженный в библиографической подборке,

демонстрирует два ключевых вектора анализа феномена преподавателя высшей школы. Первый и наиболее репрезентативный по объему публикаций вектор сосредоточен на изучении восприятия и ожиданий, формируемых студенческой аудиторией. Второй вектор направлен на исследование профессионального и личностного портрета самого преподавателя как субъекта педагогической деятельности.

Наиболее обширный кластер исследований сфокусирован на анализе образа преподавателя, конструируемого в сознании студентов, и его влияния на академический процесс. В рамках данного направления можно выделить несколько тематических групп.

Исследования образа идеального или современного преподавателя часто дифференцированы по профилю образовательного учреждения. К данной группе относятся работы, изучающие представления и ожидания студентов технических вузов [1–4]; образ идеального преподавателя в восприятии иностранных обучающихся медицинского вуза [5; 6]; формирование образа преподавателя в сознании студентов педагогического вуза [7].

Второй магистральный вектор представлен исследованиями, концентрирующимися на самом педагоге: его профессиональных качествах, развитии и идентичности. Исследования роли образа преподавателя как фактора образовательной среды и мотивации [8]; образ субъективно удобного преподавателя у студентов с различной академической успеваемостью [9]; исследования специфических аспектов образа (имиджа) [10]; обобщенный портрет преподавателя, выполненный в рамках креативного исследования [11]; образ преподавателя будущего с точки зрения обеих сторон образовательного процесса [12; 13].

Исследования в отечественной педагогической науке традиционно ориентировались на изучение восприятия преподавателя стабильной и преимущественно локальной студенческой аудиторией. Активный процесс интернационализации высшего образования и связанный с ним рост числа иностранных студентов в российских вузах сформировали качественно новый исследовательский запрос лишь в течение последних 10–15 лет. В результате возникла заметная публикационная лакуна — недостаток научных работ, специально посвященных анализу образа преподавателя российского вуза в представлениях именно иностранных обучающихся.

Таким образом, обозначенный дисбаланс между формирующейся социально-образовательной реальностью (приток иностранных студентов) и ее научной рефлексией подтверждает актуальность и научную востребованность исследований, направленных на изучение специфики образа преподавателя в восприятии ино-

странных обучающихся в российских учебных заведениях высшего образования.

Материалы и методы

Основным методом сбора данных выступило структурированное анкетирование. Авторская анкета «Образ преподавателя» включала 18 тематических блоков-вопросов. В исследовании приняли участие иностранные слушатели довузовского этапа и 1-го курса. Выбор данной категории обусловлен особым положением в образовательном процессе, характеризующимся: 1) ограниченным уровнем владения русским языком, что повышает значимость личности преподавателя как основного коммуникативного посредника; 2) повышенной сензитивностью к невербальным компонентам общения и эмоциональному фону взаимодействия; 3) незавершенностью адаптации к институциональным нормам принимающей академической культуры.

В данных условиях личностные и коммуникативные качества преподавателя приобретают критическое значение, выступая либо фасилитатором, либо барьером образовательной интеграции. Таким образом, именно эта группа респондентов позволяет наиболее валидно зафиксировать значимость различных характеристик педагога, поскольку их восприятие максимально обострено в силу языковой и культурной «лиминальности» и не нивелировано длительным опытом академического взаимодействия.

Вид выборки: вероятностная, стихийная (с доступом через онлайн-платформу). Генеральная совокупность: иностранные слушатели Волгоградской академии МВД России. Объем выборки: 79 респондентов. Метод сбора данных: анкетный опрос. Тип опроса: анонимный; электронный. Вид вопросов: комбинированный — закрытые (с вариантами ответов и шкалами), полузакрытые (с вариантом «другое»), открытые.

Методы анализа данных: количественный (статистический) анализ; частотный анализ, расчет средних значений (для оценок по шкалам), построение таблиц сопряженности; качественный (контент-анализ): анализ текстовых ответов (описания качеств, причин негатива) для выявления категорий, тем и повторяющихся элементов.

Этические аспекты: анонимность (данные собраны без указания персональных данных (имени, контактов)); добровольность участия; конфиденциальность (результаты представлены в агрегированном, обезличенном виде).

Проведенный сравнительный анализ данных за два последовательных периода (2024 и 2025 гг.) позволяет выявить как устойчивые тенденции, так и динамические изменения в восприятии иностранных слушателей роли и профессиональных характеристик преподавательского состава.

Результаты и обсуждение

Роль преподавателя и предпочитаемый стиль педагогического взаимодействия. Анализ результатов

исследования позволил выявить следующие тенденции в восприятии преподавателя обучающимися. Подавляющее большинство респондентов (~90 %) наделяют фигуру преподавателя высокой значимостью в учебно-воспитательном процессе, в то время как сугубо функциональная (исполнительская) роль атрибутируется лишь незначительной частью опрошенных (~10 %). Это свидетельствует об ожидании от педагога не просто функционального присутствия, а активной, личностно окрашенной роли.

Данное ожидание коррелирует с выявленными предпочтениями в отношении стиля преподавания: демократический: ~66 %, либеральный: ~23%, авторитарный: ~11% (средние данные за два года). Явное лидерство демократического стиля, основанного на диалоге и учете мнений обучающихся, указывает на запрос к партнерской модели взаимодействия. Сравнительная малая распространенность авторитарного стиля подчеркивает низкую приемлемость жестко иерархичных отношений в современной образовательной среде.

Оценка профессиональных и личностных качеств преподавателей. Оценка профессиональных качеств преподавателей исследуемой организации в целом характеризуется высокими значениями (средние баллы в диапазоне 4,0–4,8). Наивысшие оценки были присвоены компетенциям, связанным с содержательным раскрытием темы, объективностью оценивания и коммуникативной эффективностью. Несколько ниже, хотя также на высоком уровне оцениваются способность к креативной подаче материала и формированию познавательного интереса.

При анализе восприятия личностных характеристик преподавательского состава получены следующие данные.

Наличие авторитетов и ярких личностей. Ответы респондентов по данному вопросу диверсифицированы: примерно половина опрошенных (~50%) подтверждает наличие в учебной среде преподавателей с непререкаемым профессиональным авторитетом. При этом большинство (около 2/3, или ~67%) отмечает присутствие ярких, харизматичных педагогов, чьи личностные качества делают их фигурами запоминающимися. Стоит отметить консенсус в ответах: в качестве примеров часто приводятся одни и те же имена, а также выделяется роль преподавателей русского языка как иностранного.

Иерархия значимых качеств (личные предпочтения). Распределение предпочтений важнейших качеств преподавателя является относительно равномерным, однако наблюдается определенная градация. Наиболее частый выбор — паритет профессиональных и личностных качеств.

Следующим по значимости является *приоритет предметной экспертизы и глубины знаний*. Далее с близкими показателями следуют установки на общечеловеческие достоинства («главное, чтобы человек был

хорошим») и коммуникативно-эмоциональную привлекательность («главное, чтобы с ним было интересно»).

Оценка конкретных личностных качеств. Ранжирование личностных характеристик по средней оценке (5-балльная шкала) выявило две четкие группы: группа максимально ценимых качеств (средний балл 4,5–5,0): эрудиция (как широта кругозора), уважительное отношение к окружающим, доброжелательность, честность и обязательность. Данные качества формируют ядро ожидаемого личностного профиля педагога. Группа качеств с высокими, но относительно более низкими оценками (средний балл 3,5–4,0): самокритичность, чувство юмора, личное обаяние. Их оценка как «дополнительных достоинств» указывает на вторичную важность по сравнению с базовыми профессиональными и этическими добродетелями. Отдельно стоит конфликтность, которая в полном соответствии с логикой получила минимальные оценки (1–2 балла), будучи квалифицирована как однозначно негативная характеристика.

Требования к профессиональному и демографическому профилю преподавателя. Анализ ожиданий респондентов к профессиональному и демографическому профилю преподавателя выявляет следующие тенденции:

— опыт практической деятельности. Большинство опрошенных (около 60 %) высказывают консолидированное мнение о необходимости наличия у преподавателя релевантного практического опыта работы по преподаваемой дисциплине. Данное требование можно интерпретировать как запрос на прикладную, а не сугубо теоретическую ориентацию образовательного процесса;

— возрастные предпочтения. В отношении возрастного аспекта наблюдается плюрализм мнений. Статистически значимыми являются две основные позиции: нейтральная («Возраст не имеет значения») и конкретизирующая (предпочтение возрастных когорт 23–35 лет и 36–50 лет).

Качественный анализ высказываний позволяет сделать вывод о наличии косвенного запроса на такие качества, как динамизм, методическая гибкость и актуальность профессионального кругозора, которые в массовом сознании часто ассоциируются с педагогами среднего и молодого возраста.

Таким образом, в требованиях к преподавателю сочетается ценность практико-ориентированной экспертизы с ожиданием актуальных, адаптивных педагогических подходов, что косвенно коррелирует с предпочтением определенных возрастных диапазонов.

Негативное восприятие и конфликтность образовательной среды. Анализ данных, касающихся негативного восприятия и конфликтных ситуаций в академической среде, позволил выявить следующие закономерности:

— распространенность устойчивого негативно-го восприятия. Доля респондентов, демонстрирующих

стойкое неприятие отдельных преподавателей, является сравнительно невысокой и составляет 20–30 %. Ключевыми детерминантами такого восприятия выступают следующие личностно-профессиональные характеристики педагогов: авторитарный стиль взаимодействия; неуважительная (вербально-невербальная) коммуникация; предъявление завышенных, неадекватных требований (с акцентом на восприятие данной проблемы иностранными обучающимися); необъективность в оценочной деятельности; проявления дискриминационного поведения;

— частота и этиология конфликтов. Большинство опрошенных (около 70 %) характеризует уровень конфликтности среды как низкий, отмечая, что конфликты возникают «иногда (редко)» или «никогда». В случаях появления противоречий их основными триггерами (причинами) респонденты называют нарушение процедурной справедливости (необъективная оценка знаний); некорректное (непрофессиональное) поведение преподавателя; субъективный фактор личной неприязни между участниками образовательного процесса.

Таким образом, несмотря на наличие устойчивых негативных установок у части обучающихся, общий климат характеризуется низкой конфликтностью. При этом спектр причин, способных привести к деструктивным ситуациям, остается связанным с нарушениями профессиональной этики, коммуникативных норм и принципов академической справедливости.

Внеаудиторное общение: запросы и реальные практики. Анализ результатов исследования, касающихся внеаудиторного общения, выявляет существенный разрыв между нормативными ожиданиями (желаемым) и фактическими паттернами поведения (реализуемым). Выявлен запрос на расширение коммуникации. Значительное большинство респондентов (60–70 %) выражают потребность в коммуникации с преподавателями за рамками формального учебно-воспитательного процесса. Это свидетельствует о запросе на переход от чисто функциональной, «аудиторной» роли педагога к роли доступного наставника, что соответствует современным моделям партнерского и персонализированного образования. Реально поддерживает такое общение существенно меньшая доля обучающихся (25–35 %). Коммуникация происходит преимущественно в опосредованном цифровом формате (мессенджеры, электронная почта) или эпизодически носит личный характер. Данный разрыв указывает на наличие барьеров как со стороны преподавателей (загруженность, охрана личных границ), так и со стороны иностранных слушателей (неопределенность правил, неуверенность, риск быть навязчивым).

При этом внеаудиторное общение может трансформироваться из неопределенной личной инициативы в профессиональный инструмент, который при грамотном использовании может способствовать достижению образовательных целей, сохраняя при этом ресурс и лич-

ные границы преподавателя. Наличие выраженного запроса со стороны иностранных слушателей при низкой реализации указывает на необходимость именно такой системной институционализации этой практики.

Семантическая модель образа «идеального» преподавателя. Анализ нарративов респондентов, касающихся конструирования образа «идеального» преподавателя, позволяет сделать следующие выводы. Около 50 % выборки демонстрирует способность к конкретизации данного концепта, идентифицируя его с реальными представителями профессорско-преподавательского состава (указываются конкретные ФИО). Контент-анализ открытых ответов респондентов позволил реконструировать семантическое ядро данного образа. Ядро формируют четыре взаимосвязанных кластера качеств, расположенных в порядке убывания частоты упоминания.

1. Этико-процедурный кластер включает требования к справедливости, беспристрастности (объективности) и уважительному отношению к обучающимся. Данные характеристики формируют базис доверия к преподавателю как к арбитру учебно-воспитательного процесса.

2. Коммуникативно-личностный кластер включает доброжелательность, терпимость (терпение) и наличие чувства юмора. Эти качества обеспечивают психологический комфорт и позитивный эмоциональный фон взаимодействия.

3. Дидактико-методический кластер акцентирует способность к дидактически ясному изложению сложного материала и компетенцию в генерации и поддержании познавательного интереса. Данный кластер отвечает за непосредственную эффективность учебного процесса.

4. Профессионально-экспертный кластер формируется требованием к предметной компетентности (профессионализму) преподавателя, выступающей обязательным основанием для реализации всех вышеперечисленных качеств.

Таким образом, реконструированный образ «идеального» преподавателя представляет собой синтетическую модель, интегрирующую неприкосновенную профессиональную экспертизу с развитыми социально-эмоциональными и дидактическими компетенциями, регулируемые высокими этическими стандартами.

Итак, образ преподавателя эволюционирует от обобщенно-положительного к более дифференцированному и персонализированному. На фоне значительного улучшения психологического климата и снижения конфликтности укрепляется запрос на практико-ориентированную, динамичную и коммуникативно открытую педагогическую модель. Полученные данные подтверждают эффективность усилий по гуманизации образовательной среды и формируют новую систему координат для развития педагогического корпуса, где сочетаются незыблемый авторитет, практическая экспертиза и современные гибкие навыки.

Таблица. Сравнительная динамика основных индикаторов восприятия преподавателя (2024–2025 гг.)
(Table. Comparative dynamics of the main indicators of perception of a teacher (2024–2025))

1. Роль преподавателя и стиль преподавания			
Параметр	2024 г.	2025 г.	Тенденция / Вывод
Важность роли	Очень важна (86 %)	Очень важна (~91 %)	Стабильно высокая и даже возросшая значимость роли преподавателя
Преобладающий стиль	Демократический (71 %) Либеральный (21 %) Авторитарный (7 %)	Демократический (~66 %) Либеральный (~23 %) Авторитарный (~11 %)	Демократический стиль доминирует, что говорит о комфортной общей атмосфере
2. Профессиональные и личные качества (средние оценки)			
Группа качеств	2024 г. (оценка)	2025 г. (оценка)	Тенденция / Вывод
Профессиональные качества	Очень высокие, часто 4,8–5,0	Высокие, но более сдержанные, 4,3–4,7	Небольшое снижение. Возможно, связано с увеличением выборки и включением большего числа иностранцев, которые оценивают строже или сталкиваются с языковым барьером
Личные качества	Очень высокие, ~4,5–5,0	Высокие, ~4,0–4,7	Небольшое снижение. Общая тенденция сохраняется
Конфликтность	Очень низкая (~1,5)	Очень низкая (~1,8)	Стабильно низкий уровень, что хорошо
3. Наличие «идеальных» преподавателей			
Параметр	2024 г.	2025 г.	Тенденция / Вывод
«Идеальный» преподаватель	~36 % (указали ФИО)	~46 % (указали ФИО)	Рост
4. Критика и конфликты			
Параметр	2024 г.	2025 г.	Тенденция / Вывод
Удовлетворенность	~21 %	~40 %	Резкий рост удовлетворенности в 2025 г.
Конфликты	50 % — «редко/никогда» 50 % — «достаточно часто»	~83 % — «редко/никогда»	Кардинальное улучшение. Конфликтность резко снизилась
5. Практический опыт и возраст			
Параметр	2024 г.	2025 г.	Тенденция / Вывод
Нужен ли опыт по специальности?	Да (~57 %) Нет/Затрудняюсь (~43 %)	Да (~54 %) Нет/Затрудняюсь (~46 %)	Стабильность. Опыт работы важен для большинства
Лучший возраст	Не имеет значения (50 %), 23–35 лет (29 %)	Не имеет значения (~37 %), 23–35 лет (~34 %), 36–50 лет (~20 %)	Рост запроса на молодых преподавателей (23–35)

Выводы

На основании данных сравнительного анализа результатов опросов «Образ преподавателя» за 2024 и 2025 гг. можно сформулировать следующие ключевые выводы (табл.).

1. Усиление субъектной значимости преподавателя при устойчивости демократической модели. Восприятие роли преподавателя как крайне важной стабильно и даже укрепилось (рост с 86 % до ~91 %). Доминирование демократического стиля остается неизменным (~71 % в 2024 г., ~ 66% в 2025 г.), что свидетельствует о прочной норме партнерского взаимодействия в образовательной среде.

2. Наблюдается легкое снижение средних оценок как профессиональных, так и личностных качеств, что может объясняться расширением выборки и включением более критически настроенных групп. При этом способность студентов идентифицировать конкретного «идеального» преподавателя возросла (с ~36 % до ~46 %), что указывает на усиление персонализированного восприятия и наличия ярких педагогических образов.

3. Зафиксированы прорывной рост удовлетворенности (доля ответов на вопрос «все устраивает» выросла с ~21 % до ~40 %) и резкое снижение конфликтности (доля отвечающих на вопрос «редкие или нулевые конфликты» увеличилась с 50 % до ~83 %). Эта позитивная динамика свидетельствует о значительном улучшении общего психологического климата и повышении эффективности коммуникативных стратегий.

4. Требование наличия у преподавателя практического опыта остается стабильным и значимым для большинства (~57 % в 2024 г., ~54 % в 2025 г.). В возрастных предпочтениях отмечается сдвиг в сторону молодых кадров: доля считающих оптимальным возраст 23–35 лет выросла (с 29 % до ~34 %), а доля нейтральных ответов («не имеет значения») сократилась (с 50 % до ~37 %). Это отражает растущий запрос на энергичность, методическую гибкость и актуальность компетенций.

Область применения и перспективы. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования системы профессионального развития профессорско-преподавательского состава, разработки программ повышения квалификации, ориентированных на развитие коммуникативной компетентности и этических стандартов педагогического взаимодействия. Выявленная структура качеств «идеального преподавателя» создает основу для операционализации абстрактных ожиданий в конкретные профессиональные компетенции, что позволяет формировать объективные стандарты для аттестации и мотивации педагогов, а также повышать конкурентоспособность образовательной организации на рынке образовательных услуг. Перспективы исследования связаны с углубленным изучением адаптационных стратегий иностранных обучающихся на разных этапах образовательной траектории и разработкой инструментов персонализированного педагогического сопровождения.

Список источников / References

1. Андреева О. С., Голендухина Е. А. Ожидания студентов технических специальностей от преподавателей вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77–4. С. 365–368.
 2. Гатиятуллина Г. В. Образ современного преподавателя высшей школы в представлениях студентов технического вуза // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 5–3. С. 390–391.
 3. Карамышева Е. Ю., Щанина Е. В. Проблемы формирования социально-профессиональной идентичности преподавателей высшей школы // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 5. С. 58–62.
 4. Осипова Л. Б., Толстоухова И. В. Образ преподавателя технического вуза глазами студентов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5(80). С. 61–66.
 5. Анненкова Е. И. Образ идеального преподавателя в представлении иностранных студентов медицинского вуза // Вестник науки. 2019. Т. 4, № 5(14). С. 230–232.
 6. Чижкова М. Б. Профессиональный имидж преподавателя медицинского вуза: взгляд студентов // Современные проблемы науки и образования. 2025. № 2. С. 45.
 7. Калашикова О. В. Образ преподавателя в сознании студентов педагогического вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66–3. С. 354–357.
 8. Тарасов С. В., Спасская Е. Б., Проект Ю. Л. Образ преподавателя как фактор оценки образовательной среды вуза и учебной мотивации студентов // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 7. С. 52–73.
 9. Колесникова Е. И. Образ субъективно удобного преподавателя вуза в представлении студентов с различными образовательными результатами // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2016. № 1(19). С. 3–17.
 10. Шиндряева И. В., Овсянникова Т. В., Шиндряев С. О. Имидж-образующие характеристики преподавателя высшей школы в контексте образовательного взаимодействия: анализ результатов эмпирического исследования // ЦИТИСЭ. 2019. № 4(21). С. 195–203.
 11. Шмаков А. Г. Обобщенный портрет преподавателя (опыт креативного исследования) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 3(294). С. 119–121.
 12. Игнатъев В. П., Архангельская Е. А. Образ идеального преподавателя будущего по мнению студентов и преподавателей // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Филология. 2021. № 4(24). С. 53–60.
 13. Шибанова Е. К. Преподаватель высшей школы: герой нашего времени // Преподаватель XXI век. 2015. № 2–1. С. 85–94.
- Поступила 25.02.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2026; принята к публикации 30.06.2026.*

Научно-практическая статья

УДК 378 © Нечай А. А., Ничагина А. В., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-342-349

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Совмещенное обучение как фактор повышения качества образовательного процесса в вузе

Александр Анатольевич Нечай, кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационной безопасности¹; webexpromt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1202-4830>

Анна Владимировна Ничагина, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и педагогических технологий²; 89315104502@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7630-0446>

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, 1, Россия

² Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10, Россия

Реферат. Введение. Цифровая трансформация образования и необходимость соблюдения новых государственных стандартов актуализируют внедрение гибридных форматов обучения. Однако неготовность вузов к их полноценной реализации и проблемы смешанных моделей негативно влияют на вовлеченность обучающихся. Цель — адаптация учебного курса под совмещенный формат и оценка его влияния на академические результаты и восприятие обучающихся. **Материалы и методы.** В эксперименте участвовал 41 обучающийся педагогического направления (экспериментальная ($n = 22$) и контрольная ($n = 19$) группы). Группы были сформированы на основе исходного сходства академических показателей и формата обучения, что обеспечило их сопоставимость на старте эксперимента. Использовались теоретический анализ, опрос и χ^2 -критерий Пирсона. **Результаты и обсуждение.** Адаптация курса на основе моделей гибридного обучения (дифференцированная, мультитрековая и др.) создала единую образовательную среду. Выявлены значимые различия ($\chi^2 = 5,31$; $p < 0,05$) в результатах и восприятии формата. Обучающиеся отметили гибкость, сочетание преимуществ очного и онлайн-форматов, а также высокую мотивацию от интерактивных технологий. **Выводы.** Ключевыми факторами эффективности совмещенного обучения являются синхронное взаимодействие и использование цифровых инструментов, что снижает недостатки традиционных форматов и повышает вовлеченность обучающихся в образовательный процесс. Разработанная модель может быть внедрена в программы педагогического образования для различных профилей подготовки. Перспективным направлением является разработка критериев отбора цифровых инструментов для совмещенного обучения и создание методик подготовки преподавателей к работе в таком формате.

Ключевые слова: смешанное и гибридное обучение, совмещенное обучение, подготовка педагогов, цифровизация, образовательные технологии, адаптация учебных материалов, восприятие

Для цитирования: Нечай А. А., Ничагина А. В. Совмещенное обучение как фактор повышения качества образовательного процесса в вузе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 342–349. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-342-349>

Scientific and Practical Article

UDC 378 © Nechay A. A., Nichagina A. V., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-342-349

5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education

Combined Studies as a Factor in Improving the Quality of the Educational Process at the University

Alexandr A. Nechay, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor at the chair of Information Security¹; webexpromt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1202-4830>

Anna V. Nichagina, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor at the chair of Pedagogy and Pedagogical Technologies²; 89315104502@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7630-0446>

¹ St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 1, Pilot Pilyutov st., St. Petersburg, 198206, Russia

² Pushkin Leningrad State University, 10, Peterburgskoye shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia

Abstract. Introduction. The digital transformation of education and necessity of complying with new national standards actualize the introduction of hybrid learning formats. However, the unpreparedness of universities for their full implementation and the problems of mixed models negatively influence the students' involvement. The aim is to adapt the learning course to the combined format and estimate its impact on the academic results and students' perception. **Materials and Methods.** The experiment involved 41 students of the pedagogical profile (experimental ($n = 22$) and control ($n = 19$) groups). Groups were formed based on the initial similarity of academic indicators and training format, which ensured their comparability at the start of the experiment. Theoretical analysis, questioning and Pearson's χ^2 -criterion were used. **Results and Discussion.** Course adaptation based on hybrid learning models (differentiated, multitask, etc.) has created a single educational environment. Significant differences ($\chi^2 = 5,31$; $p < 0,05$) in results and perception of the format were identified. Students noted flexibility, a combination of the advantages of face-to-face and online formats, as well as high motivation caused by interactive technologies. **Conclusions.** The key factors in the effectiveness

of combined learning are synchronous interaction and the use of digital tools, which reduces the disadvantages of traditional formats and increases the students' involvement in the educational process. The developed model can be implemented in pedagogical education programs for various training profiles. A promising area is the development of criteria for the selection of digital tools for combined training and the creation of methods for preparing teachers to work in this format.

Keywords: mixed and hybrid education, combined training, teacher's training, digitalization, educational technologies, adaptation of learning materials, perception

Citation: Nechay A. A., Nichagina A. V. Combined Studies as a Factor in Improving the Quality of the Educational Process at the University. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 3(106). Pp. 342–349 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-342-349>

Основные положения

1. Внедрение совмещенного обучения в педагогическом образовании является актуальным направлением модернизации учебного процесса, открывающим новые возможности для гибкой и эффективной подготовки будущих педагогов в условиях цифровой трансформации и способствующим формированию профессиональных компетенций, необходимых для работы в современной образовательной среде.

2. Проблематика организации учебного процесса может быть рассмотрена через призму интеграции гибридных моделей обучения, сочетающих очный и онлайн-форматы, которые оказывают непосредственное влияние на вовлеченность и академические результаты обучающихся, но требуют целостного изучения в контексте педагогического образования.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Трансформация в российском образовании в сторону цифровизации обусловлена развитием цифровой экономики, что соответствует Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы¹ и Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации»². Согласно постановлению Правительства РФ от 11 октября 2023 г. № 1678³ образовательные организации имеют право реализовывать образовательные программы или их отдельные компоненты с использованием электронного обучения и дистанционных образовательных технологий (далее — ДОТ), при условии соблюдения требований федеральных государственных образовательных стандартов (далее — ФГОС).

Переход на дистанционное обучение стал необходимым в марте 2020 г. из-за карантинных мер, что вынудило образовательные организации адаптироваться к новым условиям и полагаться на цифровые технологии

для продолжения учебного процесса. В период с 2020 г. по 2022 г. были выявлены две основные проблемы дистанционного обучения, которые мы классифицировали по техническому и человеческому факторам [1]. На сегодняшний день большинство из этих проблем успешно решены: образовательные организации значительно улучшили свою техническую готовность, обновив и оптимизировав платформы для дистанционного обучения, проведены курсы повышения квалификации для педагогов, разработана нормативная правовая база по применению ДОТ, а также определены новые вызовы и перспективы, связанные с внедрением цифровых технологий в образовательный процесс [2]. Тем не менее в вузах по-прежнему сохраняется смешанная форма обучения (Blended Learning), в то время как ведущие вузы страны и мира переходят на гибридное обучение (Hybrid Learning). Это указывает на необходимость дальнейшего совершенствования подходов к организации образовательного процесса [3].

Смешанное обучение существует уже более 20 лет, а его ключевые проблемы остаются актуальными. В свою очередь, гибридное обучение представляет собой инновационную форму образовательного процесса, сочетающую элементы традиционного и электронного обучения. Однако практика показывает, что многие вузы не готовы к его внедрению, в частности, из-за отсутствия специализированных гибридных аудиторий.

Согласно информации от ведущих российских СМИ большинство вузов применяет смешанный и гибридный форматы даже в очных программах. Академик РАО В. А. Болотов уточняет, что это помогает решить одну из ключевых проблем дистанционного обучения — нехватку практических занятий⁴. Учеными Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» отмечается, что такое обучение в вузе оказалось

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ : постановление Правительства РФ от 11 октября 2023 г. № 1678. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Академик РАО Виктор Болотов — о том, каким становится высшее образование // Известия. URL: <https://iz.ru/1275065/viktor-bolotov/smeshat-ne-vredno> (дата обращения: 10.08.2025).

самым психологически трудным для обучающихся⁵. Ректор Московского физико-технического института Д. В. Ливанов подчеркивает, что не все можно делать удаленно: лекции допустимо проводить онлайн, но семинары, лабораторные работы и научно-технические разработки должны проходить в очном формате⁶.

Цель — теоретически обосновать и практически реализовать адаптацию учебного курса по педагогической дисциплине под требования совмещенного формата обучения, а также оценить его влияние на восприятие и отношение обучающихся к образовательным форматам, включая смешанное и гибридное обучение. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: определить и классифицировать форматы обучения, включая смешанное и гибридное; адаптировать учебный курс с учетом инновационных подходов в совмещенном обучении; провести контрольный срез для анализа восприятия и отношения обучающихся к различным образовательным форматам, учитывая их опыт в адаптированном курсе.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы. Вопросы смешанного и гибридного обучения занимались как зарубежные, так и отечественные исследователи. Мнения ученых о смешанном и гибридном обучении подчеркивают различия между этими терминами. Согласно исследованиям, проведенным Т. Б. Свиридовой, Р. Г. Макиевым, А. С. Лутиковым и Е. А. Голдиной, доля онлайн-активности в смешанном обучении составляет до 45 % учебного времени, тогда как в гибридном этот показатель достигает 80 % [4]. И. А. Нагаева и И. А. Кузнецов отмечают, что смешанное обучение представляет собой комбинацию очного и дистанционного обучения, где одно из этих направлений является базовым, а гибридное обучение подразумевает оптимальное сочетание образовательных технологий, что позволяет более эффективно интегрировать различные форматы обучения [5].

Согласно определению К. Бонка, Ч. Грэхема, Д. Кросса и М. Мура, смешанное обучение представляет собой сочетание обучения лицом к лицу с обучением, опосредованным компьютером, что подчеркивает важность интеграции традиционных и цифровых форматов [6]. По классификации Б. Томлинсона и К. Уитакера, принципиальное различие между обучением, усовершенствованным технологиями, и смешанным обучением заключается в том, что первое не сокращает время занятий в классе, тогда как второе предполагает такое сокращение [7].

Н. Фризен и С. Лоу отходят от использования термина «обучение лицом к лицу», выдвигая на первый план значимость физического соприсутствия педагога и учащихся, которое может быть дополнено цифровы-

ми инструментами для взаимодействия [8]. Х. Стейкер и М. Хорн выделяют четыре модели смешанного обучения: ротации, гибридная, индивидуальная смешанная и расширенная виртуальная. Модель ротации предполагает изменение видов деятельности обучающихся по установленному графику или указанию педагога, при этом обязательным видом учебной работы является самостоятельное обучение онлайн. Гибридная модель переносит основной объем учебного времени на онлайн-обучение, позволяя обучающимся получать офлайн-консультации в удобное для них время. Индивидуальная смешанная модель действует, когда слушатели выбирают один из курсов для полного онлайн-освоения, в то время как расширенная виртуальная модель переводит в онлайн-изучение разделы каждой дисциплины образовательной программы [9].

А. Е. Байзаров, Д. П. Ананин и Н. Г. Стрикун подчеркивают основные аспекты смешанного обучения, такие как интеграция онлайн- и офлайн-форматов, гибкость, доступность, сотрудничество, индивидуализация, оценка и обратная связь. В отличие от этого, гибридное обучение фокусируется на улучшении образовательной среды [10; 11]. А. В. Кешелава, В. Г. Буданов и В. Ю. Румянцев акцентируют внимание на развитии технологической базы образовательного процесса и формировании новых компетенций в контексте гибридного обучения [12]. Ю. И. Капустин описывает комбинированное обучение как образовательную траекторию, позволяющую обучающимся использовать возможности как классического обучения, так и новых технологий [13]. А. В. Соловов трактует смешанное обучение как технологию, в которой сочетаются очное и электронное обучение с возможностью выбора времени и темпа обучения, также указывает, что цель обучения в гибридной модели заключается в улучшении образовательной среды, а влияние удаленного образования акцентирует внимание на гибридном обучении и дидактике в цифровой среде [14].

Анализ литературы показал, что гибридное и смешанное обучение имеют много общих элементов, заимствованных как из традиционного очного, так и из онлайн-формата. Однако ключевым отличием гибридной модели является возможность одновременного обучения как для онлайн-участников, так и для обучающихся, находящихся в аудитории. Это приводит к снижению применения асинхронных методов обучения по сравнению со смешанной формой. Исследователи (Т. Б. Свиридова, Р. Г. Макиев, А. С. Лутиков, Е. А. Голдина, И. А. Нагаева, И. А. Кузнецов и др.) рекомендуют использовать модель «Совмещенный формат обучения» для различных форм образовательного процесса, включая очное, заочное, очно-заочное и индивидуальное обуче-

⁵ Смешанные форматы рожают смешанные чувства... // Новости Института образования. URL: <https://ioe.hse.ru/news/818194774.html> (дата обращения: 10.08.2025).

⁶ Не все можно делать удаленно: российские вузы выбрали модель смешанного обучения // Учительская газета. URL: <https://ug.ru/ne-vse-mozhno-delat-udalЕННО-rossijskie-vuzy-vybrali-model-smeshannogo-obucheniya> (дата обращения: 10.08.2025).

ние. В этом формате преподаватель проводит контактные занятия в аудитории, параллельно взаимодействуя в режиме реального времени с теми обучающимися, которые не могут присутствовать на занятиях очно.

На сегодняшний день доказано, что эффективная организация учебного процесса требует разработки структуры занятия, ориентированной на различные виды учебной деятельности в рамках совмещенного формата обучения. Однако каждый преподаватель стремится создать занятие, которое будет соответствовать его педагогическим принципам и методам. Поэтому остаются актуальными вопросы: как выбрать подходящие технологии и определить целевую аудиторию для организации занятий? Как разработать систему контроля, основанную на электронном тестировании? Какие виды учебной активности наиболее эффективны для достижения образовательных целей (совместная работа, онлайн-симуляции, интерактивные электронные курсы и коучинг)? Как построить индивидуальные траектории и схемы организации обучения для различных групп обучающихся?

Материалы и методы

База исследования. Для эксперимента были сформированы две группы: экспериментальная (ЭГ, $n = 22$) и контрольная (КГ, $n = 19$). В основу формирования групп был положен принцип эквивалентности, учитывающий ключевые характеристики: все участники — обучающиеся 4-го курса заочного обучения по направлению 44.03.01 Педагогическое образование, профиль «Дошкольное образование». Важно отметить, что на старте эксперимента между группами не было выявлено статистически значимых различий по среднему баллу успеваемости за предыдущие семестры, что свидетельствует об их исходной академической идентичности. Особенностью экспериментальной группы стало то, что в ее состав вошли обучающиеся из головного вуза и Кингисеппского филиала, которые изначально обучались в разных форматах (смешанном и полностью дистанционном). Эта изначальная неоднородность ЭГ не была неожиданностью, а стала осознанным условием эксперимента, позволившим апробировать технологию совмещенного обучения в реальных, сложноорганизованных условиях. Контрольная группа была представлена обучающимися по полной программе в головном вузе по смешанной модели (без применения адаптированного курса и технологий совмещенного обучения).

Для устранения риска субъективности оценки и получения объективных количественных данных, помимо анализа академических оценок, использовался метод включенного наблюдения с фиксацией поведенческих индикаторов вовлеченности. К ним относились активность в чатах и на форумах (количество сообщений, реплик, вопросов), частота и качество взаимодействия в малых группах (как онлайн, так и офлайн), показатель выполнения добровольных дополнительных заданий,

а также коэффициент завершаемости интерактивных тестов и заданий на время. Эти метрики фиксировались в обеих группах на протяжении всего экспериментального периода для последующего сравнительного анализа.

Экспериментальная работа состояла из трех этапов: предварительного (июнь 2024 г.), основного (сентябрь–декабрь 2024 г.) и заключительного (январь–февраль 2025 г.). На предварительном этапе, помимо уточнения форматов обучения, были проведены входной контроль академических знаний и опрос для установления исходного уровня восприятия цифровых форматов обучения, что подтвердило исходную сопоставимость групп. На втором этапе мы адаптировали учебный курс по педагогической дисциплине под инновационную форму образовательного процесса и реализовали его на практике исключительно в экспериментальной группе. На третьем этапе провели контрольный срез с целью понять, как опыт обучающихся, прошедших полностью адаптированный курс, влияет на их восприятие и отношение к различным образовательным форматам.

Результаты и обсуждение

Опытно-экспериментальная работа. На первом этапе эксперимента осуществлялось формирование групп на основе исходного сходства академических показателей и формата обучения, что обеспечило их сопоставимость на старте эксперимента. Анализ данных за предыдущие учебные периоды показал, что средний балл успеваемости в ЭГ составлял 4,12, в КГ — 4,09 ($p > 0,05$, критерий Манна-Уитни), что свидетельствует об отсутствии значимых различий в исходной академической подготовке. Это позволяет утверждать, что последующие различия в результатах с большей вероятностью связаны с применяемым педагогическим воздействием, а не с исходной разницей в уровне подготовки обучающихся.

В рамках экспериментальной группы мы целенаправленно работали с двумя подгруппами, имеющими разную организацию учебного процесса: первая подгруппа (обучающиеся головного вуза) использовала смешанную форму обучения, сочетая дистанционные лекции и очные практические занятия, а вторая подгруппа (Кингисеппский филиал) обучалась исключительно дистанционно. Таким образом, управляемой переменной (независимым фактором) в нашем эксперименте выступала целенаправленно внедряемая технология совмещенного обучения, которая была применена к данной сложносоставной группе. В связи с этим возникла необходимость определить, как назвать указанную форму обучения в одном потоке: смешанной, гибридной или смешанно-гибридной.

Для анализа данной ситуации мы рассмотрели отличительные признаки смешанного и гибридного обучения, основываясь на современных исследованиях (Д. П. Аналин, К. В. Боровикова, Е. А. Голдина, Ю. В. Красноперова, А. С. Лутиков, Р. Г. Макиев, Т. Б. Свиридова, В. В. Тарасенко, Н. Г. Стрикун, О. И. Воронушкина, В. А. Фадеева).

Проделанная работа позволила уточнить формулировку формата обучения групп и выделить соответствующие требования к проведению занятия:

1. *Использование цифровой среды.* В смешанном обучении цифровые ресурсы применяют выборочно, поддерживая традиционное обучение, в то время как в гибридном обучении цифровую среду интегрируют в процесс обучения, создавая равные возможности для обучающихся как онлайн, так и оффлайн. В данном случае, поскольку первая группа использует как очные, так и дистанционные занятия, а вторая группа полностью дистанционна, можно утверждать, что в обучении присутствуют элементы как смешанного, так и гибридного подхода.

2. *Место проведения учебного занятия.* Смешанное обучение предполагает занятия в обычной аудитории, тогда как гибридное обучение требует специализированных гибридных аудиторий. В данной ситуации, учитывая, что первая группа проводит занятия в аудитории, а вторая группа полностью дистанционно, можно говорить о смешанном подходе для первой группы и гибридном для второй.

3. *Присутствие обучающихся.* В смешанном обучении обязательно присутствие обучающихся в аудитории, тогда как в гибридном обучении допускается участие обучающихся как оффлайн, так и онлайн. Это также подтверждает наличие смешанного подхода в первой группе и гибридного во второй.

4. *Методика работы.* Смешанное обучение основывается на традиционных методах с использованием цифровых технологий, тогда как для гибридного необходимо адаптация методов для работы с обеими группами обучающихся. Первая группа использует традиционные методы с элементами цифровых технологий, что соответствует смешанному обучению, а вторая группа требует гибридного подхода.

5. *Организация учебного материала.* В смешанном обучении учебный материал в основном представлен в аудитории, а в гибридном — интегрирован для синхронного и асинхронного обучения. Первая группа использует традиционные методы с дополнительными онлайн-ресурсами, что соответствует смешанному обучению, а вторая группа полностью дистанционна, что указывает на гибридный подход.

Можно сделать вывод, что обучающиеся экспериментальной группы были целенаправленно разделены на две подгруппы с разными исходными условиями для апробации технологии совмещенного обучения, которая была призвана унифицировать образовательный процесс для таких разнородных групп. Проблема определения названия формы обучения в одном потоке может быть решена путем использования термина «совмещенное обучение» для обозначения общего подхода, который включает в себя как смешанные, так и гибридные элементы. Это позволит более точно отразить разнообразие форматов обучения, применяемых в рамках одной образовательной программы.

На втором этапе исследования мы адаптировали учебный курс по дисциплине Б1.О.05.03 «Моделирование образовательных программ» под требования совмещенного формата обучения (табл. 1). Данный курс организован так, чтобы очные участники и онлайн-обучающиеся взаимодействовали одновременно, что позволит различным группам обучающихся проходить обучение в едином образовательном пространстве.

Адаптация учебного курса для совмещенного формата обучения осуществлялась с учетом подхода А. Е. Байзарова, который предполагает одновременное применение смешанного и гибридного обучения. В процессе работы были учтены следующие ключевые аспекты.

Таблица 1. Модель гибридной программы по педагогической дисциплине
(Table 1. Hybrid Program Model for pedagogical discipline)

Содержание	Вид работы		Модель гибридного обучения	Целевая аудитория
	СРС	ГРС		
Организационный блок				
Программа курса. Методические рекомендации. БРС	+	—	Автономно-проектная модель	Изучают один и тот же материал в индивидуальном режиме
Информационный блок				
Лекционные занятия	+	—	Дифференцированная модель	Синхронное взаимодействие между онлайн- и очными обучающимися
Практические занятия	+	+	Виртуальная групповая модель	Онлайн-обучающиеся работают как автономная группа на занятии
Дополнительный материал	+	+	А/В-модель	Чередуют очное и онлайн-обучение, в основном асинхронно
Контрольный блок				
Задания для контрольных работ	+	+	Мультитрековая модель	Делятся на группы, каждая из которых имеет свою траекторию
Тесты	+	—	Автономно-проектная модель	Используют онлайн- и офлайн-ресурсы для работы
Коммуникативный блок				
Обсуждение учебного материала	—	+	А/В-модель	Участвуют в обсуждениях через общий форум и чат

Примечания: СРС — самостоятельная работа обучающихся (аудиторная и внеаудиторная); ГРС — групповая работа обучающихся (командная работа).

Таблица 2. Планирование практического занятия совмещенного формата обучения
(Table 2. Planning of a practical lesson in a combined training format)

Ход работы (время)	Описание	Очный формат	Онлайн-формат
1. Введение (10 мин.)	Преподаватель объясняет цели и задачи занятия, знакомит с понятием ФОП ДО	Опрос обучающихся для активизации знаний. Работа в малых группах	Виртуальная доска для вопросов и ответов. Чат для обсуждения
2. Обсуждение понятий (15 мин.)	Групповое обсуждение: обучающиеся делятся своими знаниями о терминах, выделенных в тексте	Обучающиеся работают в малых группах, обсуждая термины. Презентация результатов групп	Использование онлайн-форума для обсуждения. Чат для обмена мнениями
3. Работа в мини-группах (20 мин.)	Обучающиеся проходят онлайн-тест на сайте «Аттестатика» для оценки уровня знаний. Преподаватель следит за процессом и отвечает на вопросы	Преподаватель помогает с техническими вопросами. Обсуждение результатов в группах	Преподаватель следит за прогрессом через платформу. Чат для вопросов
4. Работа в парах (20 мин.)	Обучающиеся используют онлайн-карточки на LearningApps для определения понятных и непонятных сокращений	Обучающиеся работают в парах, обсуждая карточки. Преподаватель проводит пояснение сложных терминов	Работа с карточками. Обсуждение в чате
5. Онлайн-тестирование (20 мин.)	Выполнение онлайн-теста с пояснением основных сокращений и терминов ФОП ДО на OnlineTestPad	Групповое обсуждение результатов теста. Преподаватель отвечает на вопросы	Обсуждение результатов в чате. Виртуальная сессия вопросов и ответов
6. Заключение (5 мин.)	Преподаватель подводит итоги занятия, отвечает на вопросы обучающихся, дает рекомендации по дальнейшему изучению темы	Обсуждение итогов в группе. Обратная связь от обучающихся	Итоговая сессия в чате. Рекомендации по дополнительным материалам

1. Разнообразные модели гибридного обучения: дифференцированная, мультитрековая, А/В-модель, автономно-проектная и виртуальная групповая (по Дж. Спенсеру).

2. Интеграция методов, которая позволяет онлайн- и офлайн-обучающимся изучать один и тот же материал, используя различные методы и инструменты.

3. Групповая динамика, обеспечивающая возможность взаимодействия обучающихся в групповых дискуссиях и выполнении индивидуальных заданий.

4. Адаптация к целям, при которой выбор формата и модели обучения основывается на целях и задачах программы, а также учитываются характеристики целевой аудитории для выбора наиболее подходящего формата.

5. Наличие ресурсов и возможностей, включая техническое оснащение и кадровое обеспечение, необходимых для успешной реализации гибридного формата.

В качестве примера представим планирование практического занятия по теме «Понятийный аппарат ФОП ДО», направленного на ознакомление обучающихся с основными понятиями Федеральной программы, развитие навыков работы с терминологией в области дошкольного образования и обеспечение синхронного взаимодействия обучающихся как в очном, так и в онлайн-формате (табл. 2).

Организация занятия по модели «Виртуальная группа» способствует активному участию и взаимодействию всех обучающихся как в очном, так и в онлайн-формате. Тем не менее авторы данного подхода подчеркивают, что выбор формата всегда является индивидуальным решением, которое должно основываться на учете всех факторов.

На третьем этапе исследования был проведен контрольный срез, направленный на оценку академических результатов и изучение восприятия обучающимися образовательных форматов. В рамках этого этапа были собраны мнения и предпочтения обучающихся

относительно очного, онлайн- и смешанного форматов обучения. Были поставлены следующие вопросы: какие плюсы и минусы Вы видите в совмещенном формате обучения по сравнению с традиционным очным и онлайн-обучением? Какой аспект совмещенного формата обучения мог бы мотивировать Вас более активно участвовать в учебном процессе?

Для анализа использовался χ^2 -критерий Пирсона (хи-квадрат) для проверки гипотез о зависимости между восприятием совмещенного формата обучения и мотивацией обучающихся. Нулевая гипотеза (H_0) утверждает, что значительных различий в восприятии плюсов и минусов совмещенного формата обучения нет. Альтернативная гипотеза (H_1) предполагает, что такие различия существуют и факторы вовлечения в онлайн-образование влияют на мотивацию обучающихся в рамках совмещенного формата обучения.

Для оценки академических результатов была составлена таблица сопряженности (табл. 3).

Таблица 3. Результаты педагогического эксперимента (контрольный срез)

(Table 3. Results of the pedagogical experiment (control section))

Группа	Положительный результат, чел.	Не достигли положительного результата, чел.	Общее количество в группе, чел.
ЭГ	16 (72,73 %)	6 (27,27 %)	22
КГ	7 (36,84 %)	12 (63,16 %)	19
Итого	23	18	41

Таким образом, выявленные значимые различия в результатах заключительного среза ($\chi^2 = 5,31$; $p < 0,05$) с большой вероятностью связаны с применением в экспериментальной группе адаптированного курса в совмещенном формате.

Итак, факторы вовлечения в онлайн-образование, которые являются частью совмещенного формата, влияют на мотивацию обучающихся. Эти различия в восприятии форматов обучения подтверждают, что совмещенный формат обучения может оказывать значительное

влияние на уровень вовлеченности обучающихся и их мотивацию к учебному процессу.

Результатами исследования послужили мнения обучающихся о преимуществах и недостатках очного, онлайн- и совмещенного формата обучения:

- преимущества очного обучения: непосредственное взаимодействие с преподавателями (72,73 % — ЭГ; 36,84 % — КГ), социализация и взаимодействие (63,64 % — ЭГ; 36,84 % — КГ), а также активное участие обучающихся, улучшенная коммуникация и сотрудничество (54,55 % — ЭГ; 31,58 % — КГ);

- основные недостатки очного обучения: более напряженное расписание (40,91 % — ЭГ; 47,37 % — КГ), минимальное использование технологий преподавателями или их отсутствие (40,91 % — ЭГ; 47,37 % — КГ), меньшее количество свободного времени (27,27 % — ЭГ; 31,58 % — КГ);

- преимущества онлайн-обучения: гибкость во времени и пространстве при обучении из дома (86,36 % — ЭГ; 66,84 % — КГ), знакомство с цифровыми технологиями (54,55 % — ЭГ; 51,58 % — КГ);

- основные недостатки онлайн-обучения: технические проблемы, такие как плохое (или отсутствие) интернет-соединение (31,82 % — ЭГ; 33,16 % — КГ), неудобство работы на практических занятиях (50,0 % — ЭГ; 31,58 % — КГ), трудности с технологиями и минимальное взаимодействие с преподавателями и сверстниками (45,45 % — ЭГ; 36,84 % — КГ);

- положительное восприятие совмещенного формата обучения: обучающиеся отметили сочетание преимуществ очного и онлайн-обучения, что позволяет минимизировать недостатки онлайн-обучения (50,0 % — ЭГ; 31,58 % — КГ). Гибридное обучение рассматривается также как практичное преодоление негативного воздействия определенных обстоятельств, таких как опоздание автобусов или плохие погодные условия (50,0 % — ЭГ; 36,84 % — КГ).

Для верификации субъективных оценок обучающихся, полученных через опрос, был проведен анализ объективных поведенческих данных. В ЭГ по сравнению с КГ были зафиксированы статистически значимые различия по следующим показателям:

- средняя активность на одного обучающегося в чатах и форумах курса в ЭГ составила $12,7 \pm 3,2$ сообщения в неделю против $5,1 \pm 2,1$ в КГ ($p < 0,01$);

- доля обучающихся, выполнивших все обязательные и добровольные интерактивные задания (например, на LearningApps), в ЭГ достигла 86,4 %, тогда как в КГ этот показатель составил 57,9 %;

- коэффициент завершаемости онлайн-тестов на платформе «Аттестатика» в ЭГ был стабильно выше 95 %, в то время как в КГ он колебался в рамках 78–85 %;

- время среднего отклика на задания преподавателя в ЭГ (как онлайн, так и офлайн) сократилось на 25 % по сравнению с КГ.

Эти количественные данные объективно подтверждают выводы, сделанные на основе анкетирования: совмещенный формат способствует росту академической активности, повышает дисциплину выполнения заданий и усиливает включенность обучающихся в учебный процесс.

По итогам работы был задан дополнительный вопрос ЭГ: «Какие факторы вовлечения в формате совмещенного обучения оказали наибольшее влияние на Вашу мотивацию?» Результаты ответов показали следующее: работа в смешанных группах оказала влияние на 72,73 %, применение виртуальных досок и онлайн-тестирования — 63,64 %, возможность обсуждения и обратной связи в реальном времени — 50,0 %. Среди других факторов выделяются работа над одной задачей с использованием различных онлайн-платформ для совместного редактирования документов, таких как Google Docs или Microsoft Teams, интерактивные опросы через инструменты, например Mentimeter или Kahoot, создание онлайн-форумов или чатов для обмена вопросами и идеями, а также проведение ролевых игр, позволяющих обучающимся взаимодействовать друг с другом независимо от формата обучения.

Выводы

Результаты контрольного среза, показавшие статистически значимые различия ($\chi^2 = 5,31$; $p < 0,05$) в пользу ЭГ, позволяют утверждать, что адаптация учебного курса «Моделирование образовательных программ» под требования совмещенного формата обучения является эффективным решением для повышения качества образовательного процесса. Термин «совмещенное обучение» для обозначения общего подхода, включающего как смешанные, так и гибридные элементы, позволяет более точно отразить разнообразие форматов, применяемых в рамках одной образовательной программы.

Эффективность адаптированного курса подтверждается не только статистически значимым улучшением академических результатов, но и рядом объективных количественных показателей, таких как рост учебной активности в цифровой среде и повышение доли выполняемых добровольных учебных заданий до 86,4 %. Это позволяет утверждать, что совмещенный формат оказывает комплексное положительное влияние как на когнитивную, так и на поведенческую составляющую учебной деятельности.

Организация занятий по модели «Виртуальная группа» способствует активному участию обучающихся как в очном, так и в онлайн-формате, что создает единую образовательную среду. Однако универсального формата обучения, подходящего для всех программ и занятий, не существует. Выбор формата должен основываться на индивидуальных потребностях и условиях, что подчеркивает необходимость гибкости в подходах к обучению.

Перед разработкой гибридной программы необходимо четко определить ее цели и преимущества

для обучающихся, а также оценить вызовы, связанные с внедрением. Важно пересмотреть учебные цели курса, учитывая, какие из них легче достигнуть в очном или онлайн-формате. Ключевым аспектом является детальное планирование учебных активностей для обеих групп обучающихся, что требует создания новых учебных материалов и методов оценивания, адаптированных к гибриднему формату.

Данный эксперимент стал основой для дальнейших исследований в области совмещенного обучения, и в процессе его реализации были выявлены направления для улучшения. Следующим этапом нашего исследования станет более детальное изучение эффективности различных методических подходов и технологий в контексте совмещенного обучения, что позволит обеспечить более глубокую интеграцию профессиональных компетенций, необходимых для подготовки квалифицированных специалистов в области дошкольного образования.

Область применения и перспективы. Разработанная модель адаптации учебного курса под совмещенный формат обучения открывает значительные возможности для трансформации системы высшего педагогического образования, находя практическое применение в программах профессиональной переподготовки и повышения квалификации педагогов, а также в основных образовательных программах вузов. Особую актуаль-

ность данная модель приобретает в условиях развития заочной и очно-заочной форм обучения, наличия сетевых взаимодействий между образовательными организациями и работой филиалов вузов в разных регионах. Перспективы дальнейших исследований видятся в углубленном изучении долгосрочного влияния совмещенного формата на профессиональную адаптацию выпускников-педагогов, что позволит оценить устойчивость полученных образовательных результатов. Важным направлением представляется разработка и валидация диагностического инструментария для комплексной оценки сформированности профессиональных компетенций педагога в условиях совмещенного обучения, поскольку существующие методы оценки не всегда адекватно отражают специфику гибридных образовательных сред. Кроме того, перспективным представляется создание методических рекомендаций по проектированию индивидуальных образовательных траекторий в рамках совмещенного обучения с учетом цифрового портфолио обучающегося, что позволит максимально учесть образовательные потребности и возможности каждого обучающегося. Эти направления исследований не только обогатят теоретическую базу педагогики высшей школы, но и будут способствовать разработке практических решений для повышения эффективности подготовки педагогических кадров в условиях цифровой трансформации образования.

Список источников / References

1. Нечай А. А., Ничагина А. В. Анализ использования информационных систем для мониторинга образовательной деятельности в вузе // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2023. Т. 12, № 4(45). С. 112–116.
2. Ачмизова С. Я. Перспективы применения онлайн-платформ в процессе информатизации современного образования // *Мир науки, культуры, образования*. 2024. № 2(105). С. 302–304.
3. Баранников К. А., Ананин Д. П., Стрикун Н. Г. Гибридное обучение: российская и зарубежная практика // *Вопросы образования*. 2023. № 2. С. 33–69.
4. Свиридова Т. Б., Макиев Р. Г., Лутиков А. С., Голдина Е. А. Смешанное, гибридное обучение как необходимый компонент современного обучения медицинских работников // *Менеджер здравоохранения*. 2024. № 6. С. 87–96.
5. Нагаева И. А., Кузнецов И. А. Гибридное обучение как потенциал современного образовательного процесса // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2022. Т. 1, № 3(84). С. 126–139.
6. Curtis J. Bonk, Charles R. Graham, Jay Cross, Michael G. Moore *The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs*. Pfeiffer. San Francisco, California, USA. 2006. 640 p.
7. Tomlinson B., Whittaker C. *Blended Learning in English Language Teaching: Course Design and Implementation*. British Council. 2013. Suzhou, China. 258 p.
8. Friesen N., & Lowe S. The questionable promise of social media for education: Connective learning and the commercial imperative. *Journal of Computer Assisted Learning*. 2012. No. 28(3). Pp. 183–194.
9. Staker H., Horn M. B. *Classifying K–12 Blended Learning*. Innosight Institute. San Mateo, California, USA. 2012. 22 p.
10. Байзаров А. Е. Чем гибридное обучение отличается от смешанного? // *EduTech*. 2021. № 7(45). С. 9–11.
11. Ананин Д. П., Стрикун Н. Г. Гибридное обучение в структуре высшего образования: между онлайн и офлайн // *Преподаватель XXI век*. 2022. № 4-1. С. 60–74.
12. Кешелава А. В., Буданов В. Г., Румянцев В. Ю. Введение в «цифровую» экономику. М., 2017. 28 с.
13. Капустин Ю. И. Педагогические и организационные условия эффективного сочетания очного обучения и применения технологий дистанционного образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2007. 40 с.
14. Соловов А. В. Электронное обучение — новая технология или новая парадигма? // *Высшее образование в России*. 2006. № 11. С. 104–112.

Поступила 19.09.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Теория и методика спорта, профессиональной физической подготовки и оздоровительной физической культуры

**Theory and methods of sports, professional physical training
and health improving physical culture**

Научно-практическая статья

УДК 796.796 © Бабушкин Г. Д., Матюхов А. М., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-350-359

5.8.5. Теория и методика спорта

Значимость психофизических качеств в соревновательной деятельности квалифицированных гандболистов различных амплуа

Геннадий Дмитриевич Бабушкин, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры и спорта¹; gena41@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6748-6368>

Альберт Марсельевич Матюхов, магистр спорта, тренер по гандболу¹

¹ Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск, 644009, ул. Масленникова, 144, Россия

Реферат. Введение. Актуальность исследования профессионально важных психофизических качеств гандболистов обусловлена их высокой значимостью в соревновательной деятельности игроков различных амплуа. Сущность проблемы состоит в обосновании средств и методов совершенствования данных качеств квалифицированных гандболистов различных амплуа. Цель — обосновать средства и методы совершенствования профессионально важных психофизических качеств квалифицированных гандболистов различных амплуа. **Материалы и методы.** Методологическую основу исследования составили теория и методика спортивной тренировки, возрастные особенности личности, положения развития физических и психомоторных качеств. В исследовании приняли участие 48 спортсменов мужского пола в возрасте 15–17 лет (средний возраст $16,0 \pm 0,8$ года), имеющих первый спортивный разряд. Сбор данных проходил в течение продолжительного времени — с августа 2023 г. по июнь 2025 г. Использовались методы анализа и обобщения специальной литературы, тестирования, педагогического эксперимента. **Результаты и обсуждение.** Сравнительный анализ выраженности профессионально важных психофизических качеств подтвердил, что игроки разных позиций статистически значимо различаются по профилю ключевых качеств. Установлены статистически значимые корреляционные связи между целевыми профессионально важными психофизическими качествами и показателями игровой эффективности. На основе корреляционного анализа был создан комплекс упражнений, направленных на развитие «качества-мишени» для каждого амплуа. **Выводы.** Доказана эффективность дифференцированной методики. Результаты 12-недельного педагогического эксперимента показали статистически достоверный прирост по всем целевым профессионально важным психофизическим качествам у игроков всех амплуа и улучшение показателей соревновательной деятельности.

Ключевые слова: спорт, гандбол, квалификация, амплуа, качества, совершенствование, средства, методы, соревновательная деятельность

Для цитирования: Бабушкин Г. Д., Матюхов А. М. Значимость психофизических качеств в соревновательной деятельности квалифицированных гандболистов различных амплуа // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 350–359. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-350-359>

Scientific and Practical Article

UDC 796.796 © Babushkin G. D., Matyukhov A. M., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-350-359

5.8.5. Theory and Methods of Sports

Importance of Psychophysical Qualities in the Competitive Activity of Qualified Handball Players of Various Roles

Gennady D. Babushkin, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor at the chair of Theory and Methods of Physical Culture and Sports¹; gena41@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6748-6368>

Albert M. Matyukhov, Master of Science (in Sports), handball coach¹

¹ the Siberian State University of Physical Culture and Sports, 144, Maslennikov st., Omsk, 644009, Russia

Abstract. Introduction. The relevance of the study of professionally crucial psychophysical qualities of handball players is determined by their high importance in the competitive activities of players of various roles. The significance of the problem lies

in the development and improvement of professionally important psychophysical qualities of handball players with regard to their role. The essence of the problem is to substantiate the means and methods of improving the professionally crucial psychophysical qualities of qualified handball players of various roles. The goal is to substantiate the means and methods of improving the professionally important psychophysical qualities of qualified handball players of various roles. **Materials and Methods.** The methodological basis of the study was the theory and methodology of sports training, age-related personality traits, the provisions of development of physical and psychomotor qualities. The study was conducted at the Child and Youth Sports School No. 1, Baku. Data collection took place for a long time — from August 2023 to June 2025 with the participation of 48 male athletes aged 15–17 years (average age 16.0 ± 0.8 years) who have sports qualifications of the first sports category. Methods of analysis and generalization of special literature, testing, pedagogical experiment were employed. **Results and Discussion.** Comparative analysis of the intensiveness of professionally important psychophysical qualities confirmed that players of different roles statistically differ in the profile of key qualities. Statistically significant correlations were established between target professionally important psychophysical qualities and game efficiency indicators. Based on the correlation analysis, a set of exercises was created to develop a "target quality" for each role. **Conclusions.** The effectiveness of the differentiated method has been proven. The results of a 12-week pedagogical experiment showed a statistically significant increase in all target professionally important psychophysical qualities among players of all roles and an improvement in competitive performance.

Keywords: sports, handball, qualification, role, qualities, improvement, means, methods, competitive activity

Citation: Babushkin G. D., Matyukhov A. M. Importance of Psychophysical Qualities in the Competitive Activity of Qualified Handball Players of Various Roles. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 3(106). Pp. 350–359 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-350-359>

Основные положения

1. Гандболисты различных амплуа различаются по профилю ключевых качеств. Для крайних — важны скоростные способности и специальная работоспособность; для вратарей — скорость простой реакции и взрывная сила ног; для полусредних — скоростно-координационные способности и специальная работоспособность.

2. Между целевыми профессионально важными психофизическими качествами и показателями игровой эффективности имеется связь. Наиболее выраженные связи обнаружены у разыгрывающих и вратарей, что подчеркивает решающую роль психомоторной сферы для данного амплуа.

3. В основу разработки комплекса упражнений для развития профессионально важных психофизических качеств положена их связь с показателями игровой эффективности для каждого амплуа. Упражнения построены по принципу сопряженности, моделируя фрагменты игровой деятельности, что обеспечивает перенос тренировочного эффекта.

4. Целенаправленное, основанное на объективных данных развитие ключевых профессионально важных психофизических качеств приводит к значимому улучшению показателей соревновательной деятельности. Наибольшая положительная динамика наблюдалась именно в тех качествах, которые обладали максимальным коэффициентом корреляции.

Введение

Актуальность, значимость, сущность проблемы.

Современный спорт высших достижений предъявляет высокие требования к подготовленности спортсменов, что особенно актуально для сложнокоординационных командных видов спорта, каким является гандбол. Особую значимость для гандбола приобретает изучение профессионально важных качеств (далее — ПВК) спортсменов, составляющих фундамент их спортивного мастерства. Теоретическое осмысление ПВК, их структу-

ры имеет непосредственное практическое значение для построения эффективной системы подготовки спортивного резерва в гандболе.

Цель — разработать и обосновать методику развития психофизических качеств квалифицированных гандболистов с учетом их значимости и амплуа спортсмена.

Гипотеза исследования: предполагается, что результативность соревновательной деятельности юных гандболистов в значительной степени определяется сформированностью ключевых профессионально важных психофизических качеств, характерных для каждого игрового амплуа. Выявление этого комплекса и его целенаправленное развитие позволяет повысить эффективность системы подготовки спортивного резерва в гандболе.

Задачи исследования:

1. Определить на основе анализа научно-методической литературы перечень и содержание психофизических качеств, являющихся наиболее значимыми для соревновательной деятельности в гандболе.

2. Провести сравнительный анализ уровня развития профессионально важных психофизических качеств (далее — ПВПК) и показателей соревновательной результативности у гандболистов различных амплуа.

3. Выявить статистически значимые корреляционные связи между целевыми ПВПК и показателями игровой эффективности.

4. Разработать методику развития ПВПК, в основу которой положена дифференциация тренировочного процесса юных гандболистов с учетом структуры ключевых качеств их игрового амплуа.

Степень разработанности проблемы. Анализ научно-методической литературы показывает, что, несмотря на достаточно широкое использование термина «профессионально важные качества» в спортивной практике, его содержательное наполнение часто остается размытым и требует серьезного методологического

обоснования, особенно применительно к специфике игровой деятельности в гандболе [1].

В контексте спортивной деятельности (например, в гандболе) ПВК приобретают специфические черты, обусловленные особенностями данного вида спорта [2]. Классифицируя эти качества по уровню обобщенности и специфичности, мы выделили три группы:

1. Общечеловеческие качества, такие как работоспособность, здоровье, общий интеллект, которые необходимы для любой деятельности, но не определяют спортивную специализацию.

2. Общеспортивные качества, включающие базовую физическую подготовленность, волевые качества, общую координацию, характерные для большинства видов спорта.

3. Специфические качества, непосредственно определяющие успех в конкретном виде спорта [3].

Что касается гандбола, то к последним относятся «взрывное» ускорение, меткость броска в прыжке, скоростная выносливость для постоянных перемещений, специфическое периферическое зрение для контроля партнеров и соперников. Данная классификация имеет важное практическое значение, поскольку позволяет дифференцировать содержание тренировочного процесса на разных этапах подготовки [4].

Деятельность гандболиста характеризуется высокой динамичностью, нестандартностью ситуаций, необходимостью постоянного противоборства с соперником и тесного командного взаимодействия, что накладывает особый отпечаток на структуру и содержание ПВК [5].

Профессионально важные качества гандболиста представляют собой интегральную, динамическую систему морфологических, физических, психофизиологических, психических и личностных свойств спортсмена, обуславливающую успешность освоения и реализации спортивной подготовленности гандболистами в соревновательных условиях. Данное определение включает несколько принципиально важных аспектов, которые требуют более подробного рассмотрения [6]:

1) системность, означающую, что ПВК представляют собой не сумму отдельных свойств, а целостную структуру, где изменение одного элемента влечет за собой изменение в других [7];

2) интегральность, т. е. объединение в рамках ПВК биологических, психических и социальных характеристик человека [8];

3) динамичность, отражающую способность состава и структуры ПВК изменяться в процессе тренировок, с ростом мастерства, при смене игрового амплуа или в зависимости от конкретного соперника;

4) критериальность, указывающую на то, что успешность развития и проявления ПВК оценивается через объективные показатели соревновательной результативности [9].

В спортивной науке сложился общепризнанный подход к разделению ПВК на несколько взаимосвязанных компонентов, каждый из которых вносит специфический вклад в общую эффективность спортивной деятельности. Применительно к гандболу наиболее релевантной представляется следующая структура профессионально важных качеств [10].

Морфологический компонент включает в себя особенности спортсмена, которые выступают как природная предпосылка для развития качеств. Для гандбола ключевыми морфологическими характеристиками являются рост, длина рук, весоростовые показатели, тип телосложения. Например, высокий рост и длинные руки представляют значительное преимущество для вратаря и линейного игрока [11]. Исследования антропометрических данных гандболистов показывают, что для каждого игрового амплуа существуют оптимальные диапазоны морфологических характеристик, которые способствуют достижению высоких спортивных результатов [12].

Физический компонент, по мнению А. В. Сушковой, И. В. Кузнецова и О. В. Алехиной, объединяет качества, определяющие физическую готовность спортсмена к выполнению специфических для гандбола нагрузок:

- силовые качества — взрывная сила мышц ног для прыжка и сила мышц плечевого пояса для броска;
- скоростные качества — стартовая скорость и быстрота перемещения по площадке;
- координационные способности — ловкость, равновесие, быстрота перестроения движений;
- выносливость — скоростная, силовая, общая;
- гибкость — подвижность в суставах, необходимая для выполнения бросков из нестандартных позиций [13].

По мнению А. П. Попович, гандболисты за матч преодолевают 4–5 километров, из которых 40 % приходится на передвижение с высокой интенсивностью. Развитие скоростно-силовых качеств определяет эффективность атакующих действий — мощность и точность бросков, высоту и дальность прыжков. Выносливость обуславливает сохранение технико-тактического мастерства на протяжении всей игры [14].

Психологический компонент является одним из наиболее сложных и значимых, особенно в условиях соревнования [15], включающий:

- 1) психические процессы — восприятие скорости и траектории мяча, тактильное восприятие, внимание, оперативное мышление, память;
- 2) психофизиологические качества — нервно-мышечную координацию и сенсомоторные реакции;
- 3) эмоционально-волевые качества — стрессоустойчивость, эмоциональную стабильность, целеустремленность, настойчивость, решительность, самообладание;
- 4) личностные свойства — мотивацию достижения успеха, коммуникабельность, лидерство, способность

к командному взаимодействию, самоконтроль и саморегуляцию.

Как полагают Н. С. Шумова и Ю. В. Байковский, психический компонент ПВК оказывает решающее влияние на стабильность выступления в условиях соревновательного стресса [16]. Исследования в области спортивной психологии выявили взаимосвязь между уровнем развития эмоционально-волевых качеств и способностью сохранять концентрацию внимания в критических игровых моментах.

Технико-тактический компонент представляет собой реализационную составляющую ПВК, трансформирующую физические и психические возможности в конкретные игровые действия. Техническая подготовленность включает совокупность двигательных умений и навыков, в том числе броски по воротам, передачи, ведение, финты, перемещения, технику защиты. Тактическая подготовленность охватывает способность грамотно использовать технические приемы в условиях игры: индивидуальные, групповые и командные тактические действия, понимание игры, тактическое мышление. Современные исследования в области теории и методики гандбола подчеркивают возрастающую роль тактической составляющей, связанной с необходимостью быстрой адаптации к меняющимся условиям игры [17].

Техническая подготовленность выступает в роли связующего звена между различными компонентами ПВК и их конечной реализацией в соревновательной деятельности. Качество выполнения технических действий зависит от уровня развития физических и психических качеств. Статистика соревнований свидетельствует, что разница в классе команд часто определяется не столько физическими кондициями игроков, сколько стабильностью выполнения технических элементов в условиях противодействия соперника [17].

Тактическая составляющая ПВК обеспечивает рациональное использование технического арсенала и физических возможностей в соответствии с игровой ситуацией. Развитое тактическое мышление позволяет гандболистам не только эффективно решать стандартные игровые задачи, но и находить нестандартные решения в сложных игровых эпизодах. Анализ игр высококвалифицированных команд показывает, что до 40 % голов забивается в результате грамотно разыгранных тактических комбинаций, а не индивидуальных действий игроков [18].

Соревновательная деятельность в гандболе представляет собой комплексное проявление всего спектра ПВК спортсмена, находящихся в сложном динамическом взаимодействии. Эффективность выступления гандболиста на соревнованиях определяется не просто наличием отдельных развитых качеств, а оптимальным сочетанием и взаимодополнением различных компонентов ПВК, соответствующих конкретной игровой ситуации и амплуа спортсменов.

Для гандбола важными качествами являются «взрывное» ускорение, меткость броска в прыжке, скоростная выносливость для постоянных перемещений, специфическое периферическое зрение для контроля партнеров и соперников. Данная классификация имеет важное практическое значение, поскольку позволяет дифференцировать содержание тренировочного процесса на разных этапах подготовки [4].

Материалы и методы

Исследование проводилось на базе детско-юношеской спортивной школы № 1 г. Баку Республики Азербайджан. Этап сбора данных проходил в течение продолжительного времени — с августа 2023 г. по июнь 2025 г. Результаты игровой эффективности брались из протоколов пяти соревнований, высчитывалось среднее значение. В исследовании приняли участие 48 спортсменов мужского пола в возрасте 15–17 лет (средний возраст $16,0 \pm 0,8$ года), имеющих спортивную квалификацию не ниже первого спортивного разряда. Выборка испытуемых была структурирована по игровым амплуа. В нее вошли: крайние ($n = 10$), полусредние ($n = 12$), линейные ($n = 8$), разыгрывающие ($n = 10$) и вратари ($n = 8$).

Для оценки каждого компонента ПВК был подобран инструментарий, соответствующий возрастным особенностям испытуемых и специфике гандбола.

1. *Физические качества*: 1) скорость — бег на 30 м со старта (сек.); 2) координация и ловкость — челночный бег 4 x 9 (м/сек.); 3) взрывная сила мышц ног — прыжок в длину с места и прыжок вверх по Абалакову (см); 4) силовая выносливость — сгибание и разгибание рук в упоре лежа за 60 сек. (количество раз) и подтягивание на перекладине (количество раз); 5) общая выносливость — бег на 2000 м (мин.); 6) специальная работоспособность — тест PWC170 (кгм/мин/кг) на велоэргометре.

2. *Психомоторные качества*: 1) скорость простой сенсомоторной реакции — реактометр (мс); 2) скорость сложной реакции выбора — трехцветный тест на реакцию выбора (мс); 3) кинестетическая точность — кинестетический тренажер «Координация».

3. *Технико-тактические качества и соревновательная результативность*: 1) для полевых игроков — процент реализации бросков, количество заброшенных мячей, голевые передачи, перехваты и потери мяча в среднем за игру; 2) для вратарей — процент отраженных бросков, количество сейвов в ситуации выхода «один на один».

Результаты и их обсуждение

Результаты психофизической подготовленности юных гандболистов представлены в таблице 1.

Наилучшие показатели скоростных качеств выявлены у крайних игроков (4,38 сек.). Вратари имеют наихудшие результаты (4,78 сек.), что обусловлено их тактической позицией на площадке и отсутствием необходимости в линейном спринте.

Таблица 1. Показатели физических качеств юных гандболистов разных игровых амплуа в сезоне 2023–2024 гг. (n = 48, X ± σ)
(Table 1. Indicators of physical qualities of young handball players of different playing roles in the season 2023–2024, (n = 48, X ± σ))

Тест	Крайние (n = 10)	Полусредние (n = 12)	Линейные (n = 8)	Разыгрывающие (n = 10)	Вратари (n = 8)
Бег на 30 м, сек.	4,38 ± 0,24	4,52 ± 0,28	4,65 ± 0,30	4,55 ± 0,25	4,78 ± 0,32
Челночный бег 4 x 9 м, сек.	10,8 ± 0,7	11,4 ± 0,8	12,1 ± 0,9	11,1 ± 0,7	12,4 ± 0,9
Прыжок в длину с места, см	235 ± 15	232 ± 13	240 ± 18	230 ± 14	222 ± 17
Прыжок вверх по Абалакову, см	54 ± 6	51 ± 7	58 ± 8	49 ± 6	44 ± 7
Сгибание и разгибание рук в упоре (60 сек.), раз	38 ± 7	41 ± 8	44 ± 9	36 ± 7	34 ± 6
Подтягивания на перекладине, раз	6 ± 2	7 ± 2	9 ± 3	6 ± 2	4 ± 2
Бег на 2000 м, мин.	7,75 ± 0,4	7,80 ± 0,45	8,40 ± 0,55	7,83 ± 0,50	8,50 ± 0,65
Тест PWC 170, кгм/мин/кг	17,2 ± 1,8	16,8 ± 1,7	15,5 ± 1,9	17,5 ± 1,6	14,9 ± 2,0

Ловкость и координация также доминируют у крайних игроков (10,8 сек.), что критично для обыгрыша в ограниченном пространстве у линии площади ворот. Вратари показывают наихудший результат (12,4 сек.), однако для них данный тест менее специфичен.

Прыжковые способности являются ключевыми для центральных позиций. Линейные игроки демонстрируют максимальный результат в прыжке вверх (58 см) и наибольшую дальность в прыжке в длину (240 см). Высокий прыжок — их ключевое рабочее качество для выполнения бросков с падением и блокирования бросков в защите. Второе место занимают крайние игроки (54 см), которым прыжок необходим для бросков под острым углом. Наименьший результат у вратарей (44 см), что может указывать на резерв для развития именно взрывных сил ног, необходимых для молниеносных перемещений и выноса корпуса при отражении бросков.

Силовые показатели верхней части тела (результат в подтягивании) выражены максимально у линейных игроков (9 раз), что коррелирует с их функциями силовой борьбы и заслонов.

В тестах на локальную мышечную выносливость (отжимания за 60 сек.) полусредние и линейные игроки также показывают высокие значения (41 и 44 раза соответственно).

Общая выносливость (бег на 2000 м) находится на наивысшем уровне у крайних игроков (7,75 мин.). Линейные и вратари показывают значительно худшие результаты (8,40 и 8,50 мин. соответственно).

Физическая работоспособность является ключевым интегральным показателем. Максимальные значения зафиксированы у разыгрывающих и крайних игроков (17,5 и 17,2 кгм/мин/кг), что свидетельствует об их высокой адаптации кардиореспираторной системы к интенсивным нагрузкам, характерным для гандбола.

Анализ психомоторных качеств выявил следующее (табл. 2). Вратари и разыгрывающие показывают относительно лучшие результаты в скорости простой реакции (205 и 210 мс), у всех групп, включая вратарей, наблюдаются недостаточные показатели сложной реакции выбора (в среднем 375–395 мс), что указывает на дефицит тренированности в условиях неопределенности.

Высокие показатели простой и сложной реакции демонстрируют вратари по сравнению с другими игроками.

У вратарей и разыгрывающих более высокие показатели выявлены в кинематометрической точности. Особенно критична ситуация у линейных игроков, демонстрирующих наибольшее время сложной реакции (395 мс) и наибольшую ошибку в кинематической точности (4,8). Это создает противоречие между их высокими физическими кондициями и недостаточным психомоторным контролем, что может лимитировать реализацию силового потенциала в точных игровых действиях.

Таблица 2. Показатели психомоторных качеств юных гандболистов разных игровых амплуа в сезоне 2023–2024 гг. (n = 48, X ± σ)

(Table 2. Indicators of psychomotor qualities of young handball players of different playing roles in the season 2023–2024 (n = 48, X ± σ))

Показатель	Крайние (n = 10)	Полусредние (n = 12)	Линейные (n = 8)	Разыгрывающие (n = 10)	Вратари (n = 8)
Простая реакция, мс	212 ± 18	218 ± 20	225 ± 20	210 ± 17	205 ± 18
Сложная реакция выбора, мс	385 ± 32	375 ± 30	395 ± 35	365 ± 28	360 ± 29
Кинематометрическая точность, гр. ошибки	4,2 ± 1,1	4,2 ± 1,1	4,8 ± 1,3	3,5 ± 0,9	3,8 ± 1,0

В атакующих действиях крайние нападающие демонстрируют максимальную эффективность, лидируя как по реализации (65 %), так и по количеству заброшенных мячей за игру (4,2). Этот результат является закономерным следствием их игры на флангах, где они выполняют броски в минимальных противодействиях (табл. 3).

Линейные игроки, имея самую низкую реализацию (58 %), сохраняют существенное значение в голевых моментах (3,0). Данное противоречие объясняется спецификой их амплуа: они находятся в центре обороны команды соперника, где большинство бросков выполняется в условиях силового противостояния, что объективно снижает процент реализации, но при высокой игровой активности позволяет сохранять результативность. Показатели полусредних и разыгрывающих (реализация 60–62 %) занимают промежуточное положение, что подчеркивает их более универсальную роль в атаке. В контексте организации игры абсолютными лидерами

Таблица 3. Показатели технико-тактической эффективности гандболистов в соревновательной деятельности в сезоне 2023–2024 гг. ($n = 48$, $X \pm \sigma$)

(Table 3. Indicators of technical and tactical efficiency of handball players in competitive activity in the season 2023–2024 ($n = 48$, $X \pm \sigma$))

Показатели технико-тактических действий	Крайние ($n = 10$)	Полусредние ($n = 12$)	Линейные ($n = 8$)	Разыгрывающие ($n = 10$)	Вратари ($n = 8$)
Реализация бросков, %	65 ± 8	62 ± 7	58 ± 9	60 ± 6	—
Заброшенных мячей за игру	4,2 ± 1,5	3,8 ± 1,3	3,0 ± 1,1	2,1 ± 0,9	—
Голевых передач за игру	2,1 ± 0,8	3,4 ± 1,1	1,2 ± 0,5	5,8 ± 1,4	0,4 ± 0,3
Перехватов за игру	1,8 ± 0,7	2,2 ± 0,9	1,5 ± 0,6	2,5 ± 0,8	—
Потеря мяча за игру	3,0 ± 1,0	2,7 ± 0,9	2,5 ± 0,8	2,0 ± 0,7	—
Отраженных бросков, %	—	—	—	—	32 ± 6

по голевым передачам являются разыгрывающие (5,8), что подтверждает их ключевую роль в организации атак и функцию главного распасовщика команды.

Полусредние, выполняющие функции связующего звена, демонстрируют второй по величине результат (3,4) по созданию моментов, тогда как игроки других позиций делают это гораздо реже. Разыгрывающие, несущие максимальную ответственность за управление атакой, совершают наименьшее количество потерь мяча за игру (2,0). Крайние игроки лидируют по потерям (3,0), что отражает присущий им амплуа высокий уровень тактического риска. В оборонительных действиях наиболее активны в перехватах разыгрывающие (2,5) и полусредние (2,2), что обусловлено их позиционными задачами по прессингу передачи мяча. Эффективность вратарей, измеряемая в процентах отраженных бросков, составила 32 %.

Проведенный корреляционный анализ выявил статистически значимые и содержательно интерпретируемые связи между психофизиологическими характеристиками гандболистов и показателями игровой эффективности (табл. 4). Критически важным результатом является то, что для каждого игрового амплуа обнаружены свои уникальные «ключевые компетенции» — параметры, наиболее сильно определяющие успешность в конкретной игровой деятельности.

Для оценки практической значимости выявленных связей был рассчитан коэффициент детерминации (R^2), означающий, какая доля вариативности игрового показателя объясняется влиянием конкретного качества.

Наиболее выраженная зависимость выявлена у разыгрывающих и вратарей. Для разыгрывающих скорость сложной реакции выбора имеет сильную отрицательную корреляцию с количеством передач ($r = -0,81$, $R^2 = 66\%$). Это означает, что чем меньше время, затрачиваемое

Таблица 4. Статистически значимые корреляции между ПВК и показателями соревновательной деятельности гандболистов различных амплуа

(Table 4. Statistically essential correlations between professionally important qualities and indicators in competitive activity of handball players of different roles)

Амплуа	Коррелирующие параметры	Коэффициент корреляции, r	Уровень значимости, p	Коэффициент детерминации, R^2
Крайние	Скорость — количество заброшенных мячей	-0,74	< 0,01	0,55 (55 %)
	Специальная работоспособность — реализация бросков	0,68	< 0,05	0,46 (46 %)
Полусредние	Скоростно-координационные способности — количество голевых передач	-0,67	< 0,05	0,45 (45 %)
	Специальная работоспособность — реализация бросков	0,62	< 0,05	0,38 (38 %)
Линейные	Взрывная сила — процент реализации бросков	0,71	< 0,05	0,50 (50 %)
	Силовая выносливость — количество перехватов	0,65	< 0,05	0,42 (42 %)
Разыгрывающие	Время сложной реакции — количество голевых передач	-0,81	< 0,01	0,66 (66 %)
	Кинематометрическая точность — меньше потерь мяча	-0,69	< 0,05	0,48 (48 %)
Вратари	Простая реакция — процент отраженных бросков	-0,78	< 0,01	0,61 (61 %)
	Прыжок вверх — эффективность при выходе	0,72	< 0,05	0,52 (52 %)

на принятие тактического решения, тем больше результативных передач совершает игрок. Значима для них и точность: высокая кинематометрическая точность связана с меньшим количеством потерь мяча ($r = -0,69$, $R^2 = 48\%$). Эти два фактора фактически формируют основу профессионализма разыгрывающего — быстрое и безошибочное принятие решений. Для вратарей доминирующим фактором выступает скорость простой сенсомоторной реакции, имеющая сильную отрицательную связь с процентом отраженных бросков ($r = -0,78$, $R^2 = 61\%$). Чем быстрее реакция, тем надежнее вратарь, при этом надежность (61 %) определяется именно этим качеством. Второй важный для них параметр — высота прыжка, которая определяет эффективность при выходе один на один ($r = 0,72$, $R^2 = 52\%$), объясняя более половины успеха в подобных ситуациях.

У игроков, решающих задачи в условиях острого силового противостояния, на первый план выходят физические кондиции. Для линейных игроков мощность тесно связана с процентом реализации бросков с близкой дистанции ($r = 0,71$, $R^2 = 50\%$), что объясняется необходимостью броска в условиях активного сопротивления и показывает, что прыгучесть обуславливает половину

точности их броска. Силовая выносливость связана с количеством перехватов ($r = 0,65$, $R^2 = 42\%$), что отражает их роль в борьбе за позицию и отборе мяча в защите.

У крайних нападающих ключевым качеством является скорость, что подтверждается сильной отрицательной корреляцией между результатом в беге на 30 м и количеством заброшенных мячей ($r = -0,74$, $R^2 = 55\%$): чем выше скорость, тем результативнее игрок, причем скоростные способности объясняют более половины их результативности. Для них также важна общая работоспособность: показатель PWC 170 положительно связан с реализацией бросков ($r = 0,68$, $R^2 = 46\%$), что указывает на роль выносливости в сохранении точности в концовке матча.

Анализ связей полусредних игроков показывает их универсальную, связующую роль в команде. Скоростно-координационные способности, оцениваемые по результату челночного бега, умеренно, но значимо коррелируют с количеством голевых передач ($r = -0,67$, $R^2 = 45\%$). Это подтверждает, что эффективность их игровых действий в условиях плотной опеки и необходимости быстрого изменения направления движения зависит от ловкости и маневренности. Общая работоспособность (PWC 170) связана с реализацией бросков ($r = 0,62$, $R^2 = 38\%$), что указывает на роль выносливости в сохранении точности в концовке матча.

Методика развития профессионально важных психофизических качеств юных гандболистов. На основе результатов тестирования психофизических качеств (табл. 1, 2), эффективности соревновательной деятельности гандболистов (табл. 3) и корреляционного анализа (табл. 4), выявившего статистически значимые связи между уровнем развития конкретных ПВПК и эффективностью соревновательной деятельности, для каждого игрового амплуа были определены ключевые «качества-мишени» (табл. 5). Данные показатели, обладающие наибольшим коэффициентом детерминации, легли в основу проектирования методики развития профессионально важных психофизических качеств юных гандболистов. Целью методики является повышение уровня развития ключевых качеств гандболистов с учетом их игрового амплуа. Средства — специализированный комплекс упражнений, моделирующих элементы соревновательной деятельности (табл. 5). Метод — сопряжение развития профессионально важных для конкретного амплуа спортсмена психофизических качеств и элементов соревновательной деятельности.

Главная задача комплекса — обеспечить целенаправленное развитие именно тех качеств, которые в наибольшей степени обуславливают успех игрока в зависимости от его позиции на площадке. Основная идея реализована через следующие принципы построения:

1. Принцип амплуа-упражнения, которые подбираются под роль игрока. Комплекс классифицирован в зависимости от игровых позиций: крайних, линейных,

полусредних, разыгрывающих и вратарей. Для каждого амплуа определены свои «качества-мишени».

2. Принцип сопряженности. Упражнения построены таким образом, чтобы развивать целевое ПВПК не изолированно, а в рамках специфических для амплуа двигательных действий и тактических ситуаций. Это обеспечивает прямой перенос тренировочного процесса в соревновательную практику.

Комплекс сфокусирован на развитии 2 ключевых ПВПК для каждого амплуа, обладающих наибольшим прогностическим потенциалом в отношении игровой результативности. Каждое упражнение является многофункциональным, моделируя типичную игровую ситуацию и объединяя развитие целевого физического качества с отработкой специализированного двигательного навыка.

В таблице 5 выделены ключевые особенности разработанного комплекса упражнений. Для каждого амплуа определены 2 «качества-мишени», что обеспечивает необходимый фокус тренировочного процесса. При этом наибольший прогностический вес имеют психомоторные качества у игроков задней линии и вратарей, тогда как для линейных и полусредних игроков первостепенное значение приобретают силовые и координационные способности. Все предложенные упражнения носят многоцелевой характер и непосредственно моделируют фрагменты игровой деятельности.

Комплекс упражнений не только структурирует тренировочный процесс по игровым позициям, но и принципиально меняет его содержание:

— содержательное наполнение комплекса: каждое «качество-мишень» обретает форму конкретного, измеримого и повторяемого упражнения, максимально приближенного к соревновательной реальности;

— методическая ценность заключается в синтезе. Упражнения одновременно являются средствами развития физических качеств, обработки технических элементов и решения тактических задач, что резко повышает плотность и эффективность тренировки.

Для практической оценки эффективности разработанной методики развития ПВПК и внедрения разработанного амплуа-комплекса упражнений в тренировочный процесс юных гандболистов был проведен педагогический эксперимент продолжительностью 12 недель (3 месяца) в подготовительном периоде годичного цикла.

Разработанный комплекс упражнений был внедрен в стандартную программу подготовки с частотой 2–3 специализированных занятия в неделю. Ключевым методическим принципом было целенаправленное воздействие на развитие выявленных для каждого игрового амплуа «качеств-мишеней», обладающих наибольшим потенциалом в отношении соревновательной результативности. Комплекс упражнений использовался в течение 25–30 мин. в основной части тренировки.

Таблица 5. Амплуа-комплекс упражнений для развития профессионально важных психофизических качеств юных гандболистов

(Table 5. Role-complex exercises to develop young handball players' professionally important psychophysical qualities)

Амплуа	Целевое ПВК	Название и цель упражнения	Содержание упражнения	Дозировка
Крайние	1. Скорость	Фланговое ускорение с последующим броском по воротам. Развитие стартового ускорения и скорости на дистанции в условиях, моделирующих игровую ситуацию прорыва по флангу	Спортсмен стартует из-за заслона (реального или условного) с линии 9 м, выполняет максимальное ускорение вдоль боковой линии площадки, принимает передачу от партнера и завершает атаку броском по воротам	3 серии по 4–6 рывков в обе стороны. Пауза отдыха до 120 уд./мин. Отдых между сериями 2–3 мин.
	2. Специальная работоспособность	Серийное ускорение на фоне утомления. Развитие скоростной выносливости и способности к сохранению эффективности в условиях нарастающего утомления	Выполняется серия из 3–4 рывков на 20–25 м с минимальными интервалами отдыха (15–20 сек.). После каждого рывка следует прием передачи и бросок по воротам с заданной позиции	3–4 круга. Пауза отдыха до 120 уд./мин.
Линейные	1. Взрывная сила	Силовой разворот и бросок в падении. Развитие мощности для выполнения броска в падении в условиях силового противодействия	Из позиции спиной к воротам игрок выполняет силовой разворот на 180°, преодолевая пассивное сопротивление партнера, и совершает бросок в падении	Упражнение выполняется в 3 подхода по 10 бросков с каждой руки. Пауза отдыха до 120 уд./мин.
	2. Силовая выносливость	Полиметрическая связка (прыжок-сила-бросок). Комплексное развитие прыгучести (как компонента взрывной силы) и силовой выносливости для дополнения завершающих действий в условиях утомления	Запрыгивание на тумбу (40–50 см), спрыгивание с прыжком вверх, ловля в безопорном положении утяжеленного мяча (2–3 кг) и завершающий силовой бросок в цель	3 серии по 5–6 полных циклов. Пауза отдыха до 120 уд./мин.
Разыгрывающие	1. Скорость сложной реакции	Точный пас в движении с сопротивлением. Развитие точности выполнения скрытых и силовых передач в условиях дестабилизирующих факторов (физический прессинг, движение)	Игрок перемещается спиной или боком вдоль движения с мишенью (40 см), преодолевая легкий физический контакт (подпор, выталкивание) от партнера, и выполняет передачу в цель	3 подхода по 8–10 передач. Пауза отдыха до 120 уд./мин.
	2. Кинестетическая точность	Точный пас в движении с сопротивлением. Развитие точности выполнения скрытых и силовых передач в условиях дестабилизирующих факторов (физический прессинг, движение)	Игрок перемещается спиной или боком вдоль движения с мишенью (40 см), преодолевая легкий физический контакт (подпор, выталкивание) от партнера, и выполняет передачу в цель	3 подхода по 8–10 передач. Пауза отдыха до 120 уд./мин.
Вратари	1. Скорость простой реакции	Серия реактивных отражений с разных точек. Развитие скорости простой моторной реакции и адаптивного стартового перемещения при отражении серии бросков	Вратарю последовательно, с минимальной паузой, выполняется 5–6 бросков с дистанцией 10–12 м от разных игроков, расположенных в различных точках вдоль 9-метровой линии	3–4 серии. Отдых между сериями 2 мин.
	2. Взрывная сила мышц ног	Взрывной выход из неудобной позиции. Развитие максимальной мощности отталкивания ногами для мгновенного выхода из ворот из нестандартных исходных положений	Из положения сидя или лежа спиной к полю по звуковому сигналу вратарь резко встает, выполняет выход и для отражения броска	3 серии по 6–8 выходов. Отдых между подходами 45–60 сек., между сериями — 3 мин.
Полусредние	1. Скоростно-координационные способности	Многоступенчатое маневрирование с изменением условий. Совершенствование ловкости, маневренности и оперативного мышления в условиях многовариантности двигательных задач	Между стойками игрок выполняет чередование ускорений, резких остановок и смен направления движения. В случайной точке по дополнительному сигналу тренера он должен мгновенно выполнить игровое действие	3–4 круга по 6–8 повторений. Пауза отдыха до 120 уд./мин.
	2. Специальная работоспособность	Интервальный круг (пас-рывок-бросок)	Выполняются 3–4 точные передачи в стену, далее рывок на 15 м, следом бросок по воротам и возвращение к месту старта трусцой	5–6 повторений. Отдых между повторениями равен времени работы

Результаты педагогического эксперимента подтверждают эффективность дифференцированного подхода при развитии ПВПК юных гандболистов (табл. 6). У крайних улучшились скоростные показатели (–2,3 %) и специальная работоспособность (+5,2 %), что соответствует их игровой функции, основанной на ускорениях и активности на протяжении всего матча. Линейные показали существенный рост именно тех качеств, которые критически важны для игры: взрывной силы (+8,6 %) и силовой выносливости (+9,1 %). Разыгрывающие про-

демонстрировали значительные улучшения ключевых психомоторных качеств: скорости сложной реакции (–4,1 %) и кинестетической точности (–14,3 %). Вратари развили оба базовых для своих амплуа компонента: скорость простой реакции (–4,9 %) для отражения бросков и взрывную силу мышц ног (+9,1 %) для эффективных выходов. Полусредние, чья роль наиболее универсальна, улучшили показатели, обеспечивающие их связующую функцию: скоростно-координационные способности (–3,5 %) для маневрирования и специальную работо-

Таблица 6. Динамика ключевых показателей ПВПК у юных гандболистов в сезонах 2023–2024 гг. и 2024–2025 гг.
(Table 6. Dynamics of key indicators of young handball players' professionally important psychophysical qualities in seasons 2023–2024 and 2024–2025)

Амплуа (n)	Значимое ПВПК	До $X \pm \sigma$	После $X \pm \sigma$	Прирост Δ (абс./отн.)	Достоверность различий
Крайние (n = 10)	Скорость	4,38 $\pm$ 0,24	4,28 $\pm$ 0,22	–0,10 с (–2,3 %)	< 0,05
	Специальная работоспособность	17,2 $\pm$ 1,8	18,1 $\pm$ 1,6	+0,9 кгм/мин/кг (+5,2 %)	< 0,05
Линейные (n = 8)	Взрывная сила	58 $\pm$ 8	63 $\pm$ 7	+5 см (+8,6 %)	< 0,01
	Силовая выносливость	44 $\pm$ 9	48 $\pm$ 8	+4 раза (+9,1 %)	< 0,05
Разыгрывающие (n = 10)	Скорость сложной реакции	365 $\pm$ 28	350 $\pm$ 25	–15 мс (–4,1 %)	< 0,05
	Кинестетическая точность	3,5 $\pm$ 0,9	3,0 $\pm$ 0,8	–0,5 (–14,3 %)	< 0,05
Вратари (n = 8)	Скорость простой реакции	205 $\pm$ 18	195 $\pm$ 16	–10 мс (–4,9 %)	< 0,05
	Взрывная сила мышц ног	44 $\pm$ 7	48 $\pm$ 6	+4 см (+9,1 %)	< 0,05
Полусредние (n = 12)	Скоростно-координационные способности	11,4 $\pm$ 0,8	11,0 $\pm$ 0,7	–0,4 с (–3,5 %)	< 0,05
	Специальная работоспособность	16,8 $\pm$ 1,7	17,5 $\pm$ 1,5	+0,7 (+4,2 %)	< 0,05

способность (+4,2 %) для сохранения эффективности в обоих направлениях.

Разработанный амплуа-комплекс упражнений доказал свою эффективность в целенаправленном развитии ключевых ПВПК для каждого игрового амплуа. Наибольшая динамика наблюдается именно в тех качествах, которые имеют максимальный коэффициент корреляции с соревновательной результативностью, что подтверждает правильность выбора «качеств-мишеней» и валидность предложенной модели. Полученные результаты свидетельствуют о возможности значительного повышения специальной подготовленности юных гандболистов за относительно короткий промежуток времени при условии применения дифференцированной, научно обоснованной методики, построенной на принципах сопряженности и приоритетного воздействия. Явные различия в динамике развития ПВПК у представителей разных амплуа подтверждают тезис о необходимости индивидуально-групповой индивидуализации трени-

Таблица 7. Показатели технико-тактической эффективности гандболистов в соревновательной деятельности в сезоне 2024–2025 гг. (n = 48, $X \pm \sigma$)

(Table 7. Indicators of handball players' technical and tactical efficiency in competitive activity in season 2024–2025 (n = 48, $X \pm \sigma$))

Показатели технико-тактических действий	Крайние (n = 10)	Полусредние (n = 12)	Линейные (n = 8)	Разыгрывающие (n = 10)	Вратари (n = 8)
Реализация бросков, %	70 $\pm$ 8,4	72 $\pm$ 7,5	63 $\pm$ 6,9	65 $\pm$ 6	—
Заброшенных мячей за игру	5,2 $\pm$ 1,8	4,8 $\pm$ 1,7	3,5 $\pm$ 1,5	3,1 $\pm$ 0,9	—
Голевых передач за игру	4,1 $\pm$ 0,6	4,4 $\pm$ 1,8	2,2 $\pm$ 0,5	6,8 $\pm$ 1,9	0,6 $\pm$ 0,3
Перехватов за игру	2,8 $\pm$ 0,5	2,6 $\pm$ 0,9	2,5 $\pm$ 0,9	2,9 $\pm$ 0,7	—
Потеря мяча за игру	2,2 $\pm$ 1,3	2,4 $\pm$ 0,6	2,1 $\pm$ 0,7	2,0 $\pm$ 0,7	—
Отраженных бросков, %	—	—	—	—	38 $\pm$ 6,6

ровочного процесса на основе объективных данных о структуре ПВПК.

Разработанный комплекс упражнений был внедрен в тренировочный процесс гандболистов в сезоне 2024–2025 гг. в соответствии с игровым амплуа спортсмена. Результаты повторного анализа технико-тактических действий гандболистов в играх в сезоне 2024–2025 гг. приведены в таблице 7. Спортсмены приняли участие в 5 играх. Вычислялось среднее арифметическое значение эффективности игроков. Сравнительный анализ эффективности гандболистов в сезоне 2023–2024 гг. (табл. 3) и в сезоне 2024–2025 гг. (табл. 7) свидетельствует о значительном повышении результативности после включения комплекса упражнений в тренировочный процесс.

Выводы

1. Сравнительный анализ выраженности ПВПК подтвердил, что игроки разных позиций статистически значимо различаются по профилю ключевых качеств. Для крайних критически важны скоростные способности и специальная работоспособность; для вратарей — скорость простой реакции и взрывная сила ног; для полусредних — скоростно-координационные способности и специальная работоспособность.

2. Установлены статистически значимые корреляционные связи между целевыми ПВПК и показателями игровой эффективности. Наиболее выраженные связи обнаружены у разыгрывающих и вратарей, что подчеркивает решающую роль психомоторной сферы для данного амплуа.

3. На основе результатов тестирования психофизических качеств, эффективности соревновательной деятельности гандболистов и корреляционного анализа, выявившего статистически значимые связи между уровнем развития конкретных ПВПК и эффективностью соревновательной деятельности, была разработана методика развития профессионально важных психофизических качеств. Для каждого игрового амплуа были определены ключевые «качества-мишени».

4. Доказана эффективность дифференцированной методики. Результаты 12-недельного педагогического эксперимента показали статистически достоверный прирост по всем целевым ПВПК у игроков всех амплуа. Наибольшая положительная динамика наблюдалась именно в тех качествах, которые обладали максимальным коэффициентом корреляции.

5. Целенаправленное, основанное на объективных данных развитие ключевых ПВПК способствует значимому улучшению показателей соревновательной деятельности гандболистов.

Область применения и перспективы. Средства и методы совершенствования профессионально важных психофизических качеств квалифицированных гандболистов различных амплуа целесообразно учитывать при построении процесса подготовки к соревнованиям. Перспективы дальнейших исследований связаны с необходимостью расширения выборки за счет квалифицированных гандболистов, установления связи показателей с объективными критериями соревновательной успешности, разработки модельных ориентиров.

Список источников / References

1. Степовой С. А. Профессионально важные качества в спорте: гендерный аспект // Тезисы докладов XLVIII научной конференции студентов и молодых ученых вузов Южного федерального округа : в 2 ч., Краснодар, 1–3 февраля 2021 г. Краснодар, 2021. Ч. 1. С. 262–264.
2. Przednowek K., Śliż M., Lenik J., Dziadek B., Cieszkowski S., Lenik P., Kopeć D., Wardak K. Psychomotor Abilities of Professional Handball Players. *Int J Environ Res Public Health*. 2019. May 30. Pp. 56–62.
3. Бабушкин Г. Д. Профессионально важные психологические качества в спорте // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. № 2(104). С. 220–225.
4. Проломова М. В., Проломов М. Н. Развитие взрывной силы у гандболистов 17–18-летнего возраста на этапе совершенствования спортивного мастерства // Спортивные игры в физическом воспитании, рекреации и спорте : мат-лы XVII междунар. науч.-практ. конф. Смоленск, 25–27 января 2023 года / под общ. ред. А. В. Родина, Е. Н. Бобковой. Смоленск, 2023. С. 252–256.
5. Базарбаев П. А. Характерные отличия технического мастерства гандболистов 13–14-летнего возраста // Актуальные проблемы физической культуры и спорта : мат-лы XIII междунар. науч.-практ. конф., посвященной 175-летию со дня рождения И. Я. Яковлева, Чебоксары, 9 ноября 2023 года. Чебоксары, 2023. С. 140–143.
6. Карпов А. А. К проблеме разработки обобщающей классификации профессионально важных качеств // Методология современной психологии. 2022. № 1. С. 96–111.
7. Федоров А. И., Сивохин И. П., Авсиевич В. Н. Комплексный контроль в спорте: теоретико-методические и информационные аспекты. Екатеринбург, 2019. 140 с.
8. Мокрецов И. В. Интегрированные средства физической подготовки спортивного резерва // Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма : мат-лы VII всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов с международным участием : в 3 т. Казань, 26 апреля 2019 года. Казань, 2019. Т. 2. С. 114–117.
9. Савостин Н. М. Управление качеством образования по предмету «Физическая культура» на основе оптимизации системы оценивания образовательных результатов обучающихся // Современные технологии в физическом воспитании и спорте : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Тула, 10–11 ноября 2022 года / под ред. М. В. Куликовой. Тула, 2022. С. 159–166.
10. Lopatiuk O. Development of Professionally Important Qualities of Cadets by Means of Handball. *Scientific Bulletin of Mukachevo State University Series "Pedagogy and Psychology"*. 2021. № 7. Pp. 95–100.
11. Курносова В. А. Особенности антропометрического статуса молодых спортсменов игровых видов спорта и его прогностическое значение // Прикладная спортивная наука. 2023. № 1(17). С. 57–62.
12. Пивень Р. В., Гриценко А. Я. Морфофункциональные характеристики спортсменов, занимающихся волейболом // Сборник статей итоговой научной конференции военно-научного общества института за 2021 г. СПб., 2022. С. 22–25.
13. Сушкова А. В., Кузнецов И. В., Алехина О. В. Общая физическая подготовка в тренировочном процессе гандболистов // Игровые виды спорта: актуальные вопросы теории и практики : сб. ст. III междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 23–24 октября 2020 г. Воронеж, 2020. С. 135–141.
14. Попович А. П. Методика подготовки гандболистов на основе их анатомофизиологических и индивидуальных особенностей : учеб. пособие. М., 2016. 158 с.
15. Кадымов А. А. Психологические аспекты в современном спорте // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 2. С. 161–163.
16. Шумова Н. С., Байковский Ю. В. Компоненты психической деятельности спортсменов и их роль в обеспечении надежности действий в экстремальных условиях. Ульяновск, 2018. 99 с.
17. Тукмачев В. Ю., Кузнецов А. С. Методика тактико-технической подготовки гандболисток на этапе спортивной специализации // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2021. Т. 16, № 4. С. 28–34.
18. Умарова З. У., Абдужалилова С. А. Особенности тактической подготовки в современном гандболе // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 6-5(62). С. 159–162.

Поступила 20.01.2026; одобрена после рецензирования 22.02.2026; принята к публикации 30.06.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-теоретическая статья

УДК 796.015.12 © Санков П. А., Бархатова Е. Н., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-360-366

5.8.5. Теория и методика спорта

Психологические составляющие успешной подготовки стрелка

Павел Анатольевич Санков, преподаватель кафедры огневой подготовки¹;

solncevelvet@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-0365-8769>

Екатерина Николаевна Бархатова, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии¹; solncevelvet@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0381-5462>

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия

Реферат. Введение. Цель — разработка правил психологической подготовки спортсмена-стрелка для повышения уровня самоконтроля и результативности стрельбы. **Материалы, результаты и обсуждение.** Систематизированы правила поведения спортсмена-стрелка в тренировочном процессе и в соревновательный период с учетом доступности их восприятия. Проанализировано поведение спортсменов-стрелков, а также собственное поведение и эмоциональное состояние авторов во время тренировочного процесса и в соревновательный период. Обобщены знания об особенностях самостоятельной психологической подготовки спортсменов-стрелков. Установлены проблемные аспекты в выработке навыков саморегуляции спортсмена-стрелка. С учетом данных проблем сформулированы три основных правила для качественной организации самостоятельной работы спортсмена-стрелка. Суть их раскрыта через точечные установки, о которых должен вспоминать спортсмен при озвучивании основного правила. Проведена экспериментальная работа. **Выводы.** Эффективная подготовка стрелка-спортсмена на этапе начальной подготовки в значительной степени зависит от самого спортсмена, от контроля над своим психическим состоянием. Соблюдение психологических правил подтверждается результатами эксперимента и контрольных стрельб.

Ключевые слова: стрелок-спортсмен, саморегуляция, психологическая готовность, правила самовоздействия, спортивная стрельба, тренер

Для цитирования: Санков П. А., Бархатова Е. Н. Психологические составляющие успешной подготовки стрелка // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 360–366. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-360-366>

Scientific and Theoretical Article

UDC 796.015.12 © Sankov P. A., Barkhatova E. N., 2026

doi: 10. 24412/1999-6241-2026-3106-360-366

5.8.5. Theory and Methods of Sports

Psychological Components of Successful Sport Shooter Training

Pavel A. Sankov, instructor at the chair of Firearms' Training¹; solncevelvet@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-0365-8769>

Ekatерина N. Barkhatova, Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the chair of Criminal Law and Criminology¹; solncevelvet@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0381-5462>

¹ East Siberian institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 110, Lermontov st., Irkutsk, 664074, Russia

Abstract. Introduction. The objective is to develop guidelines for psychological training of a sport shooter to increase the level of self-control and shooting efficiency. **Materials, Results and Discussion.** The authors systematized the rules of behavior for the sport shooter in the training process and during competitions with regard to availability of their perception. The behavior of sport shooters was analyzed, as well as the authors' own behavior and emotional state during the training process and during the competitive period. Knowledge of the features of independent psychological training of sport shooters is summarized. Problematic aspects in the development of self-regulation skills of a sport shooter are established. With regard to these problems, three basic rules are formulated for the high-quality organization of independent work of a sport shooter. Their essence is revealed through point attitudes, which an athlete should recollect when pronouncing the basic rule. Experimental work has been carried out. **Conclusions.** Effective training of a sport shooter at the initial training stage largely depends on the athlete himself, on control over his mental state. Compliance with psychological rules is confirmed by the results of the experiment and control shootings.

Keywords: sport shooter, self-regulation, psychological readiness, rules of interaction, sport marksmanship, instructor

Citation: Sankov P. A., Barkhatova E. N. Psychological Components of Successful Sport Shooter Training. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 3(106). Pp. 360–366 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-360-366>

Основные положения

1. Спортивная стрельба — один из психологически сложных видов спорта, поскольку стрелок несет ответственность за свое физическое состояние и психологический комфорт, а также за соблюдение правил обращения

с оружием. Поэтому при подготовке стрелка-спортсмена очень важно уделить внимание именно психологическому аспекту.

2. Психологическая подготовка стрелка должна складываться из навыков саморегуляции (самовоздей-

ствия), умения абстрагироваться, оставаться хладнокровным, анализировать свои ошибки. Необходимость овладения этими навыками и умениями должна отражаться в нескольких коротких правилах, доступных для восприятия и позволяющих воспроизвести в сознании стрелка весь объем действий, которые ему необходимо выполнить или от которых следует воздержаться.

3. Современная литература, посвященная подготовке стрелка-спортсмена, преимущественно адресована тренеру, в то время как самому спортсмену также необходимо получать знания для самоподготовки и самоорганизации. С учетом того что легче воспринимается информация, адресованная непосредственно субъекту воздействия, необходимыми представляются учебные и методические пособия, научные статьи, в которых авторы обращаются именно к спортсмену, описывают его состояние, предлагают ему способы саморегуляции.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В современных условиях подготовка стрелков в системе правоохранительных органов приобретает особое значение. Важно, чтобы сотрудник, выполняющий оперативно-служебные задачи, умел обращаться с оружием и демонстрировал высокий результат стрельбы. Кроме того, важно, чтобы сотрудник умел контролировать свое эмоциональное состояние в случае внезапно возникшей необходимости применения огнестрельного оружия. Одним из направлений в образовательных организациях системы МВД России является подготовка стрелков-спортсменов. Деятельность спортсменов направлена на достижение определенного результата — лучшего результата. Именно этим посылом осложняется их подготовка, так же как и подготовка спортсменов в любом другом виде спорта. Сложно не думать о результате, пытаясь достичь его. Но именно такой парадокс имеет место в спортивной деятельности.

Особенности психологической готовности спортсменов к тому или иному виду деятельности исследуются в работах как отечественных, так и зарубежных ученых. Например, Л. Э. Хрёйсти, Л. Янсон и Т. Норландер говорят о том, что самооценка и самоконтроль имеют важное значение в деятельности как профессиональных спортсменов, так и спортсменов-любителей [1, с. 165].

Справедливо утверждение И. В. Нагорного и Д. А. Сарайкина о том, что психика человека имеет свое состояние, стабильность которого обеспечивается осознаваемым целенаправленным самовоздействием и с помощью некоторых неосознаваемых механизмов [2, с. 4]. Задача тренера — обучить приемам самовоздействия, чтобы спортсмен мог уверенно действовать самостоятельно, так как на огневом рубеже тренера рядом с ним не будет.

Цель — повышение уровня самовоздействия спортсмена с помощью предложенных авторами правил,

сформулированных в рамках тренировочного процесса и спортивных соревнований.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Работы, посвященные вопросам психологической подготовки стрелка, опубликованы в основном до 2020 г. Среди них имеются как фундаментальные исследования, так и публикации, рассматривающие отдельные небольшие вопросы психологии стрелкового спорта. Вместе с тем необходимо отметить, что меняется поколение стрелков, ускоряется течение социальных процессов. Современные молодые люди часто лишены выдержки, им присущи «клиповое» мышление, торопливость, стремление к достижению сиюминутного результата, пренебрежение отдельными этапами подготовки (такими как работа над изготовкой, тренировка с оружием вхолостую). Смена поколения требует определенной реакции, которая может выражаться в представлении наработанного материала в нетрадиционной форме, в его обобщении, схематизации и алгоритмизации.

Одной из часто встречающихся проблем является представление о спорте как о способе самоутверждения и демонстрации собственного превосходства. Так, часто молодые люди занимаются спортом ради получения званий и наград. Здесь следует вспомнить слова советского государственного и партийного деятеля М. И. Калинина: «Нельзя увлекаться спортом ради спорта. Мы ведь развиваем и готовим не узких спортсменов, а граждан, у которых должен быть широкий политический кругозор и организаторские способности» [3, с. 23]. Подчеркивая значимость самовоздействия и самоконтроля, М. П. Шпак писал: «Для стрелкового спорта характерна крайняя степень сосредоточения внимания на самоконтроле за правильным выполнением элементов прицельного выстрела» [4, с. 5].

В методических рекомендациях по подготовке стрелков-винтовочников Л. А. Арэнд среди субъективных факторов, препятствующих раскрытию возможностей спортсменов в непостоянных условиях ответственных соревнований, называет желание победы у стрелка, не готового к ней технически и не обладающего высокими морально-волевыми качествами [5, с. 4]. Г. Д. Бабушкин, О. С. Нам отмечают, что при имеющихся методических разработках по психологической подготовке спортсменов существует потребность в таковых именно для спортсменов-стрелков и их тренеров [6, с. 316].

Среди негативных психологических факторов, обуславливающих низкий результат и слабую эффективность спортсмена, Е. В. Зайцева и Д. В. Пивоваров выделяют нестабильность общего эмоционального фона, отвлечение внимания на выстрелы других стрелков, трудности в концентрации на технических действиях [7, с. 30]. Э. В. Солоницкая и Е. Н. Митракова указывают как дестабилизирующие психологические факторы новую обстановку (чужое стрельбище); задания тренера;

неясность целей и задач; боязнь сильных соперников [8, с. 36]. А. А. Якоб в качестве главного негативного фактора отмечает разбалансированное эмоциональное состояние спортсмена, обусловленное перевозбуждением, апатией и тревогой [9, с. 88]. С. С. Кузьмин полагает, что целью психологической подготовки стрелка-спортсмена является возможность выработки им способности четкого опознавания отдельных элементов техники стрельбы и ее успешного анализа [10, с. 516–517]. А. Ю. Алтунин говорит о настойчивости стрелка как одном из важных психологических качеств, способствующих успешной стрельбе [11, с. 35]. В. Д. Паначев, В. А. Риль, С. Л. Панченко рассматривают психологические особенности спортивной стрельбы как педагогическую основу подготовки стрелков высокого класса [12, с. 142]. А. В. Витушкин называет производство выстрела сложной координационной деятельностью, успех которой определяется в том числе за счет надлежащей психологической подготовки [13, с. 71]. А. В. Гаськов и В. Н. Константинов указывают психологическую подготовку стрелка среди обязательных позиций плана тренировочного процесса [14, с. 52]. О необходимости выработки конкретного алгоритма проведения занятий по огневой подготовке, включающего в том числе психологический аспект, рассуждают и В. Г. Глухов [15, с. 21–22]. В. А. Торопов справедливо считает, что «эффективность обучения сотрудников теории и практике стрельбе из личного оружия возможна, если будет разработана и научно обоснована концепция организации обучения стрельбе из личного оружия, основанная на взаимосвязи психологических, дидактических и психофизиологических закономерностей формирования знаний, умений и навыков стрельбы» [16, с. 5].

Таким образом, несмотря на очевидную необходимость в изучении вопросов психологической подготовки спортсменов-стрелков, современные исследования фрагментарны и не всегда учитывают фактор смены поколений. Кроме того, большинство исследований адресовано тренерам и преподавателям, тогда как на фоне первостепенности самовоздействия рекомендации должны быть направлены к самим спортсменам.

Материалы, результаты и обсуждение

Негативные психологические факторы, обуславливающие слабую эффективность спортсмена. В результате обобщения существующих точек зрения с учетом собственной позиции нами выделены следующие психологические факторы:

- боязнь, тревога, неуверенность на огневом рубеже;
- самоуверенность, переоценка своих возможностей;
- активное отслеживание результатов соперников в период до собственного выступления с целью настроить себя на достижение лучшего по сравнению с ними результата;

- чрезмерная сосредоточенность на результате и психологическая установка на конкретный результат;
- агрессивный или, напротив, апатичный настрой при выполнении упражнения, обусловленный высокими результатами соперников.

Для устранения перечисленных факторов у спортсмена-стрелка должны быть сформированы волевые качества, такие как целеустремленность, мужество, самообладание [17, с. 115].

Разработка правил психологической подготовки спортсмена-стрелка. Учет индивидуальных особенностей обучающихся, имеющиеся знания о причинах малоэффективной стрельбы, а также о возможных психологических приемах самоконтроля и саморегуляции позволили сформулировать три основных правила:

1. Делай свою работу.
2. Торопись медленно.
3. Отвечай за себя.

Эти правила обобщенно представляют весь объем психологической деятельности спортсмена-стрелка. Каждое из них включает ряд подпунктов. Кроме того, содержание указанных правил нуждается в подробном описании, поскольку их толкование не всегда может быть единообразным. Неправильное толкование правил, в свою очередь, может привести к противоположному ожидаемому результату.

Следует акцентировать внимание на том, что все правила сформулированы в повелительном наклонении и без отрицания. Такой подход, во-первых, побуждает спортсмена соотнести установку именно с собой, а не воспринимать ее абстрактно, во-вторых, способствует запоминанию правила и его соблюдению, в отличие от случаев, когда правила сформулированы через отрицание («нельзя», «не следует», «не применяйте» и т. п.).

Делай свою работу. Суть правила в том, что стрелок не должен гнаться за результатом, не должен ставить перед собой недостижимые или условно достижимые цели, предаваться излишним эмоциям. Данное правило можно разбить на несколько составляющих: услышь тренера; соблюдай правила обращения с оружием; выполняй все свои действия технически верно; анализируй свое состояние во время выстрела и запоминай положительные факторы; корректируй неточности и исправляй ошибки.

Услышь тренера, казалось бы, простое и понятное правило. Спортсмен всегда должен слушать тренера, поскольку у последнего имеются опыт, соответствующие знания и навыки, возможность оценки работы спортсмена со стороны. Но различия между словами «слушать» и «слышать» на примере стрелков-спортсменов становятся явными. Спортсмен, особенно начинающий, сталкивается с рядом трудностей при восприятии информации, исходящей от тренера. Во-первых, начинающий спортсмен не всегда осознает, о чем говорит тренер, и в некоторых случаях не задает уточняющих вопросов, боясь показаться некомпетентным. Во-вторых, не по-

нимая значения психологической составляющей в подготовке, спортсмен пренебрегает обсуждением своего внутреннего состояния, полностью полагаясь на силу, технику и, возможно, талант. Однако, каким бы способным ни был стрелок, на любом этапе своего спортивного пути он нуждается в совершенствовании, в том числе через познание. Недостаточно тренировать силу, дыхание, изготовку, необходимо читать, беседовать с опытными спортсменами, набирать приемы психологической саморегуляции. Успешный результат стрельбы зависит не только и не столько от физической натренированности, так называемой твердой руки, а, скорее всего, от интеллектуальных качеств личности: памяти, воображения [18, с. 37]. Нередки ситуации, когда спортсмен-стрелок как будто слушает тренера, но не воспринимает информацию. Подобное может происходить как с начинающими спортсменами, так и со спортсменами, имеющими небольшой спортивный стаж, скромные, не исключено, и существенные победы (свершившиеся в большей степени благодаря воле случая). Последние приобретают чувство самоуверенности, что недопустимо в спорте. Нельзя переоценивать свои качества. В данном случае полезнее переоценить противника (не испытывая при этом сильных эмоций).

Спортсмен должен услышать тренера, получить четкое представление о том, что от него требуется, каким образом можно этого достичь, какие элементы поведения исключить, а какие активизировать. Если у спортсмена возникают сомнения в правильности позиции тренера, необходимо уточнить, почему тренер считает именно так. Возможно, весомые аргументы смогут убедить спортсмена в том, что мнение тренера верное. Ни в коем случае нельзя допускать ситуации, когда каждый остается при своем мнении. Однако такой подход приемлем только в тех случаях, когда у спортсмена имеется достаточный опыт для самостоятельного адекватного анализа ситуации. Если спортсмен в силу отсутствия опыта не знает, как ему действовать, он должен поступать точно в соответствии с рекомендациями тренера. Но после соревнований все данные тренером рекомендации должны быть в обязательном порядке проработаны со спортсменом с объяснением их причин и предпосылок.

Иногда спортсмен забывает о рекомендациях тренера из-за волнения. Но и здесь правило остается прежним — услышь тренера. Превозмогая волнение и дискомфорт, необходимо следовать рекомендациям. Не упуская из внимания другие существенные моменты выполнения упражнения, надлежит особо проконтролировать аспект, на который указал тренер, довести требуемое действие до автоматизма.

Соблюдай правила обращения с оружием. Важный момент, о котором в период волнения начинающий спортсмен может забыть. Стрелок должен оставаться хладнокровным и четко помнить алгоритм действий

при обращении с оружием, внимательно слушать подаваемые команды и действовать в точном соответствии с ними. Даже если то или иное правило забыто, стрелок должен «пожертвовать» своим результатом (о котором ему не надо думать вообще), поднять руку и обозначить возникшую у него проблему. Всегда следует помнить о том, что оружие — источник повышенной опасности, а также о том, что у начинающего стрелка (пусть даже и имеющего высокие результаты), как правило, не сформированы навыки устранения задержек при стрельбе и самостоятельного приведения оружия к бою.

Выполняй все свои действия технически верно. В данном правиле речь идет о том, что нельзя пренебрегать техникой в угоду времени. Начинающие стрелки часто не могут сориентироваться во времени, неправильно распределяют его при выполнении как скоростных упражнений, так и при медленной стрельбе.

Как показывает практика, спортсмены-стрелки со слабой технической подготовкой, стреляющие очень быстро, имеют результат гораздо ниже, чем стрелки с наработанной техникой, но выполняющие упражнения медленнее.

Анализируй свое состояние во время выстрела. Часто стрелок, выполнивший упражнение и допустивший промах или существенную потерю очков, не может сказать, в результате какого именно из серии выстрелов стали возможными промах или потеря. В итоге он снова допускает ту же самую ошибку. При выполнении упражнения стрелок должен анализировать ряд субъективных и объективных факторов.

К субъективным факторам следует отнести изготовку спортсмена, дыхание, эмоциональное состояние, физическое состояние.

Объективными факторами, подлежащими оценке, являются освещение, состояние оружия, окружающие шумы. Что касается шума, то спортсмену следует нивелировать его влияние на свое внутреннее состояние, стараться не слышать окружающие звуки, но в условиях соревнований это очень сложно сделать. Поэтому в рамках тренировочного процесса нужно постараться привыкнуть к постороннему шуму, на первоначальных этапах подготовки оценивая его влияние на процесс и результат стрельбы.

Важно выяснить, какой именно из перечисленных факторов способствовал хорошему выстрелу, а какой — плохому. Условия, при которых был сделан хороший выстрел, необходимо запомнить и смоделировать снова. Факторы же, отрицательно повлиявшие на стрельбу, следует проанализировать и понять, как их устранить и не допустить впредь.

Корректируй неточности и исправляй ошибки. Важное правило стрельбы, которое часто игнорируется. Так, спортсмен, не проанализировавший свое состояние и внешние факторы, влияющие на его стрельбу, не видит своих ошибок и не понимает, как их исправить.

Иногда начинающий спортсмен осознает свою ошибку, но не представляет, как ее исправить, не видит взаимосвязь между промахом и способом корректировки некачественной стрельбы. В связи с этим в рамках тренировочного процесса спортсмену важно задавать вопросы тренеру, выясняя все детали, имеющие значение для качественной стрельбы, какими бы несущественными они ни казались на первый взгляд.

Итак, составляющими правила «Делай свою работу» являются: услышь, соблюдай, выполняй, анализируй и запоминай, корректируй и исправляй.

Торопись медленно (*Festina lente*). Именно эту крылатую фразу, приписываемую историками римскому императору Октавиану Августу, мы вынесли в число правил стрельбы. Выполняя скоростные упражнения, стрелок должен действовать быстро, чтобы уложиться в отведенное время. Однако все действия стрелка должны быть точными, продуманными. Скорость должна явиться результатом тщательно отработанных навыков, а не внезапно возникшей необходимости. Стрелок должен за отведенное ему время успеть оценить свой выстрел, скорректировать свои действия. В случае, когда стрелок понимает, что высокая скорость стрельбы отрицательно влияет на результат, следует сбавить темп, даже если это приведет к несоблюдению регламента времени. Мастер спорта международного класса по пулевой стрельбе С. В. Марменков высказался относительно описанной ситуации следующим образом: «Я лучше промахнусь по времени, чем сделаю плохой выстрел». Именно этой фразой в сознание стрелка внедряется мысль о необходимости концентрации, работы над техникой производства выстрела, изготовкой, передвижением, извлечением оружия. При хаотичной непродуманной стрельбе с высокими скоростными темпами у стрелка утрачиваются шансы не только на достойный результат на текущих соревнованиях, но и на хороший результат в будущем, поскольку велика вероятность повторения допущенных ошибок. Данное правило тесно переплетается с первым — «Делай свою работу». Чтобы не допустить неуместной спешки, стрелок должен держать в голове алгоритм действий для качественного выполнения упражнения. Ожидаемый результат, мнение окружающих, посторонние шумы не должны занимать сознание стрелка. По окончании стрельбы спортсмен должен понимать, что он выполнил все необходимое в полном объеме. Скорость напрямую зависит от техничности. Техника нарабатывается трудом. Именно об этом следует помнить, уясняя правило «Торопись медленно».

Отвечай за себя. Суть данного правила заключается в том, что стрелку как в рамках тренировочного процесса, так и на соревнованиях не следует гнаться за результатами других спортсменов, ориентироваться на них, анализировать их действия и ошибки. Нужно

сосредоточиться на своем состоянии и своих действиях. Сохранение нейтрального, спокойного отношения к работе и результатам других спортсменов — залог сохранения оптимального для собственной стрельбы устойчивого эмоционального состояния. Насколько это возможно, не отслеживать результаты соперников (вольно или невольно). Чтобы обеспечить себе эмоциональную устойчивость, некоторые спортсмены до своего выхода на огневой рубеж читают книги или слушают музыку, выполняют дыхательную гимнастику или несложные физические упражнения. Так, ученые предлагают вербально-музыкальную психорегуляцию [19, с. 53], а также придают существенное значение внутреннему диалогу как способу самовоздействия («Я смогу!», «Я преодолю» и т. п.) [20, с. 518]. Для снижения уровня возбуждения перед стрельбой авторы методического пособия по пулевой стрельбе* рекомендуют переключение мыслей и внимания на образы и явления, вызывающие положительные эмоции (картины природы, приятные люди, радостные события и др.), что постоянно практикуется нами и дает положительный результат.

Отвечать за себя — значит не отвлекаться на раздражители, концентрироваться на технике, оценивать только свой результат, не сравнивая его с чужим.

Опытно-экспериментальная работа. В целях выявления негативных психологических факторов при стрельбе и способов их устранения нами проведен эксперимент. В экспериментальную группу вошли 25 курсантов первого курса (учебная группа). Вторая учебная группа (25 курсантов) являлась контрольной. Отрабатывалось упражнение № 1 (стрельба с места по неподвижной цели, цель — грудная фигура с кругами, неподвижная, огневой рубеж — 25 м, 3 патрона, время на выполнение упражнения не ограничено, максимальное число очков — 30, оценка «отлично» — 25 очков, «хорошо» — 21 очко, «удовлетворительно» — 18 очков).

До проведения эксперимента средний результат экспериментальной группы, так же как контрольной группы, составлял 18 ± 2 очка. Допускались промахи. Результат был нестабильным, средний балл за стрельбу составлял 3,6. С выбранными обучающимися проводились дополнительные занятия (два раза в неделю по 40 минут, всего за два месяца 16 занятий), в рамках которых разъяснялись значимость психологической готовности к стрельбе, роль самоконтроля и самовоздействия, приемы самовоздействия. Навыки самовоздействия отрабатывались при стрельбе вхолостую, затем закреплялись и проверялись при стрельбе с контрольной группой на учебном занятии.

Таким образом, исключалась погрешность, которую могла дать дополнительная тренировка экспериментальной группы по выполнению упражнения, при том что контрольная группа дополнительно не тренировалась.

* Типовая программа спортивной подготовки по виду спорта «пулевая стрельба» (этап начальной подготовки) : метод. пособие. М., 2022. С. 86.

Обучающиеся находились в равных условиях, выполняя упражнение в рамках учебных занятий по расписанию. Экспериментальная группа дополнительно занималась только психологической подготовкой. В контрольной группе информация о психологической подготовке к стрельбе предлагалась в обобщенном виде в рамках учебного плана, без специальных правил. Учет особенностей психологической подготовки, идеомоторная тренировка, продумывание, изучение правил, отработка навыков саморегулирования при имитации стрельбы (т. е. без оружия) предлагались в качестве домашнего задания (без контроля и комментариев тренера). Можно отметить, что в результате психологической подготовки в течение двух месяцев экспериментальная группа стабильно показывала более высокий результат стрельбы по сравнению с контрольной группой, при одинаковом объеме практической стрельбы. Так, курсанты из экспериментальной группы демонстрировали кучность стрельбы, большее количество очков, отсутствие промахов. Средний результат стрельбы в экспериментальной группе улучшился с 18 ± 2 очка до 22 ± 2 очка. Средний балл по результатам практической стрельбы в экспериментальной группе составил 4,12. Обучающиеся приходили на занятия без повышенной тревожности. Результаты эксперимента наглядно демонстрируют показатели, представленные в таблице.

Таблица. Результаты выполнения упражнения до и после эксперимента

(Table. Results of the exercises prior to and after the experiment)

Оценка	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	до	после	до	после
Отлично	7	10	6	7
Хорошо	6	8	7	7
Удовлетворительно	7	7	6	6
Неудовлетворительно	5	0	6	5
Средний балл	3,6	4,12	3,52	3,64

Кроме того, по окончании педагогического эксперимента был проведен анализ соревновательной деятельности экспериментальной и контрольной групп. Было выявлено, что участники экспериментальной группы в результате применения разработанных правил в период контрольных стрельб показали наиболее высокие спортивные результаты по сравнению с курсантами контрольной группы.

На наш взгляд, это может быть свидетельством более эффективной психологической подготовки и готовности к выполнению стрельб.

Таким образом, разработанный комплекс специфических психологических правил и реализация их в тренировочном процессе позволят существенно повысить результативность стрельбы и эффективность соревновательных и специальных психологических действий стрелка.

Выводы

1. Психологическая подготовка стрелка-спортсмена является одним из компонентов его подготовки в целом, важнейшим структурным элементом которой выступает саморегуляция (или самовоздействие). Спортсмену необходимо научиться приемам саморегуляции, выбрать для себя оптимальный.

2. Для достижения высокого результата стрельбы спортсмену необходимо усвоить три правила: делай свою работу; торопись медленно; отвечай за себя.

3. Правило «Делай свою работу» складывается из следующих компонентов: услышь, соблюдай, выполняй, анализируй и запоминай, корректируй и исправляй.

4. Эффективная подготовка стрелка-спортсмена в значительной степени зависит от самого спортсмена, его желания научиться стрелять хорошо, а не демонстрировать достойный результат, пренебрегая при этом советами и правилами. В связи с этим рекомендации по стрельбе должны быть подготовлены, в первую очередь, с расчетом на данную целевую аудиторию, а не на тренерский состав, для которого на сегодняшний день разработана внушительная методическая база.

5. Экспериментальная проверка эффективности разработанных правил психологической подготовки, проведенная в сравнительном исследовании с участием экспериментальной и контрольной групп, выявила достоверное и значимое увеличение показателей стрельбы в экспериментальной группе, превышающее результаты контрольной группы при ($p < 0,05$).

Область применения и перспективы. Результаты настоящего исследования (разработанные правила) могут быть использованы в рамках преподавания учебной дисциплины «Огневая подготовка» в образовательных организациях системы МВД России, а также при подготовке спортсменов-стрелков. В перспективе применения данных правил при обучении стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия ожидается повышение качества профессиональной подготовки сотрудников силовых структур. В дальнейшем предполагается продолжить исследование и совершенствование специальных правил психологической подготовки с учетом уровня подготовленности спортсменов.

Список источников / References

1. Chröisty L. E., Janson L., Norlander T. Mental Toughness: The Importance of Psychological Preparations for Penalty Shootouts in Ice Hockey. *Psychology*. 2018. Vol. 9. No. 2. Pp. 165–178.
2. Нагорнов И. В., Сарайкин Д. А. Психологическая подготовка спортсмена в стрелковом спорте. Челябинск, 2017. 43 с.
3. Калинин М. И. О коммунистическом воспитании. М., 1945. 234 с.
4. Шпак М. П. Физическая и психологическая подготовка стрелка-спортсмена. М., 1979. 68 с.

5. Аренд Л. А. Тактическая и психологическая подготовка стрелков-винтовочников : метод. рекомендации. Воронеж, 2016. 24 с.
6. Бабушкин Г. Д., Нам О. С. Совершенствование психологической подготовки стрелков из пистолета к соревнованиям на основе развития психологических качеств // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2. С. 315–319.
7. Зайцева Е. В., Пивоваров Д. В. Трудности формирования психологической готовности к применению огнестрельного оружия у курсантов образовательных организаций системы МВД России // Совершенствование огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов : сб. мат-лов внутривед. круглого стола / отв. ред. В. Е. Степанюк. Орел, 2018. С. 28–32.
8. Солоницкая Э. В., Митракова Е. Н. Психологические аспекты предстартового состояния стрелка: проблемы и пути решения // Юрист-правовед. 2015. № 2. С. 34–38.
9. Якоб А. А. Психологическая адаптация стрелков к соревновательной обстановке // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 3. С. 87–89.
10. Кузьмин С. С. К вопросу о психологической подготовке стрелка-спортсмена // E-Scio. 2022. № 3. С. 514–520.
11. Алтунин А. Ю. Вопросы психологической подготовки при обучении стрельбе // Наука-2020. 2021. № 1. С. 33–37.
12. Паначев В. Д., Риль В. А., Панченко С. Л. Исследование психологических особенностей спортсменов-стрелков // Дискуссия. 2012. № 8. С. 142–145.
13. Витушкин А. В. Методика борьбы с ошибкой «ожидание выстрела» в обучении стрельбе курсантов вузов Федеральной службы исполнения наказаний в России // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2020. № 4. С. 70–73.
14. Гаськов А. В., Константинов В. Н. Комплексный подход к тренировочному процессу в практической стрельбе // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. Вып. 4. С. 52–60.
15. Глухов В. Г. Организация эффективного обучения по дисциплине «огневая подготовка» курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России // Полицейская деятельность. 2023. № 4. С. 20–29.
16. Торопов В. А. Теория и практика эффективного обучения сотрудников органов внутренних дел стрельбе из личного оружия : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2001. 40 с.
17. Пивоваров Д. В., Зайцева Е. В. Соревновательный метод обучения на занятиях по огневой подготовке в образовательных организациях системы МВД России // Совершенствование образовательных программ, планирование и реализация учебного процесса : сб. тр. конф. / под ред. В. А. Гусева, М. С. Десятова. Омск, 2020. С. 113–115.
18. Санков П. А. Психологические аспекты организации занятий по огневой подготовке // Вестник Иркутской высшей школы МВД России. 1997. № 3. С. 37–41.
19. Кубланов М. М., Прошукайло В. И. Теоретические основы пулевой стрельбы : учеб. пособие. Воронеж, 2022. 174 с.
20. Park S.-H., Lim B.-S., Lim S.-T. The Effects of Self-Talk on Shooting Athletes' Motivation. *Journal of Sports Science & Medicine*. 2020. No. 3. Pp. 517–521.

Поступила 15.05.2025; одобрена после рецензирования 25.01.2026; принята к публикации 30.03.2026.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Общетеоретические и отраслевые проблемы юридической науки и практики

General theoretical and branch-related issues of juridical science and practice

Научно-теоретическая статья

УДК 342.9 © Бавсун И. Г., 2026

doi: 10.24412/1999-6241-2026-3106-367-373

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Проблемы и перспективы преподавания административного права на современном этапе

Ирина Геннадьевна Бавсун, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин¹;
ibavsun@mail.szfrgup.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8953-031X>

¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, 5, Россия

Реферат. Введение. Стремительное развитие публично-управленческих отношений, обусловившее существенные трансформации административного права, требует пересмотра давно сложившихся традиционных подходов к его преподаванию, в частности, к построению структуры учебного курса административного права. Цель — выявление проблем изучения административного права на современном этапе и обоснование необходимости формирования комплексного подхода к преподаванию административно-правовых дисциплин. **Материалы, результаты и обсуждение.** Проанализировано 67 учебных изданий по административно-правовым дисциплинам советского и постсоветского периодов. Выявлены ключевые проблемные аспекты преподавания административно-правовых дисциплин, включая несовпадение структуры отрасли права и учебного курса, утрату заложенного в советский период управленческого контекста административно-правового регулирования, сложности интеграции административного процесса и административно-деликтного законодательства в учебный курс административного права, что позволило обосновать необходимость пересмотра устоявшихся подходов к преподаванию административно-правовых дисциплин. **Выводы.** Современное преподавание административного права требует перехода от модели, восходящей к советской традиции, основанной на делении на общую и особенную части, к гибкой системе преподавания, предполагающей сохранение в структуре юридического образования фундаментальной общей части административного права, введение курса теории государственного управления, а также внедрение специализированных учебных дисциплин (административный процесс, административно-деликтное законодательство, особенности административно-правового регулирования в отдельных сферах жизнедеятельности общества) с учетом современных требований практико-ориентированного образования.

Ключевые слова: административное право, учебная дисциплина, концепция преподавания, практико-ориентированный подход

Для цитирования: Бавсун И. Г. Проблемы и перспективы преподавания административного права на современном этапе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2026. Т. 31, № 3(106). С. 367–373. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-367-373>

Scientific and Theoretical Article

UDC 342.9 © Bavsun I. G., 2026

doi: 10.24412/1999-6241-2026-3106-367-373

5.1.2. Public Law (State and Law) Sciences; 5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education

Problems and Prospects of Teaching Administrative Law at the Present Stage

Irina G. Bavsun, Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of State and Law Disciplines¹;
ibavsun@mail.szfrgup.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8953-031X>

¹ North-West branch of Russian State University of Justice named after Lebedev V.M., 5, Alexandrovsky park, St. Petersburg, 197046, Russia

Abstract. Introduction. The rapid development of public-management relations, which led to significant transformations of administrative law, requires a revision of the long-established traditional approaches to its teaching, in particular, to the building of the structure of the training course of administrative law. The goal is to identify the problems of studying administrative law at the present stage and prove the need to form an integrated approach to teaching administrative law disciplines. **Materials, Results**

and Discussion. 67 educational publications on administrative law disciplines of the Soviet and post-Soviet period were analyzed. Key problematic aspects of teaching administrative law disciplines were revealed, including the discrepancy between the structure of the branch of law and the training course, the loss of the administrative context of administrative and legal regulation laid down in the Soviet period, the complexity of integrating the administrative procedure and administrative and tort legislation into the training course of administrative law, which made it possible to argue the necessity of revising the established approaches to teaching administrative law disciplines. **Conclusions.** Modern teaching of administrative law requires a transition from a model dating back to the Soviet tradition, based on division into general and special parts, to a flexible teaching system, which implies the preservation of the fundamental general part of administrative law in the structure of legal education, the introduction of a course in the theory of public administration, as well as the introduction of specialized educational disciplines (administrative procedure, administrative and tort legislation, features of administrative and legal regulation in certain areas of the life of society), with regard to the modern requirements of practice-focused education.

Keywords: administrative law, educational subject, conception of teaching, practice-focused approach

Citation: Bavsun I. G. Problems and Prospects of Teaching Administrative Law at the Present Stage. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2026. Vol. 31. No. 3(106). Pp. 367–373 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2026-3106-367-373>

Основные положения

1. Преподавание административного права в современных реалиях сопряжено с определенными сложностями, обусловленными многими факторами: цифровой трансформацией государственного управления, разрастанием административного законодательства, изменением роли государства в публично-правовых отношениях и многими другими, оказывающими влияние на понимание предмета и системы административного права. Это в свою очередь требует пересмотра подходов к его преподаванию.

2. Деление административного права на общую и особенную части долгое время определяло и построение одноименного учебного курса. В настоящее время в программах образовательных организаций и многих учебных изданиях прослеживается либо отказ от освещения вопросов особенной части административного права, либо их значительное сокращение, что ограничивает возможности качественной подготовки специалистов юридического профиля.

3. Советское административное право традиционно признавалось правом государственного управления. В современных учебниках данный подход большей частью утрачен, однако без понимания сущности государственного управления (целей, системы, процессов) невозможно полноценно уяснить содержание административно-правового регулирования.

4. Объем правового регулирования административно-процессуальной деятельности и административной ответственности достиг такого уровня, что их изучение в рамках одной дисциплины «Административное право» становится малоэффективным.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Преподавание административного права сегодня представляет определенные сложности. Оставаясь фундаментальной отраслевой дисциплиной, формирующей правосознание будущих юристов, государственных и муниципальных служащих, она, как никакая другая, испытывает на себе ускоряющуюся динамику

общественных отношений. Цифровая трансформация государственного управления, разрастание административного законодательства, затрагивающего все больше сфер общественной жизни, изменение роли государства в публично-правовых отношениях, запрос работодателей на практико-ориентированных выпускников, готовых применять нормы административного права в сложных, часто конфликтных ситуациях и при этом имеющих представление о системе и механизмах государственно-управленческой деятельности, требуют пересмотра подходов к преподаванию административного права.

Цель — выявление системных сложностей изучения административного права на современном этапе и обоснование необходимости формирования комплексного подхода в рамках концепции преподавания административно-правовых дисциплин.

Материалы, результаты и обсуждение

Можно выделить ряд проблемных аспектов преподавания административно-правовых дисциплин на современном этапе.

Взаимозависимость системы отрасли права и структуры учебной дисциплины. Пожалуй, важнейшая проблема кроется в тесной связи системы отрасли права и структуры соответствующей учебной дисциплины. Вопрос о системе отрасли права, ее внутреннем содержании, критериях построения является одним из ключевых для любой отрасли права [1, с. 79], потому что позволяет сформировать внутреннее единство правовых норм, гармонизировать законодательство в какой-либо сфере и во многом определяет построение системы подготовки специалистов юридического профиля.

Перманентная дискуссия относительно понимания системы административного права России не только не утихает, но в последнее время явно активизировалась [2; 3]. Сформировавшаяся в середине прошлого столетия, она, по мнению многих авторов, требует поиска новых критериев ее структуризации, что неминуемо влечет за собой и вопрос о пересмотре подходов к содержанию и структуре учебной дисциплины административного права, к ее преподаванию.

В советской правовой доктрине сложилось деление административного права на общую (основные институты административного права) и особенную (особенности административно-правового регулирования в различных сферах и областях социальной действительности) части. Такого подхода повсеместно придерживались авторы учебных изданий того периода [4–9]. В общей части традиционно рассматривались основные институты административного права: его предмет, источники, система, административно-правовые нормы и отношения; субъекты административного права (органы советского государственного управления, государственные служащие, общественные организации, граждане); формы и методы государственного управления; способы обеспечения законности в государственном управлении.

В особенной части освещались вопросы организации государственного управления народным хозяйством или в экономической и хозяйственной сфере (управление промышленностью, строительством, сельским хозяйством, транспортом, дорожным хозяйством, связью, внутренней торговлей, жилищно-коммунальным хозяйством и бытовым обслуживанием населения), социально-культурной сфере (управление образованием, наукой, культурой, здравоохранением, социальным обеспечением) и административно-политической сфере (управление в области обороны страны, обеспечение государственной безопасности и общественного порядка, юстиции, иностранных дел, внешних экономических связей). Иногда данная часть дополнялась вопросами межотраслевого государственного управления, к которым относились планирование, учет, сфера финансов и кредита, материально-техническое снабжение, область труда и заработной платы, государственной стандартизации, а также сфера изобретений и открытий [10].

Такая структура курса долгое время представлялась необходимой для подготовки специалистов юридических специальностей, для формирования комплексного восприятия административного права обучающимися. Но, как показал обзор учебной литературы по административному праву, в 2000-х гг. авторы часто стали ограничиваться освещением только вопросов общей части [11; 12 и др.], особенная часть могла быть представлена в усеченном виде, например лишь одной сферой административно-правового регулирования [13]. Примечательно, что такая же тенденция (отсутствие раздела, содержащего темы особенной части, или ограничение его чрезвычайно малым количеством учебных часов, что не позволяет в полном объеме рассмотреть специфику административно-правового регулирования в различных сферах) выявляется при анализе программ учебной дисциплины «Административное право».

Особенная часть административного права представляет собой сложную систему правового регулирования государственно-управленческой деятельности в отдельных сферах социальной действительности, а ее

освоение является достаточно трудоемким процессом, требующим существенного количества учебных часов, поэтому важно сформировать сбалансированный подход к ее содержанию в рамках отдельных программ подготовки специалистов. Знание основ административно-правового регулирования в определенной области является абсолютно необходимой базой подготовки будущих специалистов. В условиях сокращения аудиторных часов при увеличении объема нормативного материала обеспечить надлежащую практическую ориентированность курса с детальным рассмотрением всех тем особенной части становится проблематичным. Поэтому, вероятно, развитие профессиональных умений и навыков обучающихся применительно к отдельным отраслям и сферам административно-правового регулирования должно осуществляться согласно потребностям профессиональной деятельности будущих специалистов в рамках отдельных специальных курсов в соответствии с заказом работодателя.

Увеличение объемов административного законодательства и трансформация особенной части административного права. Дополнительные сложности для систематизации учебного материала и выработки оптимального подхода к формированию курса административного права представляет то, что административное законодательство и отрасль права не совпадают в своих границах. Постоянное увеличение объема нормативного материала позволяет авторам выделять подотрасли административного законодательства, многие из которых уже давно и прочно заняли место в качестве предмета самостоятельных учебных дисциплин (например, служебное право или государственная служба, таможенное право, миграционное право, информационное право и др.). Выделение на этой основе образовательной, медицинской, строительной, дорожной, военной, спортивной и других подобных подотраслей, объединяющих правовые нормы, регламентирующие конкретные сферы управленческой деятельности, представляется сомнительным, но для целей подготовки специалистов соответствующего профиля данные подотрасли административного законодательства могут изучаться в рамках отдельных специальных курсов в соответствии с потребностями будущей профессиональной деятельности обучающихся.

Уникальное решение, направленное на гармонизацию общей и особенной частей административного права в контексте его преподавания, предложил В. М. Манохин. В учебнике «Административное право России» в самостоятельный раздел выделен «новый объект правового, прежде всего административно-правового регулирования, который был назван функциональным сектором, функциональным разрезом» [13, с. 122]. В нем раскрываются организационный аспект государственного руководства отраслями, соотношение материальных отраслей права и отраслей государственного управления, организационные формы государственного руковод-

ства отраслями и в развитие отраслевого управления предлагается рассмотреть функциональный аспект государственной управленческой деятельности. Признавая прогрессивность и обоснованность данного подхода, выводящего понимание механизмов воздействия права на определенную группу общественных отношений на новый уровень, отмечая тесную его взаимосвязь с государственно-управленческой деятельностью, все же следует признать, что ограниченные рамки учебной дисциплины «Административное право» не позволяют рассматривать эти сложные вопросы организационно-функционального аспекта управленческой деятельности в контексте административно-правового регулирования. Данный подход требует дальнейшей научной разработки и в перспективе может оказать существенное влияние на формирование концепции преподавания административного права.

Утрата управленческого контекста административного права. Еще один аспект, влияющий на систему преподавания административно-правовых дисциплин, заключается в тесной связи государственного управления и административного права. Определяя назначение последнего, Ю. М. Козлов отмечал, что оно призвано юридическим средством «обслуживать» повседневную государственно-управленческую деятельность, регулировать возникающие в ее процессе многообразные общественные отношения [11, с. 11]. Особенностью курса советского административного права являлось предвзвешивание вопросов административно-правового регулирования теорией и методологией советского государственного управления. В частности, в учебной литературе того времени уделялось большое внимание таким аспектам, как понятие и принципы государственного управления, методы государственного управления (убеждение, поощрение и принуждение), общественный контроль, меры общественного воздействия [4, с. 5, 34–65] и роль общественных организаций в советском государственном управлении [6, с. 175]. В отдельных изданиях рассматривались вопросы организации деятельности аппарата государственного управления и научной организации управленческого труда [7, с. 183–184; 9, с. 81–86], раскрывались задачи государственного управления и производные от них функции управленческой деятельности, основы построения органов государственного управления, их организационная структура [8, с. 97], порядок утверждения и регистрации штатов органов государственного управления, предприятий и учреждений; основы организационной деятельности органов советского государственного управления (коллегияльность и единоначалие в государственном управлении, руководство, планирование работы и т. п.) [5, с. 153, 157–177]; организация работы с кадрами, принятие и исполнение управленческих решений, внутриведомственный контроль и проверка исполнения [10, с. 3] и другие аспекты управленческой деятельности.

В последнее время лишь некоторые авторы, освещающие вопросы административно-правового регулирования, обращаются к теории государственного управления. Так, Ю. А. Тихомиров в курсе административного права и процесса рассматривал уникальный аспект развития идей и программ государственного управления и административного права, управление государственными делами и их правовое обеспечение, некоторые элементы механизма административно-правового управления, в частности, организацию и функционирование государственного аппарата, государственный контроль, информационное обеспечение государственного управления и др. [14, с. 7, 31, 434]. Ю. Н. Старилов дополнил курс общего административного права вопросами соотношения теории управления и теории административного права [15, с. 145–152]. Но таких примеров крайне мало.

Возникает вопрос: оправдана ли в современных реалиях трансляция административного права через призму государственно-управленческой деятельности и можно ли сформировать понимание у обучающихся сущности административно-правового регулирования без погружения их в отдельные аспекты теории управления вообще и государственного управления в частности? В работах Ю. А. Тихомирова, А. Е. Лунева, М. И. Пискотиной, В. А. Юсупова, И. Л. Бачило, Б. П. Курашвили, Б. М. Лазарева и других видных ученых освещались важные аспекты советского государственного управления и механизма их нормативного закрепления. Опубликовано в 1997 г. фундаментальное исследование Г. В. Атаманчука, посвященное теоретическим вопросам государственного управления в целом и его правовому регулированию в частности [16], задавало вектор развития теории государственного управления, выделение которой в самостоятельную отрасль знаний в настоящий период ни у кого не вызывает сомнения. До этого времени наука административного права расширяла свой предмет, охватывая многие неправовые аспекты управленческой деятельности.

И такой подход имел прочные основы, поскольку административные правоотношения рассматривались прежде всего как государственно-властные, в рамках которых осуществлялось управленческое воздействие на общественные системы и процессы, а роль административного права представлялась в виде правового регулятора государственно-управленческой деятельности. Набирающая в настоящее время популярность «сервисная» концепция государства, вероятно, заставит изменить взгляд на природу государственно-управленческой деятельности и, как следствие, приведет к переоценке роли административного права и пересмотру содержания курса административного права. Но тесная связь административного права с теорией и практикой государственного управления в настоящее время по-прежнему тесна и очевидна.

В связи с этим хочется разделить сожаление Ю. Н. Старилова о том, что в системе современного российского юридического образования теория управления не является обязательным курсом [15, с. 147]. Будущим юристам, изучающим административное право, для лучшего его уяснения, осознания его значения просто необходимо понимание сущности государственного управления, его природы, целей, системы, процессов и т. д. Возможно, с учетом современных реалий необходимо ставить вопрос о введении для юридических специальностей обязательного курса «Теория государственного управления» или «Основы государственного управления», который предвзял бы изучение административно-правовых дисциплин.

Интеграция или дезинтеграция административного процесса и административно-деликтного законодательства в структуре учебной дисциплины «Административное право». Еще одним важным аспектом, определяющим предметные рамки и структуру курса административного права, является вопрос о месте и содержании административного процесса, обособлении или интеграции «Административно-процессуального права». И если в науке данному направлению уделяется большое внимание [17; 18], то попытки встроить административный процесс в качестве раздела учебной дисциплины «Административное право» не всегда можно признать удачными. Без глубокого изучения административно-процессуальной деятельности и ее правового регулирования, понимания места и роли административного процесса в публично-правовых отношениях обучающимся сложно оценить и понять их значение, содержание и границы. При этом раздел «Административно-процессуальное право» выделяется в структуре ряда учебных изданий по административному праву [19, с. 283–288], но при этом не раскрывается его природа и не дается ответ на вопрос о его месте в системе российского права.

«Административно-процессуальное законодательство — едва не самая актуальная, сложная и противоречивая отрасль всего российского процессуального законодательства» [20, с. 62]. Оно регулирует разнообразные виды административно-процессуальной деятельности (административное судопроизводство, производство по делам об административных правонарушениях, разнообразные административные процедуры, образующие отдельные административные производства). Эти аспекты рассматриваются в рамках таких разделов академических курсов административного права, как «Административный процесс» [21, с. 174], «Административно-процессуальная деятельность» [22, с. 429], «Административно-процессуальные формы деятельности публичной администрации» [23, с. 331]. Но объем правового регулирования в данной сфере достиг таких размеров, что представляется более обоснованным изучение административно-процессуальной

деятельности в рамках отдельной учебной дисциплины «Административно-процессуальное право» или «Административный процесс», методически обеспеченной соответствующими учебными изданиями [24].

Еще более сложный вопрос заключается в определении места так называемого административно-деликтного права, регулирующего общественные отношения, возникающие в связи с привлечением к административной ответственности. Следует признать, что само выделение административно-деликтного права как подотрасли административного права неоспорно. Тем не менее ряд авторов предлагает учебные издания по соответствующей тематике [25; 26]. Безусловно, следует признать необходимость углубленного рассмотрения вопросов административной ответственности, особенно с учетом потребностей практической деятельности будущих специалистов соответствующего профиля, но изучение данной части административного законодательства предпочтительнее осуществлять в рамках отдельных специальных курсов на основе практико-ориентированного подхода. Так, для подготовки полицейских Н. Н. Цуканов предлагает включить в структуру обучения (на заключительных курсах) учебную дисциплину «Реализация полицией законодательства об административной ответственности» [27, с. 92].

Проведенный анализ подходов к построению системы преподавания административно-правовых дисциплин и содержания учебных изданий по административному праву продемонстрировал большой диапазон взглядов авторов на этот вопрос. Сложность административных отношений, неразрешенность многих ключевых вопросов (в том числе принципиального как для построения отрасли права, так и для учебной дисциплины вопроса о предмете административного права) на доктринальном уровне, многообразие мнений ученых-административистов обуславливают трудности в понимании студентами ключевых моментов административного права.

Статья 69 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает, что «высшее образование в Российской Федерации имеет своей целью обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства». В рамках развития юридического образования особое значение приобретает вопрос о разработке концепции преподавания административно-правовых дисциплин, что, безусловно, потребует существенных организационных и методических усилий. Тем не менее хочется призвать научное сообщество не ограничиваться поиском критериев для систематизации отрасли административного права и кодификации административного законодательства и обратить внимание на выработку комплексного концептуального подхода построения

системы преподавания административно-правовых дисциплин в целом и административного права как системообразующей дисциплины в частности.

Выводы

1. Изменение характера и существенное увеличение объема административно-правового регулирования требуют пересмотра подходов к преподаванию административного права в соответствии с современными реалиями. При этом необходима не просто корректировка учебных планов, а выработка целостной концепции преподавания административно-правовых дисциплин, учитывающей доктринальные основы, динамику законодательства и потребности практики.

2. В методологии преподавания административного права сохраняется его деление на общую и особенную части, но явно наметился отказ от детального рассмотрения вопросов особенной части административного права, освоение которой трудоемко, но необходимо для понимания обучающимися специфики административно-правового регулирования в различных сферах общественной жизни. В связи с этим целесообразно поместить изучение отраслевого административно-правового регулирования в рамки специальных учебных дисциплин в соответствии с потребностями будущей профессиональной деятельности выпускников (заказом работодателя).

3. Управленческий контекст, характерный для советского административного права, в настоящее время практически утрачен. Но сложно отрицать, что административно-правовое регулирование осуществляется в связи с государственно-управленческой дея-

тельностью и, по сути, формирует ее правовые границы. Поэтому без понимания содержания государственного управления (его целей, задач, системы и процессов) невозможно уяснить сущность административного права. Поэтому необходимо восстановить связь между преподаванием административного права и теорией государственного управления, что позволит формировать у выпускников системное видение механизма административно-правового регулирования.

4. Объем правового регулирования административно-процессуальной деятельности и административной ответственности достиг такого уровня, что их изучение в рамках одной дисциплины «Административное право» становится малоэффективным. Поэтому для глубокого освоения данных массивов административно-правового регулирования целесообразно выделить из общего курса административного права как самостоятельные элементы учебного плана программы юридического образования административно-процессуальное право и административно-деликтное законодательство (в зависимости от направления и профиля подготовки).

Область применения и перспективы. Результаты исследования могут быть использованы для разработки учебных планов по программам высшего юридического образования. Комплексный подход к построению учебных курсов и преподаванию дисциплин административно-правового профиля должен способствовать повышению качества подготовки специалистов в соответствии с задачами высшего юридического образования и потребностями практической деятельности.

Список источников / References

1. Кобзарь-Фролова М. Н. Круглый стол «Система административного права: открытие широкой дискуссии» // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 79–82.
2. Гришкова А. А. Система административного права: актуальная трактовка // Государство и право. 2022. № 12. С. 92–98.
3. Кобзарь-Фролова М. Н. Система административного права: традиции и новации // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 4. С. 288–300.
4. Студеникин С. С. Советское административное право : учебник. М., 1945. 148 с.
5. Петров Г. И. Советское административное право (Общая часть) : учеб. пособие. Л., 1960. 344 с.
6. Советское административное право (Общая часть) : учебник для юридических факультетов и институтов / под ред. Ю. М. Козлова. М., 1962. 302 с.
7. Ключишченко А. П. Советское административное право (Часть общая) : специализированный курс лекций. Киев, 1975. 264 с.
8. Якуба О. М. Советское административное право (Общая часть) : учебник для студентов юридических институтов и факультетов. Киев, 1975. 232 с.
9. Еропкин М. И., Ключишченко А. П. Советское административное право : учебник для средних юридических учебных заведений. М., 1979. 311 с.
10. Административное право (Общая и Особенная части) : учебник для средних юридических учебных заведений / под ред. М. И. Еропкина. М., 1971. 415 с.
11. Козлов Ю. М. Административное право : учебник. М., 2005. 192 с.
12. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право : учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М., 2005. 800 с.
13. Манохин В. М. Административное право России : учебник. 2-е изд., стер. Саратов — М., 2011. 137 с.
14. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс : полный курс. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2005. 697 с.
15. Старилов Ю. Н. Курс общего административного права : в 3 т. М., 2002. Т. 1 : История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. 711 с.
16. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : курс лекций. М., 1997. 398 с.
17. Сорокин В. Д. Административный процесс и административно-процессуальное право : монография. М., 2002. 474 с.

18. *Новые подходы современной теории административного процесса в России* : монография / под ред. А. И. Стахова. М., 2023. 448 с
19. *Попов Л. Л., Мигачев Ю. И.* Административное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. Л. Л. Попов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. 544 с.
20. *Старилов Ю. Н.* Модернизация административно-процессуального законодательства: основные задачи и главные направления законотворческой деятельности // *Юридическая техника*. 2015. № 9. С. 62–75.
21. *Конин Н. М., Маторина Е. И.* Административное право : учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2026. 454 с.
22. *Алехин А. П., Кармолицкий А. А.* Административное право России. Первая часть : учебник. М., 2009. 528 с.
23. *Стахов А. И., Кононов П. И.* Административное право России : учебник для бакалавров. М., 2014. 651 с.
24. *Зеленцов А. Б., Кононов П. И., Стахов А. И.* Административно-процессуальное право России : учебник для вузов : в 2 ч. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2025. Ч. 1. 311 с.
25. *Кирич А. В.* Административно-деликтное право : учебник. М., 2023. 544 с.
26. *Аникеенко Ю. Б., Новоселова Н. В.* Административно-деликтное право : учеб. пособие. М., 2023. 335 с.
27. *Цуканов Н. Н.* Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел : монография. Красноярск, 2012. 288 с.

Поступила 23.03.2026; одобрена после рецензирования 10.04.2026; принята к публикации 30.06.2026.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Требования к представляемым материалам

1. Общие правила. Принимаются статьи, отражающие результаты самостоятельных и завершенных исследований. Описания пилотажных исследований, отчетов, не имеющих научных выводов, дублирование ранее опубликованных работ в качестве отдельной статьи к рассмотрению не принимаются. Материалы статьи не должны содержать некорректных заимствований.

Автор рукописи гарантирует, что не нарушает законодательство Российской Федерации, включая нормы об охране авторского права, принимает на себя ответственность за точность и информативность излагаемых сведений.

2. Авторы представляют в редакцию:

— статью, оформленную в соответствии с требованиями (название статьи до 14 слов). Название должно быть информативным, лаконичным, соответствовать научному стилю текста, содержать основные ключевые слова, характеризующие тему (предмет) исследования и содержание работы. Заглавие должно легко восприниматься читателями и поисковыми системами;

— индекс УДК, соответствующий теме статьи, шифр научной специальности;

— сведения об авторе (Ф. И. О. (полностью), ученые степень и звание, должность), ORCID, адрес электронной почты;

— полное название организации, с указанием формы собственности, ведомственной принадлежности каждого из авторов, адрес с почтовым индексом. Необходимо придерживаться унифицированного названия организации, как правило, зафиксированного в уставе организации;

— аннотацию (abstract). Она должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной в соответствии с логикой изложения материала, компактной (от 100 до 250 слов);

— ключевые слова (key words) (6–8 речевых единиц) из текста статьи;

— основные положения.

3. Требования к представляемым материалам:

— статьи принимаются в формате doc, docx, rtf. Шрифт — Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5;

— объем рукописи — до 30 тыс. знаков, включая рисунки и таблицы, больший объем допускается в индивидуальном порядке, по решению редакции. Текст тщательно вычитывается и подписывается авторами;

— иллюстративный материал должен быть ориентирован на черно-белую печать. Формат графических файлов для растровой графики — TIFF или JPEG, разрешение — 300 dpi (пиксели на дюйм). Графики, схемы, диаграммы и т. д. должны быть сделаны в векторных программах (не в Word) и сохранены в формате EPS или AI;

— сокращения и символы, единицы измерения должны соответствовать принятым стандартам (в системе СИ и ГОСТ 7.0.12-2011);

— в списке литературы авторы упоминаются в порядке цитирования, в него следует включать и произведения зарубежных авторов, а также источники, входящие в международные научные базы. Число источников должно быть достаточным для оптимального раскрытия темы статьи. Все ссылки на литературные источники в тексте статьи печатаются арабскими цифрами в квадратных скобках, например: [5, с. 6]. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой, например: [10, с. 9; 12, с. 50] (ГОСТ Р 7.0.5-2008). При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования;

— источники без указания автора материала, нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), пояснения, замечания, которые не будут проиндексированы в базах данных цитирования, указываются в сносках внизу страницы и в список литературы не выносятся;

— самоцитирование автора допускается, но не более 20% от количества источников в списке.

Журнал является рецензируемым. Все статьи рецензируются, независимо от ученых званий и степеней авторов. Рецензирование осуществляют специалисты по тематике рецензируемых материалов, которые имеют в течение последних трех лет публикации в указанной сфере.

Рукописи принимаются к рассмотрению по электронной почте в режиме online. E-mail редакции: karavaevmvd@mail.ru. Авторы могут присылать рукописи по адресу: 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. Омская академия МВД России, журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» (с пометкой «Караваяев А. Ф.»), тел.: +7 (913) 971-80-28.

Электронные архивы выпусков журнала находятся в открытом доступе на сайте журнала <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru> и на сайтах научных электронных библиотек по адресу: <https://www.elibrary.ru>; <https://www.cyberleninka.ru>. Номера размещаются в РИНЦ (Science Index), на международной платформе публикаций **Readera** по адресу: <https://readera.org/pp-omamvd>

С подробными требованиями к оформлению статьи можно также ознакомиться в разделе «Информация для авторов» на сайте журнала. Публикации в журнале бесплатные.

Редакция приглашает Вас к сотрудничеству!

INFORMATION FOR AUTHORS AND SUBSCRIBERS

Dear colleagues!

Regulations On Submitting The Manuscript By The Author

1. General rules. The submitted materials shall comprise the results of original and completed research. Descriptions of pilot researches, reports missing scientific outcomes, duplication of earlier published works as an article are not admissible. The submitted materials shall not contain inappropriate borrowings.

The author of the manuscript is responsible for observing the copyright law and other legislative norms, accuracy and information value of the data conveyed. Publication of the materials in the peer-reviewed journals is the means of scientific communication and contributes largely to the corresponding field of science. The editorial office supports the mentioned communications and observes publishing ethical requirements.

2. The authors provide the editorial office with:

— the article arranged according to the requirements (the title — from 4 to 12 words). The title shall be of much information value, concise, conform to scientific style of the text, contain the main keywords describing the subject-matter of the research and its content. The title shall be comprehensible for readers and search systems;

— universal decimal classification (UDC) index in accordance with the subject-matter of the article;

— data about the author (family name, middle name, first name in full form, science degree, academic rank, position), ORCID;

— full name of the organization, describing the form of ownership, each author's membership in a department, address with a zip-code. It is advisable to use the uniform name of the organization usually given in the organization's bylaw. When giving address in English it is necessary to observe English grammar rules and give the information as follows (according to rules of punctuation): apartment number, street, city, zip-code, county;

— the abstract. It should be informative, original, meaningful, structured according to the logics of the material, concise (100–250 words);

— keywords (6–8 lexical units) from the text of the article.

To be put on the English version of the journal site and in the Russian Science Citation Index system the translation of metadata is carried out by the editorial board.

3. Requirements to the submitted materials:

— the articles are admitted in the doc, docx, rtf file format, Times New Roman font — 14 pt, with 1,5 line spacing;

— the volume of the manuscript — 30 thousand characters, including pictures and tables, a larger volume is admissible in certain cases only, upon the editorial office resolution. The text is thoroughly proof-read and signed by the authors. Graphs, schemes, diagrams etc. must be fulfilled in vector programmes (not in Word) and saved in EPS or AI formats;

— contractions and symbols, measure units must conform to the standards adopted (in the International System of Units and GOST 7.0.12-2011);

— in References the authors are mentioned as cited. All the references in the article are given in ciphers in square brackets, e.g. [5, p. 6]. It is admissible to refer to different resources from the Reference list, their running numbers being separated by a semicolon, e.g. [10, p. 9; 12, p. 50] (GOST R 7.0.5–2008). When the reference is repeated, it takes the number of its first mentioning;

— resources with no author, normative documents (rulings, laws, instructions, etc), explanations, notes which will not be indexed in citation databases are given in footnotes at the bottom of the page and are not included in the reference list;

— self-citation is admissible if not exceeding 20% of the whole number of resources from the references list.

The journal is peer-reviewed. All articles are peer-reviewed despite the authors' academic ranks or science degrees. Peer-reviewing is carried out by the experts in the fields of the materials under review, the experts have got publications in the mentioned field during the last three years.

Manuscripts are admitted by e-mail on-line. E-mail: karavaevmvd@mail.ru. The authors can send the materials to the address: the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, journal "Psychopedagogy in Law Enforcement" (subject: "to Karavaev A. F."), 7, pr. Komarova, Omsk, 644092, phone: +7 (913) 971-80-28.

The electronic versions of the journal are available at the website <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru> and the websites of the scientific electronic libraries: <http://www.elibrary.ru>; <http://www.cyberleninka.ru>. The issues are placed in the Russian Science Citation Index system, electronic archives of the journal are available at [elibrary.ru](http://www.elibrary.ru).

As for detailed requirements to the arrangement of the article you can consult section "Information for authors" at the website <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>.

The publications are free of charge.

Subscription codes 41979 United catalogue "Russian Printed Media".

Welcome to cooperate!